

Исламъ-бай, вѣрный спутникъ Свена Гедина.

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ.

ПАМИРЪ.—ТИБЕТЪ.—ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ.

ПАМИРЪ.—ТИБЕТЪ.—ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

СВЕНА ГЕДИНА

въ 1893—1897 годахъ.

Переводъ со шведскаго А. и П. Ганзенъ.

Съ разрѣшенія автора.

Томъ II.

Со 140 рисунками и 1-ой картой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. Девриена.

1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Сентября 1899 года.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА II.

	СТРАН.
Глава I. Черезъ переваль Улугъ-артъ	1
” II. Между русскими и англичанами на Памирѣ	12
” III. Черезъ четыре горныхъ хребта	25
” IV. Верхомъ до Хотана.	38
” V. Нѣсколько дней въ Хотанѣ.	56
” VI. Находки около Буразана	66
” VII. Еще разъ черезъ Такла-маканъ. Помпея въ пустынѣ .	86
” VIII. Въ лѣсахъ Керіи-дары. Безвѣстное пастушье племя .	103
” IX. Родина дикихъ верблюдовъ	117
” X. По лѣсамъ Тарима. Курля. Кара-Шаръ	133
” XI. Древній Лобъ-норъ	150
” XII. Экскурсія на челнокъ по Илеку, Тариму и Южному Лобъ-нору	164
” XIII. Возвращеніе въ Хотанъ. Правосудіе Лю-дарина. . . .	180
” XIV. Къ сѣверной подошвѣ Кунь-луня.	201
” XV. Первые дни путешествія по Сѣверному Тибету	217
” XVI. Къ подошвѣ Арка-тага.	234
” XVII. Черезъ Арка-тагъ. Первое соленое озеро	250
” XVIII. Куланы и дикіе яки	262
” XIX. Высочайшее нагорье въ свѣтѣ. Караванъ нашъ все рѣдѣетъ	279
” XX. Первые монголы	305
” XXI. Между Цайдамскими монголами	320
” XXII. Тосо-норъ и Курлыгъ-норъ. Разбойники тангуты . . .	334

Глава XXIII. Страна Хара-тангутовъ. Куку-норъ	350
„ XXIV. Черезъ Донкыръ въ монастырь „тысячи изображеній“ (Гумбумъ)	366
„ XXV. Сининъ-фу. Возстаніе дунганъ. Новый караванъ . . .	385
„ XXVI. Черезъ пустыню Ала-шанъ въ Нинъ-ся	400
„ XXVII. Изъ Нинъ-ся въ Пекинъ. Домой.	416
Алфавитный указатель географическихъ названій, именъ собствен- ныхъ и мѣстныхъ словъ и выраженій къ I и II томамъ	433

Гинду-ку; видъ около перевала Упрангъ.
(Съ рисунка автора).

I.

Черезъ переваль Улугъ-артъ.

10 іюля я съ Исламъ-баемъ, двумя другими слугами и шестью лошадьми выступилъ изъ Кашгара въ селеніе Токузъ-акъ (девять бѣлыхъ), куда и прибылъ въ тотъ-же день. Вѣрный спутникъ мой въ пустынь Касимъ остался сторожемъ въ консульствѣ. Изъ лошадей одна — небольшой пѣгій жеребчикъ — была куплена еще у Хотанскихъ купцовъ въ то время, какъ я проживалъ въ бесѣдкѣ, въ лѣсу, на Хотанъ-дарьѣ. Это была славная лошадка, веселая, ласковая, ручная, точно собачка. Для себя лично я купилъ превосходную рослую верховую лошадь, которой и предстояло носить меня больше года по азиатскимъ пустынямъ. Всѣ пять новыхъ лошадей стоили только 124 рубля. Лошади въ Кашгарѣ дешевы.

11 іюля мы продолжали путь на юго-западъ до большого селенія Упаль (2,000 дворовъ), являющагося вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпостью, съ гарнизономъ въ 200 чел., и резиденціей двухъ мандариновъ низшаго ранга. Весь день лилъ дождь, и лессовый грунтъ, по которому вела дорога, размякъ, обратился въ скользкую, липкую грязь. Вымокшіе до костей заѣхали мы въ одинъ изъ дворовъ около базара и развели большой костеръ, чтобы обсушиться.

Посреди селенія протекаетъ небольшая рѣчка, берущая начало на перевалѣ Улугъ-артъ, и орошаетъ рисовыя и хлѣбныя поля и сады. Рѣчка эта вырыла себѣ довольно широкое и глубокое русло въ ярко-желтомъ лессѣ, но въ селеніи берега поднимаются отлого до ясно выраженныхъ террасъ. Глиняныя сакли съ плоскими кровлями тянутся по самому берегу.

Немного спустя, по нашемъ прибытіи въ селеніе, мнѣ пришлось наблюдать еще невиданное мною, но обычное здѣсь въ дождливое время года явленіе. Послѣ продолжительнаго дождя, горныя ручьи сливаются въ одинъ мощный потокъ, переполняющій русло рѣчки и производящій иногда большія опустошенія. Этимъ-то мощнымъ скопленіемъ водъ, извѣстнымъ здѣсь подъ названіемъ „зиль“, и промыто такое глубокое русло, ограниченное глинистыми террасами.

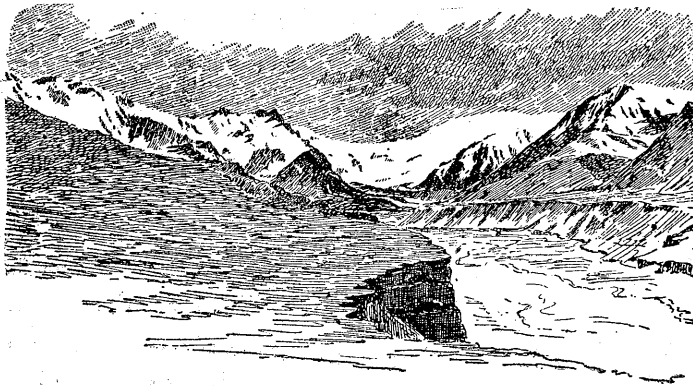
Въ 7 ч. мы услышали отдаленный шумъ, который, все приближаясь и разростаясь, превратился, наконецъ, въ оглушительный грохотъ. Словно кипящая, шипящая глиняная каша, дико несся потокъ, захватившій въ своемъ стремленіи массу землистыхъ частицъ съ горъ, и переполнилъ русло. Населеніе съ криками и жестами ужаса разбѣжалось кто куда. Я съ Исламомъ взлѣзъ на крышу сакли.

Минуту спустя, аллеи изъ ивъ и тополей по обоимъ берегамъ стояли затопленныя водой, почва дрожала подъ тяжестью вырвавшейся изъ береговъ водной массы, волны такъ и кипѣли грязной пѣной, брызги стояли столбомъ, точно туманъ. Стволы деревьевъ, обрубки, вѣтви, хворостины, копны сѣна и другіе предметы такъ и плясали по волнамъ, ударялись о берега, ныряли, всплывали снова и уносились по теченію. Деревянный мостъ, соединявшій берега рѣчки, разомъ былъ смытъ и тоже поплылъ, треща и кряхтя всѣми бревнами.

Вода все прибывала, затопила лучшую улицу и ворвалась въ низкіе домишки; переполошившіеся жители съ криками взбирались со своими пожитками вверхъ по скату на террасы. Нѣкоторые торопились набросать лопатами передъ своими жилищами валы изъ глины, чтобы преградить путь водѣ. Вся нижняя часть базара въ какія нибудь двѣ минуты была подъ водой. Оглушительный грохотъ потрясалъ воздухъ, наводя на всѣхъ ужасъ.

Матери бѣжали по поясъ въ водѣ, таща на рукахъ дѣтей. Всѣ крыши были покрыты перепуганными людьми; тѣ-же, кому нечего было терять, видимо, любовались величественнымъ зрѣлищемъ. Къ счастью, дворъ, на которомъ мы оставились, лежалъ такъ далеко отъ берега, что нашимъ пожиткамъ не угрожало никакой опасности.

Послѣ того, какъ все, что можно было спасти, было спасено, вниманіе всѣхъ устремилось на бахчу со спѣлыми дынями. По бороздамъ между грядками уже быстро ползли змѣйками струи воды. Обыватели устремились туда, набирали полныя охапки дынь, спѣшили къ подножію террасы и перебрасывали дыни другимъ, которые укладывали ихъ въ кучи.

Переваль Улугъ-артъ; видъ изъ аула Улугъ-артъ.

(Съ рисунка автора).

Часть дынь, однако, такъ и погибла, унесенная водой; десятка полтора сакль также были смыты цѣликомъ. Можно было-бы думать, что туземцы, наученные опытомъ, остерегаются разлива, повторяющагося ежегодно. Ничуть не бывало. Едва вода спадетъ, они возводятъ новые домишки на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ стояли старые.

Въ 9 ч. вечера вода стала спадать, и утромъ 12-го рѣчка приняла уже свой обычный видъ. Сообщеніе между берегами возстановилось. Съ нихъ было смыто все до чиста. На всякій случай мы остались на мѣстѣ до слѣдующаго дня.

Черезъ Мустагъ-ату, или Кашгарскій хребетъ, ограждающій Памиръ съ востока, ведутъ въ этихъ широтахъ че-

тыре перевала: Аягъ-артъ (Пѣшеходный переваль) и Казы-артъ (названный по имени киргизскаго рода), которые мы оставили къ сѣверу или по правую руку отъ себя, Буры-кузъ (Волчій глазъ), который остался налѣво, и Улугъ-артъ (Большой переваль), который мы выбрали для перехода.

Вода, образуемая изъ тающихъ снѣговъ, стекаетъ съ обоихъ послѣднихъ переваловъ по одной и той-же долинѣ въ равнину, гдѣ находится киргизскій караулъ; трактъ этотъ называется Оругума. Мѣстные киргизы принадлежатъ къ роду Тавуръ. Самый трудно-проходимый изъ переваловъ это Буры-кузъ, и пользуются имъ лишь въ такихъ случаяхъ, когда три другіе занесены снѣгомъ. Улугъ-артъ тоже довольно опасенъ для перехода, и имъ пользуются только въ періодъ половодья на Гезъ-дарьѣ, когда черезъ нее нѣтъ брода. Даже въ самые благопріятные годы переваль этотъ свободенъ отъ снѣга въ теченіе всего двухъ мѣсяцевъ: съ 15 іюня по 15 августа.

Отъ Упала дорога идетъ отлого поднимающейся бесплодной степной равниной, прорѣзанной глубокими и широкими оврагами, на днѣ которыхъ растетъ сочная трава, и пасутся стада овецъ. Затѣмъ мы вѣхали черезъ ущелье въ долину, высокіе отвѣсные бока которой состояли изъ черныхъ и зеленыхъ сланцевъ. Еще въ теченіе одного дня пути попадались обычные деревья — ивы и тополи, но затѣмъ прекратились. Долина рѣзко очерчена, и по ней протекаетъ прозрачно хрустальный ручеекъ, врѣзавшійся въ мощные конгломераты. Въ главную долину открывается справа боковая, подъ названіемъ Яманъ-сара (дурной домъ).

Вечеромъ 14 іюля небо потемнѣло; въ горахъ начало громыхать. Западнѣй вѣтеръ погналъ надъ долиной тяжелыя дождевыя тучи, и полилъ холодный дождь. Мы, закутавшись въ шубы, продолжали путь по становившемуся все круче подъему къ аулу Улугъ-артъ, который примостился съ правой стороны долины на конгломератовой террасѣ.

Изъ аула открывался видъ на всю долину. Смотрѣть на нее приходилось почти съ высоты птичьяго полета. Ручеекъ, значительно увеличившійся въ размѣрахъ, издавалъ какое-то металлическое бульканье. Вечеромъ повалилъ снѣгъ и покрылъ все кругомъ бѣлой пеленой. Большіе тяжелые хлопья

медленно падали, кружась въ воздухѣ; плотные снѣжные облака заволокли всю панораму.

Можно было подумать, что стоитъ середина зимы, а не середина іюля. Въ селеніи полагали, что перевалъ будетъ непроходимъ послѣ такого снѣга дня три, а можетъ статься, закроется и на цѣлый годъ, если снѣгъ будетъ продолжаться. Даже въ ясные дни на перевалѣ случалось тонули въ снѣгу лошади.

Итакъ, оставалось только вооружиться терпѣніемъ и выжидать хорошей погоды. Намъ, впрочемъ, не на что было жаловаться, такъ какъ мы устроились хорошо. Ауль состоялъ изъ двухъ чудесныхъ кибитокъ, одной, принадлежавшей кипчакъ, а другой найманъ-киргизамъ. Лошади наши могли пастись на окрестныхъ пастбищахъ, а для себя мы купили у нашихъ хозяевъ барана. Здѣшніе киргизы, такъ-же какъ и проживающіе въ аулѣ, расположенномъ въ горахъ повыше, проводятъ въ горахъ лишь лѣтніе мѣсяцы, зимою-же спускаются въ долины и равнину.

16 іюля мы рѣшили направиться къ Аягъ-арту, — киргизы знали тамъ одно мѣсто, черезъ которое легче было перебраться, но прибывшій въ ауль киргизъ изъ аула, расположеннаго повыше, предостерегъ насъ. Самый перевалъ, правда, былъ удобенъ для перехода, но по ту сторону протекала р. Марканъ-су, черезъ которую какъ разъ въ это время нельзя было перебраться, и намъ пришлось-бы вернуться нисъ чѣмъ назадъ.

Тотъ-же киргизъ ручался, что мы благополучно переберемся черезъ Улугъ-артъ и за 150 тенегъ (30 кронъ) брался съ 10 людьми перенести весь нашъ багажъ. Лошадямъ и безъ вьюковъ трудно было карабкаться по крутизнамъ. Мы и отправились въ слѣдующій ауль изъ 6 юртъ, принадлежавшихъ кипчакъ-киргизамъ; самый путь туда взялъ меньше часа, а въ аулѣ мы остались до слѣдующаго дня.

17 іюля въ половинѣ шестого утра погода была ясная, тихая, хотя надъ переваломъ нависли небольшія облака; восточный-же склонъ перевала въ теченіе послѣднихъ дней нѣсколько поосвободился отъ снѣга.

Черезъ часъ мы выступили въ путь въ сопровожденіи 10 киргизовъ, которые взяли съ собой двухъ лошадей и за-

паслись провіантомъ и топорами. Подъемъ велъ по узкой извилистой балкѣ, на днѣ которой журчалъ между гнейсовыми и сланцевыми валунами крохотный прозрачный ручеекъ. По обѣ стороны вздымались часто почти отвѣсныя скалы конгломерата. На ихъ округленныхъ вершинахъ паслись верблюды и овцы.

Еще выше громоздились скалы и гребни самыхъ причудливыхъ формъ, покрытые снѣгомъ. Въ 9 часовъ перевалъ не на шутку заволокся густыми облаками, и пошелъ снѣгъ, не перестававшій весь день. Словомъ, погода обѣщала мало хорошаго, и киргизы покачивали головами.

Налѣво виднѣлись два небольшихъ ледниковыхъ языка съ поперечными уступами и провалами, небольшими конечными моренами и ручейками, сливающимися въ одинъ потокъ. На гребняхъ направо, обнаженныхъ отъ снѣга солнцемъ, оставались только рудиментарные ледники. Мы ѣхали по ручью. Подъемъ сдѣлался страшно крутъ. Лошади безпрестанно останавливались, задыхаясь въ разрѣженномъ воздухѣ.

Наконецъ, мы достигли корытообразной ложбины у подножія перевала и принялись взбираться на крутизну тысячами извилинъ. Снѣжный покровъ достигалъ 1 ф. глубины, и лошади часто спотыкались о скрытыя подъ снѣгомъ кучи щебня.

Послѣдній конецъ пути былъ особенно тяжелъ. Весь багажъ пришлось нести на рукахъ, и киргизы поочередно взваливали себѣ на спину тяжелые ягданы. Каждый ягданъ несъ одинъ человѣкъ, а другой шелъ рядомъ, поддерживая ношу то съ боковъ, то сзади. Лошадей вели по одиночкѣ.

Въ 11 часовъ я пѣшкомъ достигъ гребня перевала, гдѣ возвышается мазаръ Хазретъ-Улугъ-арта, небольшая куча камней съ шестами, украшенными тряпицами. Киргизы считаютъ погребеннаго здѣсь святаго господиномъ перевала и погоды и покровителемъ путниковъ, поэтому и теперь, какъ при переходѣ черезъ перевалъ Кызыль-артъ, имя святаго не сходило съ устъ моихъ проводниковъ, особенно въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ.

Пока киргизы возились съ багажомъ и отыскивали наиболѣе удобныя для спуска мѣста на западномъ склонѣ, я часа полтора занимался на гребнѣ измѣреніемъ абсолютной высоты

и другими наблюденіями. Высота оказалась 5.150 м.; температура воздуха -0.6° .

Подъемъ на перевалъ былъ труденъ, но спускъ по западному склону оказался прямо головоломнымъ. Пройдя небольшой конецъ по очень отлогому западному склону, мы очутились у края обрыва, представлявшаго настоящей хаосъ скалъ, высывавшихся изъ подъ снѣга, пробираясь между которыми, намъ и предстояло спускаться въ буквальномъ смыслѣ и пѣшкомъ и ползкомъ, цѣпляясь за что попало руками и ногами.

Снѣгъ достигалъ здѣсь 2 ф. глубины. Киргизы вырубали въ обледенѣлой снѣжной корѣ ступеньки, по которымъ осторожно и сводили лошадей. При этомъ одинъ держалъ лошадь за хвостъ, чтобы затормозить въ случаѣ, если животное по-

Аулъ въ долинѣ Сары-коль.
(Съ рисунка автора).

скользнется и покатится внизъ. Первый, самый крутой спускъ, миновали съ лошадьми благополучно. Теперь очередь была за ящиками. Ихъ обвязывали длинными веревками и сталкивали по скату внизъ, не выпуская изъ рукъ концовъ веревокъ, чтобы направлять спускъ.

У подножія скалъ начался спускъ по склону, падавшему подъ угломъ $35\frac{1}{2}^{\circ}$ и покрытому щебнемъ. Тутъ лошади были предоставлены самимъ себѣ. Пѣгій жеребчикъ съ Хотанъ-дарьи поскользнулся, скатился на нѣсколько сотъ метровъ внизъ, сломалъ спину и тутъ-же испустилъ духъ. Улугъ-артъ вообще крайне опасенъ, и по трудностямъ перехода не можетъ сравниться ни съ однимъ изъ пройденныхъ мной переваловъ.

Погода была отвратительная, юго-западный вѣтеръ кру-

тилъ вокругъ насъ цѣлыя облака снѣга, сквозь которыя лишь временами проглядывала окружавшая насъ величественная панорама. Налѣво открылся съ высоты птичьяго полета мощный ледникъ, занесенный снѣгомъ.

Около праваго берега его виднѣлось треугольное моренное озерко, образованное ручейкомъ, вытекавшимъ изъ-подъ небольшого ледника, проходившимъ между двумя черными скалами причудливой формы. Отъ ихъ подножія спускался до самаго озерка щебневый конусъ. Изъ-за массы снѣга, выпавшаго въ послѣдніе дни, конусъ сталъ ненадежнымъ, наружные слои его сползли внизъ и тропинка исчезла.

Когда мы двинулись по рыхлой поверхности конуса, мы то и дѣло скользили и катились по направленію къ озеру, лежавшему внизу на глубинѣ 50 м.; еле-еле удавалось справиться и удержаться на ногахъ. Переходъ вообще представлялъ смертельную опасность, тѣмъ болѣе, что глыбы, разбросанныя по скату, могли скатиться намъ на головы. Лошадей опять пришлось развьючить и нести багажъ на себѣ съ полкилометра.

Гигантскій ледникъ Улугъ-артъ выступаетъ изъ ущелья въ верхней части долины слабо изогнутою дугою. Мы подвигались внизъ по крутому спуску между краемъ льда и правымъ берегомъ долины и миновали на пути еще одно озеро. Вода его отливала свѣтло-зеленымъ цвѣтомъ, и въ ней плавали оторвавшіяся и упавшія сверху ледяныя глыбы. Отвѣсная боковая стѣна ледника была прозрачна, словно сдѣлана изъ стекла, и спускалась прямо въ воду, отражаясь въ ней, какъ въ зеркалѣ.

Ледниковый потокъ спускался подъ угломъ въ 4° ; правая боковая морена и срединная были видны очень ясно. Около третьяго и самаго большого озера, имѣвшаго 3 килом. въ длину, насъ опять окутало облаками крутящагося снѣга, и мы еле различали, куда шли. Только спустя часъ, мы, миновавъ крутые уступы, вышли изъ полосы мятели, продолжавшей крутиться въ высихъ поясахъ.

По западной долинѣ Улугъ-артъ стали подвигаться быстрѣе. Долина становилась все шире, а снѣговой покровъ на окрестныхъ горахъ все тоньше. Черезъ 14 часовъ безостановочной ѣзды мы сдѣлали, наконецъ, привалъ между двумя

холмами сложенными изъ конгломерата, неподалеку отъ впаде-
нiя долины въ широкую долину Сары-коль. Подножнаго корма
для лошадей не отыскалось нигдѣ, но воду мы добыли изъ
снѣжнаго сугроба, уплѣвшаго въ расщелинѣ. Проводниковъ
нашихъ киргизовъ уже не было съ нами, — они повернули
обратно, какъ только мы миновали послѣднее трудное мѣсто.

На слѣдующій день, 18 iюля, мы достигли яйлака Мужи,
съ 60 юртами найманъ-киргизовъ, пасшихъ здѣсь своихъ
овецъ, козъ, яковъ, лошадей и верблюдовъ. 20-го мы до-
стигли озера Чақыръ-агыль и провели въ небольшомъ аулѣ,
расположенномъ около озера, два дня, занимаясь наблюде-
нiями. „Чақыръ“ означаетъ крикъ, агыль — ауль, или селенiе
изъ кибитокъ. Вѣроятно, такое наименованiе объясняется
тѣмъ, что аулы здѣсь расположены на очень небольшихъ
разстоянiяхъ другъ отъ друга и можно „докрикнуть“ отъ
одного до другого.

Вода въ этомъ озеркѣ, какъ и въ Кара-куль, отливаетъ
чуднымъ голубымъ и зеленымъ цвѣтомъ. Берега щебнево-
песчаные, кое-гдѣ обросли тростникомъ и водорослями. Къ
западу находятся тучныя лужайки и болота. Озеро, словно
втиснуто въ устье долины Калыма и принимаетъ въ себя
всѣ ея воды.

Пройду молчанiемъ нашъ путь по извѣстнымъ уже
мѣстамъ черезъ Булюнь-куль, Кара-куль, Су-башы и черезъ
Гыджакъ. 26-го мы вступили въ новыя области. Мы пересѣкли
здѣсь рѣку Тагарму, впадающую въ рѣку Кара-су, которая
берегъ начало на южныхъ склонахъ Мустагъ-аты. Стремясь
дальше къ востоку, Кара-су промыла въ горахъ узкую до-
лину „Тенги“, черезъ которую и лежалъ нашъ путь.

Скоро, однако, рѣка сама впадаетъ въ Тагдумбашъ-
дарью, которая съ чисто лихорадочной энергiей прорѣзала
въ горномъ хребтѣ, вытянутомъ по меридiану, поперечную
долину Шинди-джильгу. Долина эта очень узка, рѣзко очерчена
и вся заполнена рѣкой, такъ что лишь въ холодныя зимы,
когда рѣка замерзаетъ, можно попасть въ Яркендъ прямымъ
путемъ.

До сихъ поръ дорога вела по склону внизъ, но отъ мѣста
слиянiя рѣкъ, пошелъ легкiй подъемъ; мы направились къ
югу вдоль лѣваго берега Тагдумбашъ-дарьи. Грунтъ былъ

ровный, твердый; часто попадались лужайки съ сочной травой. Вдали видѣлась крѣпость Ташъ-курганъ, цѣль нашего сегодняшняго пути.

Миновавъ селенія Чашманъ (145 дворовъ) и Тызнапъ (200 двор.), мы очутились въ широкой долинѣ Тагдумбашъ; передъ нами разстилались поля и луга, на которыхъ паслись овцы, козы и рогатый скотъ. Направо возвышалась конгломератовая терраса, на верху которой находится селеніе и крѣпость Ташъ-курганъ (каменная крѣпость). По расположенію она напоминаетъ Памирскій постъ. И тамъ тоже широкая долина, большая рѣка и конгломератовая терраса, откуда открывается такой-же широкой видъ кругомъ.

Аулъ таджиковъ въ Тагдумбашъ-Памирѣ.

(Съ рисунка автора).

Для меня было большой, но очень пріятной неожиданностью встрѣтить здѣсь моего друга, мистера Мэкэртнея, который внезапно получилъ отъ Индійскаго правительства приказъ присоединиться къ англо-русской комиссіи, обсуждавшей вопросъ о границахъ на Памирѣ. Я разбилъ свою палатку рядомъ съ его, и мы провели вмѣстѣ очень пріятный вечеръ.

27 іюля мы съ Мэкэртнеемъ посѣтили Ташъ-курганъ. И селеніе и крѣпость имѣли жалкій видъ. Большинство жилищъ представляли однѣ развалины послѣ землетрясенія, потрясавшаго эту область съ 5 по 20 іюля; уцѣлѣвшіе дома были испещрены трещинами сверху до низу.

Правда и возведены-то они были изъ крайне непрочнаго

матеріала, обломковъ конгломерата; цементомъ-же служили просто комья земли. Множество трещинъ виднѣлось и на поверхности земли; направленіе ихъ было SSW—NNO. Китайскій гарнизонъ и жители селенія размѣщались частью въ юртахъ, частью во временныхъ палаткахъ.

Отъ начала землетрясенія уже насчитывали до 80 подземныхъ ударовъ; первые изъ нихъ были всего ужаснѣе и обратили селеніе въ развалины. Послѣдній толчекъ поколебаль почву еще сегодня утромъ въ 8 ч. 10 м. Я лежалъ, какъ всегда, на подстилкѣ прямо на землѣ и явственно различилъ, что толчекъ шелъ подъ прямымъ угломъ къ продольной оси долины, т. е. съ запада на востокъ.

Землетрясеніе вызываетъ непріятное ощущеніе страха. Земля какъ будто волнсалась подо мной, явственно слышался грохотъ точно отдаленнаго грома, но черезъ нѣсколько секундъ все прекратилось.

Осмотрѣвъ селеніе, мы посѣтили коменданта крѣпости Ми-дарина и нѣсколькихъ другихъ мандариновъ, которые всѣ приняли насъ очень привѣтливо. Для насъ были поставлены въ юртѣ столъ, стулья и ложа, на которыхъ занимаютъ мѣста курильщики опиума. Угощали насъ всячески. Я затынулъ два раза изъ трубки съ опиумомъ, но никакого особеннаго наслажденія не испыталъ.

Въ первой части своего труда я такъ много отвелъ мѣста описанію разныхъ областей Памира, что объемъ книги не позволяетъ мнѣ такъ-же подробно трактовать мое новое путешествіе по этимъ областямъ. Можетъ быть, для этого представится другой случай, когда я и опишу свое путешествіе по южному Памиру въ 1895 г.

Передъ нами лежитъ долгій путь до Пекина. Я и имѣю въ виду вести читателей и читательницъ, если ихъ терпѣніе уже не истощилось, по старому пути Марко Поло въ Хотанъ.

Намъ предстояло еще разъ пересѣчь пустыню Такла Маканъ, чтобы разыскать слѣды древнѣйшей буддійской культуры и погребенныхъ въ этомъ песчаномъ морѣ городовъ,

посѣтить дикихъ верблюдовъ на ихъ бесплодной родинѣ и разыскать слѣды озера Лобъ-норъ, отмѣченнаго на китайскихъ картахъ. Оттуда-же предстояло форсированнымъ маршемъ пройти сотни миль обратно до Хотана, проникнуть черезъ сѣверныя нагорья Тибета въ Цайдамъ и познакомиться съ монголами, тангутами и тибетцами, чтобы затѣмъ черезъ Гань-су, Ала-шань, Ордосъ и сѣверный Китай добраться послѣ трехъ съ половиной лѣтъ странствованія до цѣли моего путешествія, до Пекина.

Немудрено поэтому, что мысль о такомъ долгомъ путешествіи заставляетъ меня спѣшить. Путешествіе по Памиру въ 1895 г. включаетъ, однако, событіе, которое я не могу пройти молчаніемъ. Слѣдующая глава и будетъ посвящена краткому описанію его.

II.

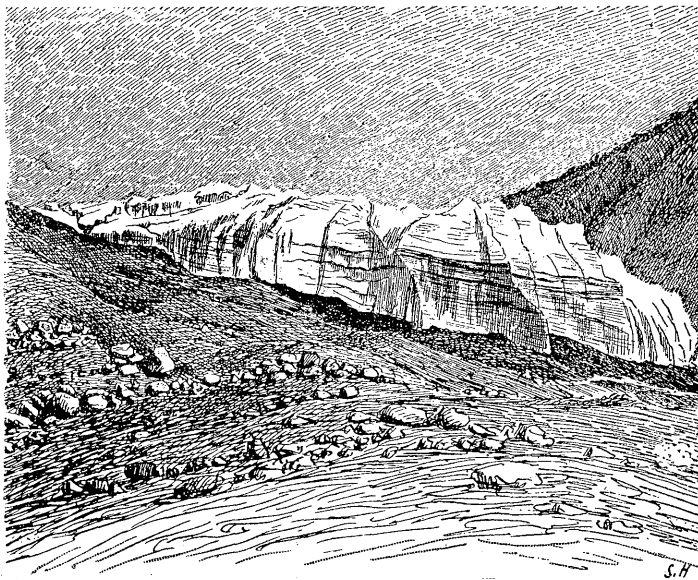
Между русскими и англичанами на Памирѣ.

Другъ мой, мистеръ Мэкэртней, отправившійся къ озеру Викторіи (Зоръ-куль), чтобы примкнуть къ пограничной комиссіи, уговаривалъ меня присоединиться къ нему, но я, имѣя намѣреніе изслѣдовать верховья Яркендъ-дарьи, отклонилъ его приглашеніе. Послѣ нѣсколькихъ дней совмѣстнаго пути, мы и разстались съ нимъ 30 іюля около Гуджаты-бая, какъ полагали, на всегда, такъ какъ Мэкэртнею предстояло затѣмъ отправиться съ англійской комиссіей въ Индію. Онъ направился къ западу вдоль Тагдумбашъ-дарьи, а я къ югу вдоль Хунджуръ-аба и черезъ нѣсколько дней достигъ сѣверной подошвы Гинду-ку.

Въ продолженіи 12 дней я предпринималъ здѣсь разныя экскурсіи, изслѣдовалъ наиболѣе значительныя долины, которыя снабжаютъ водой р. Хунджуръ-абъ, и восходилъ на переваль того-же имени (4,810 метр.), чтобы окинуть взоромъ мѣстность до самаго Канджута, первое селеніе котораго ле-

жить въ разстояніи всего 2 дней пути, — и взглянуть, какъ воды, вытекающія изъ подъ одного изъ ледниковъ, находящихя на перевалѣ, направляются частью въ Индійскій океанъ, а частью въ Яркендъ-дарью и Лобъ-норъ.

Пытался я также, но тщетно, пробраться черезъ перевалы Упрангъ, Кара-су и Илы-су къ верховьямъ Яркендъ-дарьи, называющейся здѣсь Заравшаномъ или Раскемъ-дарьей. Повсюду мнѣ говорили одно и тоже: добраться до рѣки можно

Языкъ ледника близъ Упранга.

(Съ рисунка автора).

въ нѣсколько дней, но перебраться черезъ нее лѣтомъ нигдѣ нельзя.

Узкое, глубокое ущелье Илы-су такъ было исковеркано послѣднимъ землетрясеніемъ, что стало недоступнымъ даже для яковъ, и пробраться черезъ него можно было лишь пѣшкомъ.

Итакъ, я попалъ въ глухой закоулокъ. Только къ западу открывались передо мной неизвѣстныя области Памира, я и рѣшилъ направить путь къ истокамъ Аму-дарьи.

Мы двинулись черезъ верхній Тагдумбашъ-Памиръ, — „голову хребтовъ“ или „крышу міра“ и 15 августа перешли

черезъ переваль Вахджиръ (4,936 м.), неподалеку отъ котораго водораздѣль. Воды направляются въ три стороны, такъ какъ здѣсь берутъ начало одинъ изъ истоковъ Аму-дарьи, Пянджъ или Ваханъ-дарья, направляющаяся къ западу, и Тагдумбашъ-дарья, текущая на востокъ, а по южному склону Гинду-ку воды собираются въ русло Инда.

17 августа мы достигли Чакмактынъ-куля (огниво-озеро), откуда вытекаетъ рѣка Акъ-су (или Мургабъ).

Зная, что большая англо-русская комиссія, назначенная для проведенія пограничной линіи отъ озера Викторіи до Китайской границы, какъ разъ работала теперь въ Михманъ-джолы (дорога въ гости) — небольшой поперечной долинѣ, всего въ одномъ днѣ пути къ сѣверо-востоку, я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи побывать тамъ.

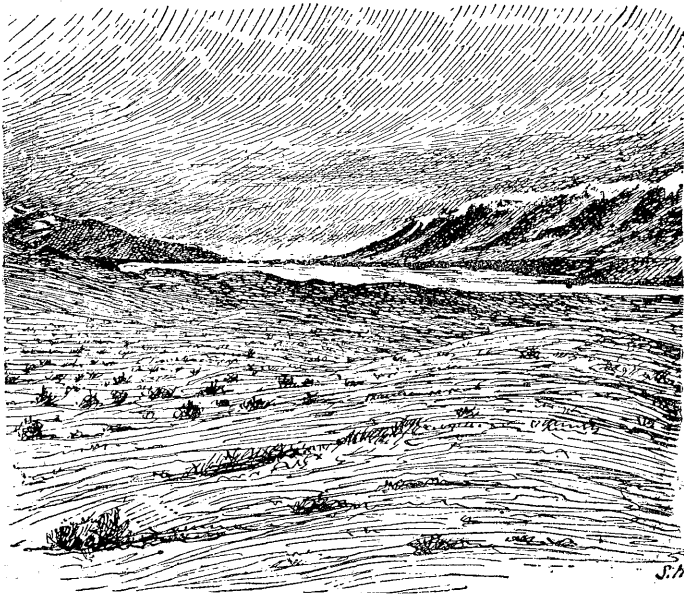
Я, однако, не желалъ нагрянуть на занятыхъ разрѣшеніемъ такихъ щекотливыхъ вопросовъ комиссаровъ врасплохъ, словно воръ ночью, и поэтому предварительно написалъ двумъ главнымъ комиссарамъ письмо, въ которомъ спрашивалъ, примутъ ли они меня. Получивъ отъ нихъ съ моимъ же курьеромъ любезныя приглашенія, я выступилъ 19 августа въ путь, къ вечеру того-же дня прибылъ въ Михманъ-джолы и разбилъ палатку на нейтральной почвѣ, между киргизской юртой русскихъ комиссаровъ и индійской палаткой англичанъ.

Русскій комиссаръ, генералъ Повало-Швуйковскій, губернаторъ Ферганы, былъ моимъ старымъ знакомымъ и покровителемъ, поэтому первый мой визитъ я считалъ долгомъ сдѣлать ему. Но попасть въ русскій лагерь можно было, только проѣхавъ черезъ англійскій, а тутъ перехватилъ меня мистеръ Мэкэртней, передавшій мнѣ приглашеніе къ обѣду отъ генерала Джерарда, главнаго англійскаго комиссара.

Такимъ образомъ, я очутился между двухъ огней. Единственнымъ средствомъ спасти свой нейтралитетъ было — сослаться на давнишнее знакомство съ русскимъ главнымъ комиссаромъ и на свой непрезентабельный костюмъ.

Генералъ Швуйковскій встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями, мы засидѣлись въ бесѣдѣ за полночь, и хозяинъ мой, не слушая моихъ протестовъ и ссылокъ на нейтралитетъ, велѣлъ поставить для меня чудесную юрту съ постелью. Я давно уже отвыкъ отъ такой роскоши.

На слѣдующее утро я сдѣлалъ визитъ генералу Джерарду, который принялъ меня съ такимъ-же радушіемъ и тутъ-же перезнакомилъ со всѣми членами комиссіи. Ближайшимъ помощникомъ генерала былъ полковникъ Гольдишъ, который за свои тригонометрическіе и астрономическіе труды при изслѣдованіи пограничныхъ областей Индіи, былъ награжденъ большой золотой медалью англійскаго Королевскаго Географическаго Общества. Остальные члены: маіоръ Уохэбъ — топографъ, капитанъ Свайней, бѣгло говорившій по русски,

Чакмактынъ-куль; видъ на западъ.

(Съ наброска автора).

докторъ Алькокъ — директоръ музея въ Калькуттѣ и профессоръ Калькуттскаго университета, и, наконецъ, мой другъ, мистеръ Мэкэртней. Кромѣ того англичане привезли съ собой для производства съемокъ трехъ фундировъ.

Между русскими я нашелъ много знакомыхъ изъ Туркестана: полковника Залѣскаго — астронома, капитана Скерскаго — новаго коменданта Памирскаго поста, и стараго знаменитаго топографа Бендерскаго, который исколесилъ всю западную Азію и былъ прикомандированъ къ посольству, отправленному русскими въ Кабульъ при эмирѣ Ширъ-Алиханѣ.

Ближайшими помощниками русскаго главнаго комиссара были: господинъ Панафидинъ, бывший русскій консулъ въ Багдадѣ, гдѣ у насъ съ нимъ нашлись общіе друзья, и полковникъ Галкинъ, путешествовавшій по Восточному Туркестану и Или. Остальные члены: докторъ Вельманъ и четверо молодыхъ офицеровъ.

Эскортъ русскихъ составляли 40 казаковъ, военный оркестръ изъ 18 чел. и масса туземцевъ — джигитовъ и караванныхъ проводниковъ. У англичанъ было съ собою до 200 солдатъ индійской арміи, индусовъ, аффридіевъ и канджупцевъ.

Я не стану касаться важныхъ задачъ комиссіи, упомяну только, что нельзя и представить себѣ болѣе товарищескихъ и пріятныхъ отношеній, нежели отношенія, установившіяся между этими двумя лагерями, которые отстаивали столь противоположные интересы. Здѣсь всегда господствовало такое веселое, откровенно дружеское отношеніе, что посторонній человѣкъ, не предупрежденный заранѣе, ни за что не догадался бы, что тутъ въ сущности идетъ серьезная борьба интересовъ двухъ государствъ: русскимъ хотѣлось отодвинуть пограничную линію, какъ можно дальше къ югу, а англичанамъ, наоборотъ, къ сѣверу.

Русскіе устроили „офицерское собраніе“ въ большой прекрасно убранной юртѣ, англичане — въ огромной изящной палаткѣ. Часто, то тѣ, то другіе приглашали своихъ иностранныхъ коллегъ на обѣдъ, что-же до меня, то я одинъ день бывалъ гостемъ русскихъ, другой англичанъ и находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и съ тѣми и съ другими.

Большинство офицеровъ говорили по французски, и вообще, по правдѣ сказать, оба государства не могли найти болѣе способныхъ, дѣльныхъ и образованныхъ людей для выполненія такой задачи, какъ проведеніе пограничной линіи на Памирѣ. Для меня-же, одиноко блуждавшаго въ пустыняхъ Азіи около 2 лѣтъ, было настоящимъ воскресеньемъ изъ мертвыхъ очутиться, словно по мановенью волшебнаго жезла, среди такого избраннаго общества.

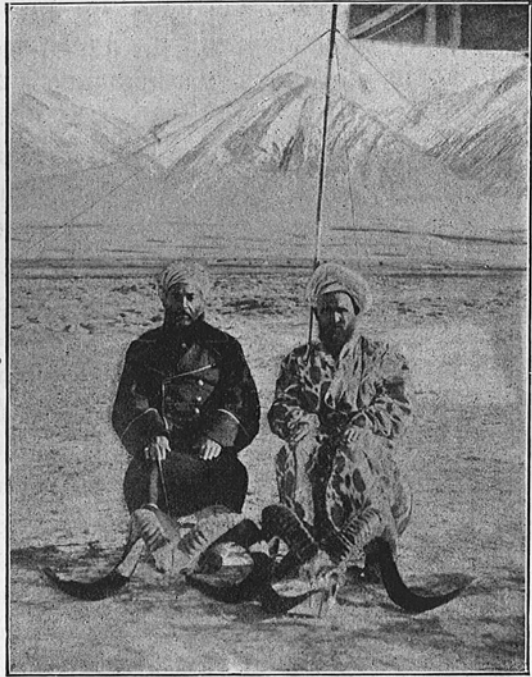
Вскорѣ по моемъ прибытіи генералъ Швыйковскій далъ вечеръ. Въ 9 ч. явились англичане въ своихъ красивыхъ и практичныхъ мундирахъ. Передъ каждою изъ русскихъ юртъ

стояли казаки съ факелами, бросавшими багровый отблескъ на берегъ Акъ-су.

Гости собрались въ приемной куртѣ изъ бѣлаго войлока. Внутреннее убранство ея состояло изъ восточныхъ матерій и пестрыхъ Кашгарскихъ ковровъ. Столъ ломился подъ обиліемъ бутылокъ съ европейскими винами и ликерами и подносовъ литого серебра съ фруктами — виноградомъ, апельсинами и грушами дюшесъ изъ собственнаго сада губернатора въ г. Маргеланѣ.

Мы размѣстились на мягкихъ и удобныхъ походныхъ стульяхъ и импровизированныхъ пуфкахъ. Нѣкоторые изъ гостей сѣли за карты, но большинство предпочло живую, непринужденную бесѣду на разныхъ языкахъ. Военный оркестръ исполнилъ разнообразную программу, составленную изъ русскихъ мотивовъ, популярныхъ маршей и англійскаго гимна. Послѣ ужина генералъ при свѣтѣ факеловъ проводилъ своихъ гостей до ихъ лагеря.

29 и 30 августа, къ великому удовольствію нижнихъ чиновъ и киргизовъ, офицеры обоихъ лагерей устроили для нихъ грандіозное „тамаша“ (зрѣлище). 29-го праздникъ начался стрѣльбой въ цѣль на разстояніи 250 шаговъ, въ которой приняли участіе и нѣкоторые изъ офицеровъ. Стрѣльбище представляло великолѣпную, пеструю картину. Изъ индійскихъ солдатъ особенно выдѣлялись аффридіи изъ области, расположенной около Пешавера, красивые, рослые молодцы съ воинственнымъ взглядомъ. Между ними еще со-

Гуламъ-Мохединъ-ханъ и его секретарь.

(Съ фотографіи полковника Гольдишъ).

храняется страшный обычай кровавой мести. Въ числѣ зрителей находился со своей свитой и афганскій комиссаръ, Гуламъ-Мохеддинъ-ханъ. Этотъ типичный афганецъ, представитель эмира Абдуррахмана, явился въ парадномъ одѣяніи, весь въ золотѣ и побрякушкахъ.

Генералы лично раздавали за стрѣльбу призы, состоявшіе изъ серебряныхъ чарокъ, серебряныхъ приборовъ (вилки, ножа и ложки), халатовъ, матерій, рублей и рупій. Затѣмъ генералъ Швйковскій предложилъ гостямъ роскошный завтракъ, на которомъ шампанское лилось рѣкою, и провозгла-

шались тосты за все на свѣтѣ, даже за моллюсковъ Индійскаго океана—спеціальность доктора Алькока.

Второе отдѣленіе разнообразной программы прошло также очень весело. Началось оно состязаніемъ въ силахъ. Двѣ партіи, по 8 человекъ въ каждой, изъ всѣхъ силъ ташили каждая къ себѣ одинъ изъ концовъ веревки, стараясь перетянуть противниковъ. Сначала „тягались“ казаки съ афридіями, и первые побѣдили, потомъ киргизы съ канджутцами, и опять побѣдила русская партія.

Солдаты-афридіи изъ англійскаго конвоя.

(Съ рисунка автора).

Борьба между двумя послѣдними была особенно упорной и продолжительной; зрители слѣдили за ея перепетіями съ напряженнымъ вниманіемъ.

Потомъ состоялся бѣгъ въ запуски, свободный и въ мѣшкахъ, съ перепрыгиваньемъ, вѣрнѣе, перекувыркиваньемъ черезъ протянутую веревку, и бѣгъ въ запуски между „сіамскими близнецами“, т. е. попарно связанными людьми. Затѣмъ канджутцы исполнили красивый воинственный танецъ съ саблями, напоминающій подобный-же танецъ у китайцевъ. Зрителей все время угощали разными прохладительными напитками и пуншемъ.

30 августа состоялись „скачки“. Около 200—300 всадниковъ собрались на равнинѣ, около сосѣдняго Кызыль-рабата. Дистанція была назначена въ $1\frac{1}{2}$ версты, и казаки обскакали индійскихъ кавалеристовъ на 2 минуты. Зато въ другомъ состязаніи („lime cutting“) побѣдителями оказались послѣдніе. Были установлены въ одну линію трое воротъ (столбы съ перекладинами); къ перекладинамъ подвѣсили картофелины, и наѣзники должны были, проносясь въ карьеръ подъ воротами, разсѣчь на всемъ скаку однимъ ударомъ сабли любую изъ картофелинъ пополамъ, что и удавалось многимъ.

Слѣдующій номеръ (Filting at the ring) былъ еще труднѣе. Картофелины замѣнили желѣзными кольцами, 4 сантим. въ діаметрѣ; ихъ надо было, также на всемъ скаку, поддѣть и снять кончикомъ сабли. Это состязаніе велъ самъ генералъ Джерардъ, который, поймавъ два кольца, и остался побѣдителемъ.

Казакъ.
(Съ рисунка автора).

Слѣдующій номеръ — скачки на верблюдахъ и якахъ — вышелъ очень комичнымъ. Непривычные къ спорту верблюды съ дикимъ ревомъ ринулись галопомъ въ ряды зрителей, произведя не малый переполохъ. Яки, напротивъ, отнеслись къ дѣлу черезчуръ равнодушно и ни за что не хотѣли проникнуться праздничнымъ настроеніемъ. Двое изъ нихъ не двинулись съ мѣста, не смотря на то, что дубинки киргизовъ такъ и гуляли по ихъ бокамъ, одинъ тотчасъ-же повернулъ назадъ и отправился въ совершенно противоположную сторону, нѣкоторые потрусилъ въ разныя стороны, и только двое-трое направились съ спокойствіемъ философовъ по намѣченному пути.

На слѣдующій номеръ смотрѣть даже было страшно, а

участвовать въ немъ, навѣрное, и вовсе не сладко. 20 киргизовъ верхами двинулись въ одну сторону отъ зрителей, 20 въ другую и оставили между собою пространство приблизительно въ 250 метр. Затѣмъ, по данному знаку, они разомъ ринулись другъ другу на встрѣчу, столкнулись, причеиъ нѣкоторымъ какъ-то удалось проскользнуть сквозь непріятельскій строй цѣлыми и невредимыми, большинство-же спшиблось, перепуталось, и образовалась настоящая каша. Диво, что пострадала всего на всего одна лошадь.

Только къ сумеркамъ успѣли закончить всю программу, и какъ только пестрая толпа всадниковъ направилась къ лагерьямъ, поднялась вьюга, засыпавшая поле состязанія снѣгомъ.

Оба лагеря представляли замѣчательно живописную картину. Разбиты они были на ровномъ полѣ у подошвы конгломератовой террасы, на лѣвомъ берегу Акъ-су. Англичане со своими индусскими солдатами занимали шестьдесятъ бѣлыхъ палатокъ, русскіе — дюжину отличныхъ большихъ юртъ. Кругомъ расположились афганцы, караванные проводники разныхъ національностей и ваханцы. Въ общемъ выходила богатѣйшая картина, предлагавшая рядъ эскизовъ для изображенія сценъ изъ восточной народной жизни. Художникъ нашельбы здѣсь неистощимый запасъ сюжетовъ. Даже такой дилетантъ въ живописи, какъ я, работалъ цѣлыми днями, — я, вѣдь, къ сожалѣнію, утратилъ свои фотографическіе аппараты въ пустынѣ.

Оба генерала участвовали на своемъ вѣку во многихъ жестокихъ схваткахъ, и генералъ Повало-Швѣйковскій былъ неистощимъ по части рассказовъ и анекдотовъ изъ эпохи турецкой войны, а генералъ Джерардъ, знаменитый охотникъ на тигровъ, рассказывалъ много интереснаго о своихъ охотничьихъ приключеніяхъ. Въ теченіе своей службы въ Индіи онъ собственноручно убилъ 216 тигровъ. Самъ генералъ смотрѣлъ на охоту на тигровъ, какъ другіе смотрятъ на охоту на зайцевъ, — какъ на моціонъ, или пріятное препровожденіе времени, но въ рассказахъ его выступали моменты, по истинѣ захватывающіе, приковывавшіе вниманіе слушателей.

Каждый вечеръ въ 8 ч. казаки собирались на молитву, и въ разрѣженномъ воздухѣ гулко раздавались, въ исполненіи военного оркестра, торжественные задушевные звуки молитвъ

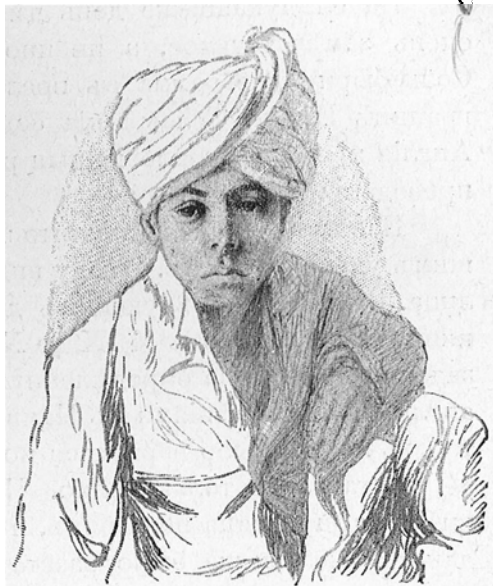
и національнаго гимна. Тамъ и сямъ пылали костры, у которыхъ готовили себѣ ужинъ нижніе чины и прочій народъ, но костры погасали куда раньше, чѣмъ воцарялась тишина въ офицерскихъ палаткахъ.

Изъ-за быстро пронесившихся облаковъ время отъ времени выглядывалъ мѣсяцъ, освѣщая обширную, открытую долину Акъ-су, которую съ сѣвера ограждаетъ хребетъ Императора Николая II съ высшей точкой, именуемой „пикомъ Сольсбюри“, а съ юга хребетъ Мусъ-тагъ. Особенно эффектная картина получалась, когда мѣсяцъ скрывался за плотными облаками, погружавшими лагерь во мракъ, тогда какъ серебристый лунный свѣтъ обливалъ своимъ сияньемъ вѣчные снѣга отдаленныхъ горъ.

Никогда еще эти пустынные плато, по которымъ блуждаетъ только кучка полудикихъ киргизовъ, не представляли такого зрѣлища, какъ теперь. Пожалуй, всѣ архары и пугливыя дикія козы съ недоумѣніемъ поглядывали со своихъ заоблачныхъ пастбищъ у снѣговой линіи на кипучую жизнь, смѣнившую безмолвный покой въ долинѣ Акъ-су. О томъ,

гдѣ именно пройдетъ пограничная линія, раздѣляющая владѣнія англичанъ и русскихъ, они мало беспокоились. Людскіе интересы не поднимаются до ихъ заоблачныхъ владѣній, гдѣ они дѣлятъ власть только съ вѣчными снѣгами.

Дни проходили, между тѣмъ, какъ часы, и я самъ удивился, когда начало сентября застало меня все на томъ жемѣстѣ, въ этомъ веселомъ обществѣ. Я много разъ порывался уѣхать, но оба гостепріимные генерала, расположеніе которыхъ я успѣлъ пріобрѣсть, уговаривали меня остаться еще день-другой.

Мальчикъ-индусъ изъ англійскаго лагеря.

(Съ рисунка автора).

Дѣлать нечего, пришлось прибѣгнуть къ „военной хитрости“, такъ какъ важные дѣла настоятельно призывали меня въ Кашгаръ. Въ одинъ прекрасный день я велѣлъ Исламбаю приготовить все къ выступленію, а самъ отправился проститься къ генералу Повало-Швейковскому, причемъ сообщилъ ему, что караванъ мой готовъ уже выступить. Генералъ на это сказалъ, что мнѣ слѣдовало-бы переждать еще денекъ, — случится нѣчто очень замѣчательное. Военная хитрость моя не привела ни къ чему, я остался и не на денекъ, а на нѣсколько.

На слѣдующій-же день дѣйствительно случилось нѣчто очень замѣчательное, а именно получена была отъ лорда Сольсбюри телеграмма съ послѣдней станціи на сѣверной границѣ Индіи. Телеграмма содержала важную новость, что Англія приняла предложенныя русскими условія относительно проведенія границы.

Извѣстіе это было принято въ обоихъ лагеряхъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Всюду виднѣлись довольныя радостныя лица. Въ теченіе слѣдующихъ дней была воздвигнута пограничная пирамида отъ № IX до XII. Комиссія выполнила свою задачу, установила опредѣленную границу между русскими и англійскими владѣніями въ Памирѣ недалеко отъ Гинду-ку, и теперь можно было вернуться по домамъ.

Оставалось только одно. Члены комиссіи проработали вмѣстѣ три мѣсяца подъ рядъ, и представителямъ двухъ государствъ нельзя-же было разстаться, не задавъ другъ другу прощальныхъ обѣдовъ. Я былъ торжественно приглашенъ на оба обѣда, и, такъ какъ подобные званые обѣды должны считаться въ числѣ диковинокъ Центральной Азіи, то я ради нихъ съ удовольствіемъ пожертвовалъ еще двумя днями.

11 сентября состоялся русскій обѣдъ. Генералъ Джерардъ и я были посажены одинъ по правую, другой по лѣвую руку хозяина. Мой порядкомъ потертый дорожный костюмъ, безъ всякаго признака манжетъ или воротничковъ, рѣзко выдѣлялся среди парадныхъ мундировъ генераловъ, полковниковъ, капитановъ и дипломатическихъ агентовъ, мундировъ, украшенныхъ вдобавокъ орденами и медалями за храбрость. Но я, покидая Кашгаръ, не подозрѣвалъ, что попаду въ такое изысканное общество, и не взялъ съ собою параднаго костюма.

Я, впрочемъ, не унывалъ, а военные льстили мнѣ, увѣряя, что мой походъ по пустыньѣ стоитъ иныхъ военныхъ походовъ.

Обѣдъ представлялъ рядъ гастрономическихъ сюрпризовъ, казавшихся прямо невѣроятными при мысли, что дѣло происходитъ у подножія Гинду-ку. Обильная закуска состояла изъ икры, консервовъ, швейцарскаго сыра, страсбургскихъ паштетовъ и прочихъ деликатессовъ. За обѣдомъ подавали, между прочимъ, раковый супъ, майонезъ изъ омаровъ, спаржу и проч. Единственное блюдо, не вызвавшее удивленія, было мороженое: льду было вдоволь на „Крышѣ міра“.

Вина подавались не туркестанскія, а французскія. Шампанское на Памирѣ! Первый тостъ провозгласилъ хозяинъ за Императора Николая II и королеву Викторію. Второй тостъ былъ за эмира афганскаго; третій — за короля Швеции и Норвегіи, который также имѣлъ на обѣдѣ своего представителя.

Оффиціальная часть праздника закончилась къ полуночи, когда англичане стали качать хозяина. Руки у нихъ были сильныя, а до потолка на „крышѣ міра“ было высоко! Затѣмъ слѣдовалъ неоффиціальнѣе оживленнѣе эпилогъ, на вольномъ воздухѣ, вокругъ костра. Говорили рѣчи, пѣли пѣсни, покрываемыя громкимъ „ура“ и англійской пѣснью: „For he is a jolly good fellow, that nobody can deny“.

На слѣдующій день далъ обѣдъ генераль Джерардъ; этотъ обѣдъ прошелъ такъ-же весело, и съ такимъ-же длиннымъ рядомъ тостомъ. Между прочимъ, капитанъ Свайней провозгласилъ горячій тостъ за дамъ, и кому-то пришла въ голову оригинальная идея заставить меня отвѣчать отъ имени этихъ отсутствующихъ дамъ. Я повиновался, закончивъ свой тостъ слѣдующими словами: „Если эти далекія дамы такъ-же любезны и гостепріимны, какъ ихъ мужья и женихи, съ которыми я имѣлъ удовольствіе познакомиться здѣсь, то онѣ навѣрное уже не земныя существа, а небесныя, и общество ихъ сулитъ рай здѣсь на землѣ“.

По окончаніи обѣда насъ ждалъ пріятный сюрпризъ. Около самаго лагеря былъ разложенъ громадный костеръ, дрова для котораго были доставлены спеціально на этотъ случай изъ Канджута, лежащаго по ту сторону Гинду-ку!

Костеръ зажгли, и пламя его озарило всю окрестность съ бѣлыми палатками.

При этомъ свѣтѣ представители всѣхъ народностей, подвластныхъ англичанамъ и входившихъ въ составъ ихъ эскорта, исполнили свои національные танцы; танецъ съ саблями произвелъ при заревѣ костра особенно сильное, почти жуткое впечатлѣніе. Мы созерцали зрѣлище, сидя на разставленныхъ полукругомъ стульяхъ и попивая пуншъ и другіе напитки, которые разносились слугами съ тюрбанами на головахъ.

13 сентября рано утромъ англійскіе пундиты сняли насъ всей группой, и затѣмъ начались крѣпкіе прощальные рукопожатья. Англичане направлялись къ югу черезъ проходъ Даркотъ въ Кашмиръ и дальше въ Индію, а русскіе къ сѣверу. Генераль Джерардъ послѣдовалъ за своимъ русскимъ коллегой, имѣя въ виду совершить путешествіе по Россіи, а лейтенантъ Майльсъ, стоявшій въ Гильгитѣ, получилъ позволеніе отправиться на Памирскій постъ. Въ этотъ день мы сдѣлали только 22 версты до киргизскаго аула Акъ-тапъ, гдѣ снова разбили лагерь и провели еще одинъ пріятный вечеръ.

Я не могъ принять любезнаго приглашенія генерала Повало-Швейковскаго сопровождать его въ Маргеланъ, — это ужъ слишкомъ выходило изъ рамокъ моей программы. И какъ ни интересно было бы цѣлый мѣсяцъ путешествовать по Памиру при такихъ необычайныхъ условіяхъ и затѣмъ присутствовать при торжественной встрѣчѣ, ожидавшей, какъ я зналъ, англійскаго гостя въ Маргеланѣ, я устоялъ противъ искушенія, вспомнивъ о томъ, что прибылъ сюда не ради удовольствія, и что мнѣ уже знакомъ тотъ путь, по которому направится генераль.

Въ высшей степени заманчивымъ было и любезное приглашеніе генерала Джерарда отправиться вмѣстѣ съ англичанами и полковникомъ Гольдишъ въ Индію. Я не знаю, что привлекало меня въ данномъ случаѣ больше — самая страна, окутанная дымкой легендъ, или общество полковника, знаю только, что мнѣ очень трудно было преодолѣть это искушеніе, и я разстался съ полковникомъ, въ которомъ успѣлъ оцѣнить благороднаго, любезнаго и полного достоинствъ человѣка, съ чувствомъ живѣйшаго желанія поскорѣе встрѣтиться съ нимъ вновь.

Итакъ, чувство долга восторжествовало, и я направился къ востоку. Меня ожидало много дѣла въ пустыняхъ, около Лобъ-нора, въ Сѣверномъ Тибетѣ, да и почта изъ Швеціи, ждавшая меня въ Кашгарѣ, притягивала меня не мало. 14 сентября я сердечно распрощался съ обоими генералами и офицерами, которые скоро скрылись вдали, и направился со своимъ караваномъ къ пустыннымъ безмолвнымъ горамъ, составляющимъ восточную границу плато Памира.

Теперь всѣ эти событія — достояніе исторіи англо-русской политики въ Центральной Азіи. Оба государства стали теперь бокъ о бокъ на Памирѣ, гдѣ не осталось больше областей „безъ хозяина“, никакихъ нейтральныхъ „буферовъ“, и киргизы, такъ же, какъ и афганцы, не могутъ уже безъ паспорта переходить новую пограничную линію.

Послѣдняя-ли это была комиссія, окончательна-ли рѣшенъ вопросъ объ англо-русской границѣ въ Центральной Азіи? Можно надѣяться, но... судьба Персіи еще не рѣшена, да и какъ знать вообще, какія перемѣны несетъ съ собою будущее?

Я радъ, что былъ свидѣтелемъ этого замѣчательнаго событія въ политической исторіи Центральной Азіи, радъ не только потому, что событіе это имѣетъ историческое значеніе, но и потому, что провелъ эти дни въ дружескомъ общеніи съ такими прекрасными людьми, какихъ нашелъ въ членахъ комиссіи.

III.

Черезъ четыре горныхъ хребта.

Изъ Акъ-таша мы направились къ востоку и въ тотъ-же день перешли черезъ перевалъ Лакшакъ (4,645 м. высоты) въ Сарыкольскомъ хребтѣ, а заночевали въ Кенъ-шеберѣ по ту сторону перевала, гдѣ стоялъ караулъ изъ восьми таджиковъ и двухъ китайцевъ.

До сихъ поръ дорога шла по чернымъ сланцамъ, но нѣ-

сколько подальше за ауломъ сланецъ смѣнился гнейсомъ, представленнымъ различными красивыми сочетаніями. Вмѣстѣ съ появленіемъ гнейса, измѣнился и самый ландшафтъ. Наименованіе Кара-корумнынъ-баши, т. е. начало чернаго каменстаго пути, указываетъ на трудности пути, встрѣчающія здѣсь путешественника.

Тропинка, то и дѣло исчезающая между рухнувшихъ глыбъ, ведетъ на сѣверо-востокъ черезъ Шинди, поперечную долину, глубоко врѣзавшуюся въ Сарыкольскій хребетъ. За Яръ-отукомъ (терраса-сапогъ), маленькой боковой долиной влѣво, по обѣ стороны потянулись отвѣсныя скалы, оставляющія по срединѣ лишь узкій проходъ въ видѣ корридора. Почти вся долина загромождена мощными гнейсовыми отторженцами, острые ребра и свѣжіе изломы которыхъ указываютъ, что они

Юрта таджиковъ въ Тагдумбашъ-Памирѣ.

(Съ рисунка автора).

низверглись сюда во время послѣдняго землетрясенія.

Дорога прескверная. Часто мы ѣдемъ подъ нависшими сводомъ скалами, испещренными безчисленными трещинами и готовыми рухнуть. То и дѣло приходится переѣзжать черезъ прозрачный голубоватый ручей, журчащій между гнейсовыми глыбами. Наконецъ, пошелъ гранитъ, впадина Шинди открылась треугольникомъ въ широкую долину Тагдумбашъ, ручей раздѣлился на множество рукавовъ, орошающихъ поля, и мы разбили палатку неподалеку отъ крѣпости Ташъ-курганъ.

Итакъ, мы оставили позади себя первую изъ меридіональныхъ горныхъ цѣпей, точно бастіоны ограждающихъ Памиръ съ востока, а 16 сентября — и вторую, переваливъ черезъ Сергекъ. Добыть проводника оказалось не такъ-то

Ми-даринъ, комендантъ крѣпости Ташъ-курганъ.
(Съ рисунка автора).

легко. Таджики отказывались подѣ предлогомъ полевыхъ работъ, а на самомъ дѣлѣ опасались гнѣва Ми-дарина, если

проведутъ европейца черезъ этотъ перевалъ, имѣющій важное стратегическое значеніе. Наконецъ, намъ удалось найти человѣка, который послѣдовалъ за нами пѣшкомъ, но и тотъ отсталъ, какъ только мы достигли перевала, и больше о немъ не было ни слуха, ни духа.

Мы пересѣкли долину Тагдумбашъ между разбросанными по всѣмъ направленіямъ полями и домами. Рѣка представляла теперь по количеству воды только третью часть противъ того, что было всего полтора мѣсяца тому назадъ; самая вода стала совсѣмъ прозрачною. На восточномъ склонѣ долины мы вдругъ очутились въ узкомъ оврагѣ съ крутымъ подъемомъ и сухимъ ложемъ. Тутъ опять показался слюдяной сланецъ, который и преобладалъ среди горныхъ породъ въ теченіе всего дня пути.

Вскарабкались мы на лѣвый скатъ оврага по крутой узкой и отвратительной тропинкѣ; иногда приходилось дѣлать зарубки на этомъ гладкомъ сланцѣ, чтобы лошади не такъ скользили.

Достигнувъ мягко-округленныхъ, куполообразныхъ высотъ боковыхъ отроговъ хребта, мы увидѣли въ глубинѣ подъ собою долину Тагдумбашъ съ ея зелеными и желтыми полосами полей и рѣкою.

Ландшафтъ опять совершенно измѣнился. Со всѣхъ сторонъ окружили насъ пологіе холмы, покрытые пескомъ и щебнемъ — продуктами вывѣтриванья сланца, который теперь рѣдко попадался *in situ*. Но тамъ и сямъ видѣлись глубокіе овраги, зигзагообразно прорѣзывавшіе холмы. Воды нигдѣ не было ни капли, но бороздъ, промытыхъ дождевыми потоками, попадалось очень много. Самая дорога не была особенно тяжела, но вела все время съ горки на горку, то внизъ, то вверхъ, и намъ пришлось перейти черезъ множество второстепенныхъ переваловъ прежде, чѣмъ мы добрались до высшей точки хребта — 4,032 м. высоты.

Отсюда открывался такой широкій видъ, что можно было ориентироваться. На югѣ возвышались мощныя снѣговья горы, составлявшія прямое продолженіе хребта, на которомъ мы находились и отклонявшіяся къ юго-востоку, къ Тибету, чтобы перейти въ хребетъ Кунь-лунь. На сѣверѣ-же эти горы упирались въ Мустагъ-ату и такимъ образомъ составляли прямое

продолженіе Мусъ-тага, или Кашгарскаго хребта. Глубоко внизу подъ нами виднѣлась на востокъ долина Ичизъ, упирающаяся въ Тагдумбашъ-дарью.

Восточные склоны нашего хребта спускались въ долину причудливыми отрогами и развѣтвленіями. Тропинка то вела по нимъ, то черезъ ущелье, промытое водами, то черезъ небольшой переваль. Послѣдній спускъ былъ необычайно крутъ.

Мы остановились въ поселкѣ Малый Бельдиръ; въ поселкѣ всего одинъ дворъ. Проживающій здѣсь юзь-баши, однако, старшина надъ 50 домами, разбросанными по долинѣ. Жители всѣ таджики; занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ, лѣто проводятъ здѣсь, но зимою уходятъ дальше внизъ, доходя до того пункта, гдѣ р. Ичизъ сливается съ Тагдумбашъ-дарьей, чтобы затѣмъ подъ прямымъ угломъ повернуть къ востоку, къ Яркендъ-дарьѣ.

Около сліянія рѣкъ расположено селеніе Большой Бельдиръ, гдѣ р. Ичизъ извѣстна подъ названіемъ Бельдиръ-дарьи; а Тагдумбашъ-дарья зовется въ долинѣ, которую прорываетъ, Шинди, и по причинѣ отвѣсныхъ скалистыхъ береговъ переходъ черезъ нее здѣсь невозможенъ. Бельдиръ находится такимъ образомъ какъ-бы въ тупикѣ.

17 сентября мы двинулись по долинѣ въ юго-восточномъ направленіи. То сжатая между конгломератами, то расширяющаяся, чтобы дать мѣсто небольшимъ полосамъ, засѣяннымъ пшеницею, овсомъ и клеверомъ, долина эта, наконецъ, открывается въ обширную котловину съ почти ровнымъ глинистымъ дномъ. Мѣсто это называется по персидски Тень-абъ (узкая вода); здѣсь находятся нѣсколько таджикскихъ поселковъ.

Значительная абсолютная высота мѣстности и суровая природа заставляють большинство здѣшнихъ таджиковъ вести образъ жизни, сходный съ жизнью киргизовъ; таджики также владѣютъ большими стадами овецъ, козъ, яковъ, лошадей и ословъ. Часть населенія живетъ въ юртахъ и палаткахъ, часть—главнымъ образомъ земледѣльцы, въ сакляхъ изъ высушенной на солнцѣ глины и камней, съ плоскими деревянными кровлями. Сами таджики арійскаго племени и говорятъ по персидски; жилища ихъ также не мало напоминають персидскія; нѣкоторыя сакли имѣютъ балконы.

18 сентября мы продолжали путь по расширившейся до-

линѣ до того мѣста, гдѣ она дѣлится на двѣ боковыхъ: Лянгаръ и Шуйдунъ. Черезъ первую ведетъ дорога къ большому селенію таджиковъ Маріанъ и дальше къ Раскемъ-дарѣ. Мы же направились по долинѣ Шуйдунъ по прекраснымъ лугамъ къ „рабату“, расположенному у подошвы перевала Кандахора; въ рабатѣ мы и заночевали.

На слѣдующее утро мы опять очутились среди зимняго ландшафта. Всю ночь валилъ снѣгъ, и снѣговой покровъ достигъ нѣсколькихъ вершковъ толщины. Отъ рабата дорога пошла довольно круто въ гору; снѣгъ, набившись въ углубленія между камнями, облегчилъ намъ подъемъ. Самый перевалъ (5062 м. высоты) очень крутъ; зеленый сланецъ образуетъ здѣсь почти отвѣсно торчащіе острые гребни.

Спускъ на ту сторону былъ довольно труденъ, и мы едва ли справились-бы съ навьюченными лошадьми. Но мы догадались нанять нѣсколькихъ таджиковъ съ тремя яками, которые со своей обычной увѣренностью и понесли тяжелые ягданы. Вначалѣ крутой спускъ шелъ между зловѣщими отрогами скалъ; мы катились точно на лыжахъ по плотному снѣговому покрову, въ 1 ф. толщины, но затѣмъ спускъ сдѣлался болѣе отлогимъ. Снѣговой покровъ здѣсь всюду былъ значительно толще, нежели на лѣвой сторонѣ перевала. Небо, съ утра ясное, теперь заволокло облаками, и пошелъ легкій снѣгъ, продолжавшійся до самаго нашего прибытія въ маленькій рабатъ Кочкаръ-бекъ-бай, расположенный посреди узкой долины Кандахоръ. Вблизи проживаетъ нѣсколько семей таджиковъ.

Лѣтомъ и осенью стада ихъ пасутся по обѣ стороны перевала, но зимою жители перекочевываютъ внизъ, въ мѣстность Тонгъ, куда и мы теперь направились. Переваломъ Кандахоръ, по мѣрѣ возможности, пользуются, и зимою, хотя обыкновенно онъ бываетъ заваленъ снѣгомъ. Таджикки пускаютъ тогда впередъ яковъ, которые и пропахиваютъ борозды. Когда перевалъ оказывается совсѣмъ непроходимымъ, въ Ташъ-курганъ можно попасть лишь окружнымъ путемъ, черезъ Яркендъ и Тагарму.

Весь вечеръ снѣгъ продолжалъ падать большими, но легкими, какъ пухъ, хлопьями, образуя рыхлые сугробы. Тьма стояла непроницаемая; въ воздухѣ было холодно и сыро.

Наши сосѣди таджики пекли чудесный хлѣбъ; нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ явились ко мнѣ въ палатку безъ покрываль и принесли мнѣ хлѣба, за что получили куски матеріи изъ Кашгара.

20 сентября снѣгъ шелъ до 11 часовъ. Мою палатку такъ занесло, что ее нѣсколько разъ приходилось откапывать, и къ утру она оказалась окруженной настоящими валами изъ снѣга. Выступивъ въ путь, мы обрѣли двухъ спутницъ, молодыхъ женщинъ, ѣхавшихъ верхомъ на якахъ въ долину за топливомъ.

Обѣ были превеселыя и прехорошенькія, съ черными волосами, густыми рѣзко очерченными бровями, тонкими чертами лица и большими, живыми цыганскими глазами. Онѣ самымъ непринужденнымъ образомъ, какъ будто оно такъ и слѣдовало, помогали намъ подгонять нашихъ вьючныхъ животныхъ, покрикивая своими звонкими серебристыми голосами такъ, что эхо отдавалось въ горахъ. Тонкое тряпье обвивалось вокругъ ихъ стана, а смуглая шея и грудь не были ничѣмъ прикрыты отъ обильно падавшаго снѣга.

Нѣсколько подальше, долина сузилась и сдѣлалась трудно проходимою, напоминая оврагъ, усѣянный глыбами, между которыми извивался и журчалъ прозрачный и холодный ручеекъ. Черезъ него то и дѣло приходилось переѣзжать, причемъ часто грозила опасность принять холодную ванну. Часто также тропинка вела по самому краю конгломератовой террасы; цементомъ въ ней служила глина, которая теперь размокла отъ снѣга, и можно было опасаться обвала.

Въ небольшихъ расширеніяхъ долины виднѣлись березовыя рощицы. Одна изъ нихъ называлась Тирсекъ. По словамъ нашихъ проводниковъ роща дальше внизу прерывалась, и намъ, если мы хотѣли развести на ночь хорошій костеръ, слѣдовало остановиться здѣсь. Палатку разбили подъ плакучими березками съ уже пожелтѣвшою листвою.

Привалъ вышелъ необычайно пріятнымъ. Жаль только, что небо было все въ облакахъ, и густой туманъ заволокъ вершины горъ. Женщины и проводники наши набрали хворосту, который нагрузили на яковъ, и повернули обратно домой.

21 сентября двинулись дальше внизъ по круто спускав-

шейся долины, по каменистой, крайне неудобной дорогѣ. Недалекѣ отъ нашего лагеря мы наткнулись на колоссальный отторженецъ гранита, мощностью въ нѣсколько сотъ тысячъ кубическихъ метровъ, а формой напоминавшій окаменѣлый тополь; онъ рухнулъ съ высоты скалъ прямо на середину долины. Стѣны скалъ подымались большею частью совершенно отвѣсно и ограждали дорогу съ обѣихъ сторонъ, словно ряды каменныхъ домовъ улицу. Продолжали попадаться рощицы съ березами, шиповникомъ и можжевельникомъ.

Мы остановились въ селеніи Лянгаръ; кругомъ шли поля, засѣянные пшеницей, овсомъ и клеверомъ. Населеніе — одни таджики, но, странно, большинство мѣстныхъ географическихъ названій джагатай-тюркскія.

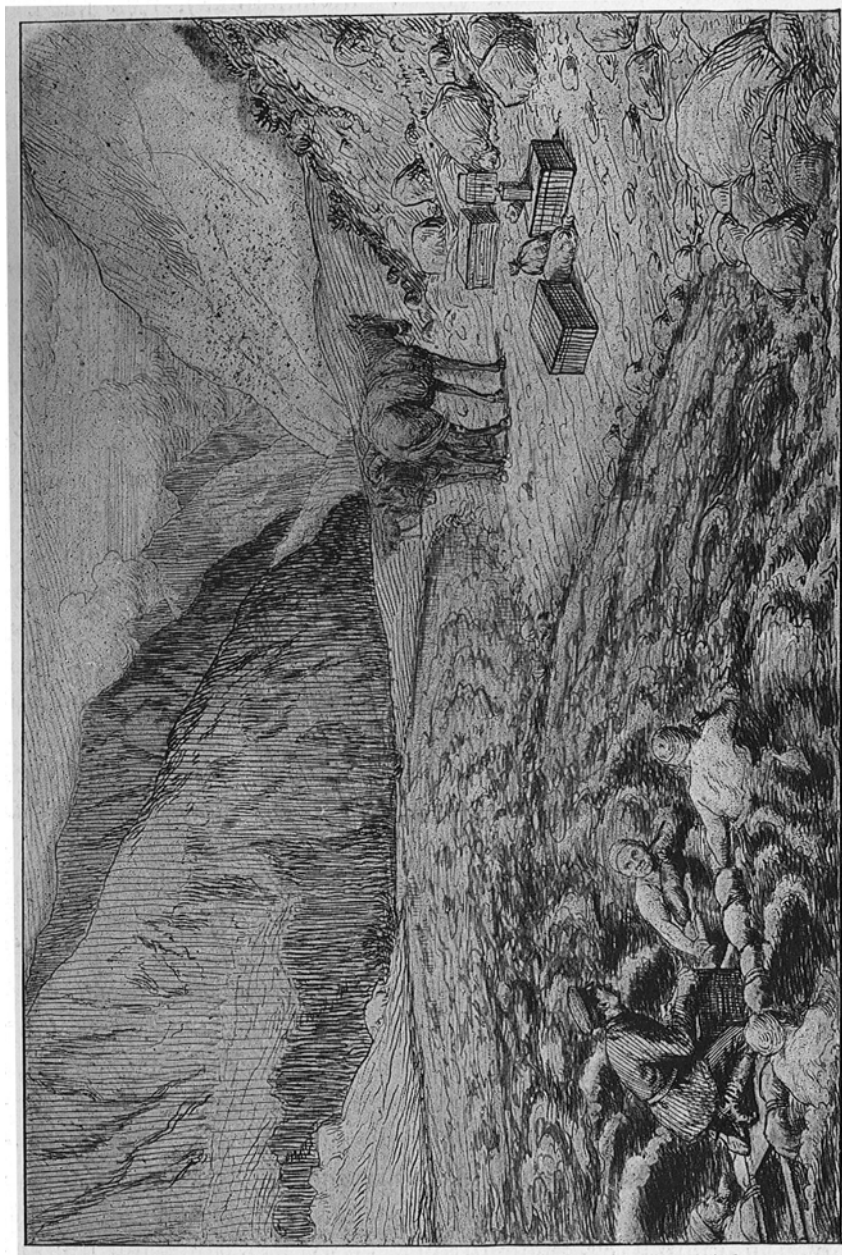
Перевалъ Арпа-таля, черезъ который намъ предстояло перейти черезъ нѣсколько дней, представляетъ демаркаціонную линію религій. Къ востоку обитаютъ суниты, а къ западу шииты. Обѣ мусульманскія секты живутъ здѣсь, однако, дружно, ничуть не враждуя, какъ, напримѣръ, турки и персы. Здѣшніе шииты и суниты даже рождаются между собою. Въ настоящее время таджики несутъ только натуральную повинность, доставляя китайцамъ топливо и съѣстные припасы, но во времена Якубъ-бека налоги были довольно чувствительны, на что, впрочемъ, жители не роптали, такъ какъ онъ былъ мусульманинъ.

Время дождей бываетъ здѣсь лѣтомъ, и часто дожди выпадаютъ въ такомъ изобиліи, что рѣка выходитъ изъ береговъ. Последнее землетрясеніе разрушило большую часть домовъ въ селеніяхъ. Мѣстность здѣсь вообще дикая и живописная, природа величественная, а населеніе отличается открытымъ, свободолюбивымъ и веселымъ характеромъ.

22 сентября мы миновали по пути восемь селеній, состоявшихъ всего изъ нѣсколькихъ дворовъ и окруженныхъ полями и садами, гдѣ росли грецкіе орѣхи, абрикосы, яблоки, дыни и проч. Запахъ только что сжатыхъ хлѣбовъ казался намъ особенно пріятнымъ послѣ нашего путешествія по безплоднымъ нагорьямъ. Яковъ здѣсь не держатъ, верблюдовъ тоже; видны только коровы, ослы, лошади, овцы и козы.

Самое красивое изъ селеній — Тонгъ; плодовые сады и живописныя сакли его красиво выдѣляются на фонѣ голыхъ

скалистыхъ стѣнъ. Старшина селенія Гассанъ-бекъ, настоящій патріархъ съ виду, отличался большой оригинальностью

Опасная переправа.
(Съ рисунка Лидберге).

и невѣроятной разсѣянностью, и то и дѣло вполголоса разговаривалъ съ самимъ собою.

Въ слѣдующемъ, находившемся неподалеку, селеніи Кандалакшъ мы сдѣлали привалъ, расположившись на террасѣ дома мѣстнаго минъ-баши (тысяченачальника), гдѣ насъ и посѣтили всѣ именитые мѣстные жители.

Отсюда всего нѣсколько километровъ разстоянія до Яркендъ-дарьи, которая около Тонга зовется попросту Дарьей (т. е. рѣкой) или Тонгынъ-дарьязы (рѣка Тонгъ). Наименованіе Раскема или Заравшана она принимаетъ выше.

Лѣтомъ вода въ рѣкѣ такъ прибываетъ, что переправа черезъ нее прекращается; такимъ образомъ сообщеніе съ Яркендомъ поддерживается только осенью и зимою; конному туда три дня пути. Изъ Яркенда сюда наѣзжаютъ купцы, торгующіе матеріями, чаемъ, сахаромъ. Гассанъ-бекъ и его люди полагали, что теперь уже возможно было перебраться черезъ рѣку; старикъ просилъ насъ только переждать ночь, чтобы онъ успѣлъ сдѣлать нужныя распоряженія насчетъ нашей переправы.

23 сентября мы направились къ Яркендъ-дарьѣ, и я былъ очень удивленъ, найдя, что боковая долина Тонгъ гораздо шире, нежели главная, въ которую она открывается. Огромныя массы воды побѣдоносно пролагали себѣ путь въ горныхъ породахъ, и ущелье представляло величественную панораму.

Оставшіеся на стѣнахъ скалъ знаки показывали, что уровень воды въ рѣкѣ теперь на $3\frac{1}{2}$ м. ниже, нежели во время лѣтняго половодья, но и теперь еще рѣка катила свои полупрозрачныя, отливающія зеленымъ цвѣтомъ, мощныя волны съ глухимъ грохотомъ, будившимъ странное эхо между сланцевыми стѣнами ущелья.

Итакъ, надо было переправиться черезъ эту рѣку, преграждавшую намъ путь. На берегу насъ ждали шесть „сучи“ въ просторныхъ шароварахъ и съ привязаннымъ къ груди „толумомъ“ т. е. надутымъ козьимъ бурдюкомъ. Они приготовили плотъ, съ виду внушавшій мало довѣрія; это были обыкновенныя носилки, подъ которыя подвязали двѣнадцать надутыхъ бурдюковъ. Лошадей развьючили. Сначала на плотъ погрузили ящики съ провіантомъ. Одну изъ лошадей привязали за хвостъ къ плоту, а одинъ изъ „сучи“ повелъ ее за поводъ вбродъ между круглыми отшлифованными каменьями,

покрывавшими дно у береговъ. Остальные „сучи“ поддерживали равновѣсіе плота на водѣ.

Лошадь скоро потеряла точку опоры подъ ногами и погрузилась въ воду почти съ головой. Тогда „сучи“ обвилъ ее за шею правой рукой, а лѣвой принялся грести по нужному направленію. Всю компанію подхватило теченіемъ, и они, гребя руками изо всѣхъ силъ, быстро понеслись внизъ по рѣкѣ, забирая, однако, къ противоположному берегу.

Какъ разъ напротивъ насъ, на правомъ берегу, высились отвѣсныя скалы, о которыя съ яростью разбивались волны, но ниже по теченію находилась маленькая защищенная бухточка. Сюда-то и держали „сучи“ и, наконецъ, осторожно причалили къ берегу.

Въ одномъ километрѣ отъ мѣста переправы, рѣка дѣлала загибъ, откуда водная масса устремлялась къ лѣвому берегу, образуя водопадъ. Надо было поэтому стараться достигнуть противоположнаго берега раньше, нежели теченіе могло унести васъ къ загибу и водопаду, въ которомъ васъ завертѣло-бы и разбило о скалы и глыбы.

Послѣ того, какъ весь багажъ въ четыре приема былъ переправленъ, пришла моя очередь. Я ожидалъ переправы съ нетерпѣніемъ и почти съ такимъ-же жуткимъ чувствомъ, съ какимъ въ дѣтствѣ, бывало, собирался купаться, не умѣя еще плавать. Плотъ былъ очень неустойчивъ, колебался изъ стороны въ сторону на надутыхъ бурдюкахъ, и тамъ, гдѣ теченіе было особенно сильно, можно было съ минуты на минуту ожидать, что онъ вотъ-вотъ перекувырнется. Оно такъ и случилось-бы, не поддерживай его со всѣхъ сторонъ „сучи“.

Я предпочелъ обойтись безъ лошади, и „сучи“ подхватили плотъ-носилки за палки со всѣхъ четырехъ концовъ. Въ слѣдующую минуту теченіе понесло насъ внизъ по рѣкѣ. Съ непривычки кружилась голова; скалы противоположнаго берега какъ будто бѣжали мимо вверхъ по теченію, панорама безпрестанно мѣнялась, словно я смотрѣлъ изъ окна курьерскаго поѣзда. „Сучи“ изо всѣхъ силъ работали и руками и ногами, чтобы выбраться изъ теченія и, наконецъ, мы попали въ сравнительно спокойныя воды бухты и пристали къ берегу.

При обратной переправѣ съ плотомъ на лѣвый берегъ,

„сучи“ удалось пристать къ берегу только гораздо ниже мѣста переправы, и пришлось вести туда плотъ по водѣ съ помощью лошади, которая шла по берегу. Остальныя лошади переправились вплавъ съ помощью „сучи“.

Исламъ-бай предпочелъ переплыть черезъ рѣку на лошади, но во время переправы растерялся, голова у него закружилась, онъ позабылъ какого направленія держаться и чуть не потопилъ свою лошадь, слишкомъ наваливаясь на нее. Его понесло внизъ по рѣкѣ, и я страшно боялся, что его увлечетъ къ водопаду, и онъ разобьется.

Но ему удалось таки пробиться къ берегу. То-то хорошо было очутиться, наконецъ, всѣмъ вмѣстѣ съ багажомъ цѣлыми и невредимыми на правомъ берегу Яркендъ-дарьи! „Сучи“ получили 100 тенегъ за труды, а старшій изъ нихъ еще шапку и ножъ, и всѣ остались очень довольны.

Яркендъ-дарья замерзаетъ въ концѣ декабря, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теченіе не слишкомъ сильно, ледъ бываетъ толстъ. Тогда открывается путь по льду вдоль рѣки въ селеніе Кичикъ-Тонгъ и боковую долину Чепъ, ведущую къ перевалу Корумъ-артъ (каменный переваль), находящемуся въ горной цѣпи праваго берега. Прибыль воды начинается въ концѣ мая, и половодье продолжается около трехъ мѣсяцевъ.

Лошадей опять навьючили, и мы продолжали путь по правому берегу внизъ по рѣкѣ. Скоро, однако, дорогу преградила скала, отвѣсно спускавшаяся въ воду. Таджикъ вырубилъ въ скалѣ, должно быть въ очень уже отдаленное время, тропинку, вродѣ карниза; край ея сильно вывѣтрѣлъ и сталъ покатымъ въ сторону обрыва и пѣнящейся рѣки. Тропинку кое-какъ уравнили съ помощью кольевъ, вѣтвей и каменныхъ плитъ, зато въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она стала такъ узка, что навьюченнымъ лошадямъ не пройти было, — вьюки терлись и задѣвали за стѣну скалы подымавшуюся справа. Мы чуть было не потеряли одну изъ лошадей, которая зацѣпилась вьюкомъ на самомъ узкомъ мѣстѣ и неминуемо полетѣла-бы внизъ, если-бы Исламъ-бай не успѣлъ уцѣпиться за нее, а остальные въ ту-же минуту не освободили ея отъ вьюка. Весь багажъ пришлось перенести черезъ опасныя мѣста на рукахъ. Въ селеніи Курукъ-лянгаръ (сухой заѣзжій дворъ), расположенномъ въ устьѣ долины того-же названія, мы сдѣ-

дали приваль. Орошеніе зависитъ здѣсь отъ дождей, выпадающихъ въ горахъ, и, если въ горахъ засуха — въ долинѣхъ неурожай. Селеніе расположено очень живописно — кругомъ тѣнистые сады и гигантскія скалы.

24 сентября мы двинулись по долинѣ Арпа-таля; на пути нашъ захватилъ градъ, и мы разбили лагерь въ полѣ около селенія Сугетлыкъ, а на слѣдующій день перешли черезъ переваль Арпа-таля (3,838 м.).

Тропа идетъ зигзагами довольно круто вверхъ по округленнымъ, поросшимъ травой высотамъ, сѣверные склоны которыхъ покрыты снѣгомъ, или пропитаны влагою отъ растаявшаго снѣга. Лошади спотыкаются и скользятъ на глинистыхъ скатахъ. Ъзда при такихъ условіяхъ не очень пріятна, особенно, если при этомъ съ одной стороны у васъ пропасть.

Съ перевала видны: на западѣ покрытый снѣгомъ гребень, черезъ который мы перешли по перевалу Кандахоръ, на востокѣ цѣлая панорама гребней, постепенно понижающихся и вдали тонущихъ въ желтомъ туманѣ, говорящемъ о пустынныхъ равнинахъ Восточнаго Туркестана. Въ восточномъ направленіи снѣга нигдѣ не видно. Всѣ селенія, которыя мы миновали, заселены джагатай-тюрьками. Перевальъ является такимъ образомъ и климатическою и этнографическою границею.

Дорога повела на ОНО къ селенію Онгурлукъ (овраги), гдѣ какъ разъ происходила молотьба. Способъ молотьбы здѣсь крайне примитивный: десять быковъ ходятъ, тѣсно сомкнувшись въ рядъ, вокругъ столба, по разбросанному по землѣ зерну. Сѣютъ здѣсь маисъ, пшеницу и овесъ, причемъ поля засѣваютъ не каждый годъ, а черезъ годъ.

26 сентября мы остановились въ плодородной и густо заселенной мѣстности Ичь-Бельдиръ. На слѣдующій день мы вышли изъ горной области и еще разъ переправились черезъ Яркендъ-дарью, около селенія Хушерабъ, гдѣ рѣка имѣетъ въ ширину 78 м., а въ глубину самое большее 3,14 м. Скорость теченія ея здѣсь не превосходитъ 48 сантим. въ секунду, и переправа на паромѣ поэтому не представила особыхъ затрудненій. Паромъ былъ очень большихъ размѣровъ и перевезъ весь нашъ караванъ заразъ; не понадобилось даже

развѣвываютъ лошадей. Ночевали мы въ селеніи Качунгъ, имѣвшемъ 200 домовъ. Здѣсь также воздѣлываютъ рисъ.

На слѣдующій день мы прибыли въ селеніе Яръ-арыкъ, орошаемое довольно значительнымъ каналомъ; послѣдній выведенъ изъ рѣки и орошаетъ также лежащее къ сѣверо-востоку селеніе Лянгаръ. Направо отъ насъ разстилалась безграничная пустынная равнина; налѣво крайнія развѣтвленія горъ, неясно рисовавшіяся въ насыщенномъ пылью воздухѣ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней мы черезъ селенія Кокъ-рабатъ и Кызылъ, Янги-гиссаръ и Япчанъ достигли Капшгара, куда прибыли 3 октября, и гдѣ меня съ обычнымъ гостепрѣимствомъ принялъ генеральный консулъ Петровскій.

Здѣсь, въ этой низменной области, погода стояла еще теплая, мягкая. Рѣзкіе переходы изъ одного климата въ другой отозвались на мнѣ сильной лихорадкой, отъ которой я отдѣлался лишь въ серединѣ ноября.

Всѣ потери, понесенныя мною во время злополучнаго перехода черезъ пустыню, были теперь пополнены. Изъ Берлина мнѣ прислали ящикъ съ тремя превосходными анероидами, гипсотермометрами, психрометрами и термометрами; все прибыло въ полной исправности, благодаря тщательной упаковкѣ въ Берлинѣ, и заботливости шведскаго консула въ Батумѣ, отправившаго эти хрупкія вещи дальше въ Азію.

Изъ Ташкента пришли три ящика съ разными необходимыми вещами: одеждой, консервами, табакомъ и проч. Такимъ образомъ я былъ опять во всеоружіи, какъ и въ началѣ моей экспедиціи.

IV.

Верхомъ до Хотана.

Оправившись отъ лихорадки и организовавъ новый караванъ, я окончательно покинулъ самый западный изъ городовъ Китая. Выступленіе наше, означавшее долгую разлуку съ крайней станціей европейской цивилизаціи на востокѣ, было обставлено большою торжественностью. Дао-тай сдѣлалъ мнѣ прощальный визитъ собственной персоной съ боль-

шимъ блескомъ и помпой, въ сопровожденіи остальныхъ моихъ китайскихъ друзей.

Караванъ, состоявшій изъ 9 лошадей и 3 людей, подъ начальствомъ моего испытаннаго Ислама, выступилъ къ югу рано утромъ 14 декабря 1895 г.; самъ-же я выѣхалъ верхомъ съ 2 остальными слугами въ полдень — въ тотъ-же самый день, въ который въ 1890 г. я увидалъ Кашгаръ впервые.

На дворѣ собралось проводить меня цѣлое общество: самъ генеральный консулъ, его любезная супруга, Адамъ Игнатьевичъ, 50 казаковъ съ двумя офицерами и, наконецъ, туземцы — писаря, толмачи и слуги консульства. Когда я простился съ этимъ гостепріимнымъ домомъ, гдѣ провелъ столько пріятныхъ и поучительныхъ часовъ, мы сѣли на коней и поѣхали рысцой по улицамъ въ сопровожденіи офицеровъ, Адама Игнатьевича и казаковъ, распѣвавшихъ солдатскія пѣсни, которыя будили громкое веселое эхо въ узкихъ, какъ корридоры, улицахъ.

Около дома шведскаго миссіонера я остановился, чтобы проститься съ симпатичной и умной г-жей Гёгбергъ и ея дѣтьми; самъ Гёгбергъ поѣхалъ провожать меня. Подъ конецъ къ намъ присоединился еще въ своей голубой повозкѣ русско-китайскій переводчикъ, нашъ общій другъ Янь-Да-ой, и легко себѣ представить, что за пестрая кавалькада понеслась по пыльной широкой дорогѣ къ Янги-шару! Въ Янги-шарѣ мы обмѣнялись послѣдними привѣтствіями. Я громко крикнулъ казакамъ: „Прощайте, ребята!“ и они въ униссонъ прокричали: „Съ Богомъ! Счастливый путь!“.

И вотъ, я остался одинъ между азіатовъ. Но, когда зубцы башенъ Кашгара скрылись за горизонтомъ, и пѣсня казаковъ замерла вдали, я всетаки вздохнулъ съ облегченіемъ при мысли, что какъ-никакъ, а я теперь „на пути домой“. Сладость этой мысли не умѣрялась даже тѣмъ соображеніемъ, что на пути этомъ лежала цѣлая половина Азіи, и что меня отдѣляли отъ Стокгольма полтора десятка тысячъ верстъ.

Въ Кызылѣ я присоединился къ своему каравану. Желая избѣгнуть большой дороги, уже известной мнѣ, я направилъ путь черезъ лежащія въ пустынѣ мазары Урданъ-Падишахъ и Хазрегъ-Бегамъ.

500 верстъ, отдѣлявшихъ насъ отъ Хотана, мы проѣхали

въ 13 дней, и я такимъ образомъ имѣлъ время близкó познакомиться съ этимъ важнымъ и во многихъ отношеніяхъ интереснымъ путемъ; къ сожалѣнію, объемъ книги не позволяетъ мнѣ подробно описать этотъ долгій путь. Надѣюсь, впрочемъ, мнѣ для этого представится другой случай, когда я и воспользуюсь моими обширными дневниками, содержащими не мало новыхъ свѣдѣній и интересныхъ замѣтокъ.

Путешествіе мое вообще было столь обильно наблюденіями, что одной книги для изложенія ихъ всѣхъ далеко не достаточно, къ тому-же большая часть собраннаго матеріала такого рода, что требуетъ специальной обработки и подкрѣпленій ссылками на историческіе факты, на что нуженъ большій срокъ времени, нежели какой былъ въ моемъ распоряженіи до сихъ поръ.

Путь въ Хотанъ уже пройденъ цѣликомъ или частью многими европейскими путешественниками, на примѣръ Джонсономъ, Шлагинтвейтомъ, Шау, Форсэйттомъ и его экспедиціей, Громбчевскимъ, Пѣвцовымъ, Дютрейль де Риномъ, Литледэлемъ и др. Могу, однако, сказать, не преступая границъ скромности, что мнѣ удалось собрать изрядное количество новыхъ свѣдѣній, какъ объ этомъ главномъ пути съ его селеніями, такъ и о примыкающихъ къ нему побочныхъ путяхъ. Но для размѣщенія всего этого матеріала понадобился-бы еще небольшой томикъ, и я снова принужденъ отказаться отъ желанія подѣлиться этими свѣдѣніями съ читателями, чтобы поскорѣе добраться до описанія тѣхъ областей, гдѣ у меня не было столькихъ предшественниковъ. Отмѣчу лишь нѣсколько отдѣльныхъ событій и моментовъ.

20 декабря вѣхали мы въ двойныя ворота Янги-шара (Новый городъ), китайской части города Яркенда, а въ нѣкоторомъ разстояніи оттуда черезъ ворота Алтынъ-дербазе (Золотыя ворота) въ Кохне-шаръ (старый городъ), магометанскую часть. Обѣ эти части Яркенда лежатъ другъ отъ друга всего въ одномъ километрѣ и на всемъ этомъ разстояніи между воротами ихъ, черезъ которыя пролегаетъ большая кашгарско-хотанская дорога, тянется длинная широкая базарная улица, крытая деревяннымъ навѣсомъ. По этой улицѣ даже поздно вечеромъ не прекращается оживленное движеніе при мигающемъ свѣтѣ масляныхъ фонарей.

Въ общемъ улица напоминаетъ безконечный тунель, стѣны котораго образуютъ лавки и лари. По тѣснотѣ, сумятицѣ, множеству верблюжьихъ каравановъ, крику и гаму, царствующимъ здѣсь, сразу замѣтно, что находишься въ большомъ городѣ. Яркендъ и есть самый большой городъ Восточнаго Туркестана; въ немъ съ его предмѣстьями насчитывается 150,000 жителей.

Проѣхавъ Алтынъ-дервазе, мы пересѣкли цѣлый лабиринтъ извилистыхъ улицъ и переулковъ, пока, наконецъ, достигли дома, который отвелъ въ наше распоряженіе аксакаль андижанскихъ купцовъ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней мы оставались въ Яркендѣ, частью, чтобы дать лошадямъ отдохнуть, частью, чтобы хорошенько ознакомиться съ городомъ и его ближайшими окрестностями. Я, между прочимъ, посѣтилъ, въ сопровожденіи аксакала, здѣшняго амбана, „ямень“ котораго былъ гораздо пышнѣе, чѣмъ ямень амбана Кашгарскаго.

Въ ямень вели трое высокихъ, пестрорасписанныхъ и покрытыхъ лѣпными украшеніями воротъ, живописной архитектуры. На дворѣ, передъ яменомъ собралась толпа туземцевъ, явившихся искать китайскаго правосудія. Тутъ были и сельскіе жители, жаловавшіеся на то, что ихъ обдѣлили водой изъ оросительныхъ каналовъ, и слуги, жаловавшіеся на хозяевъ, которые не заплатили имъ жалованья, и пойманные воры, ожидавшіе суда и расправы.

Амбанъ Панъ-даринъ былъ пожилой человѣкъ, высокаго роста, дородный, съ сѣдой козлиной бородкой. Принялъ онъ меня съ любезной улыбкой и милостиво поинтересовался моими планами. Вечеромъ онъ прислалъ мнѣ въ даръ маиса и пшеницы, а отъ меня, явившись ко мнѣ на слѣдующій день съ визитомъ, получилъ револьверъ.

Обозрѣвая городъ, я осмотрѣлъ между прочимъ главныя медресе и мечети. Самое большое изъ первыхъ — Кокъ-медресе (голубое медресе), „пиштакъ“ или сводчатый фасадъ котораго, выложенный голубыми и зелеными изразцами, не можетъ, однако, сравниться даже съ самыми простыми образцами этого рода архитектуры въ Бухарѣ. На дворѣ медресе находятся мазары разныхъ святыхъ. Акъ-медресе (бѣлое), Яшилъ-(зеленое), Каликъ-Касимъ-Азунъ-и Бадаулетъ-ме-

дрессе еще меньшихъ размѣровъ и по архитектурѣ уже ровно ничего замѣчательнаго не представляютъ. Последнее изъ названныхъ, возведенное въ правленіе Якубъ-бека, имѣетъ 36 колоннъ и веранду.

Въ сѣверо-восточной части Яркенда возвышается холмъ Наурузъ-дунъ (Новогодній холмъ), съ котораго открывается видъ на весь городъ. Лежитъ холмъ у самой городской стѣны; стѣна эта, зубчатая, тонкая, хрупкая, изъ высушенной на солнцѣ глины, извивается по старымъ береговымъ террасамъ и окружаетъ городъ. На вершинѣ холма возведенъ минаретъ—собственно помость на высокихъ деревянныхъ столбахъ; съ высоты его раньше, чѣмъ откуда либо изъ города, бываетъ видно новолуніе, разрѣшающее правовѣрныхъ отъ рамазана (поста).

Внутри обнесеннаго стѣною круга, внизу подъ нами, раскинулась настоящая мозаика изъ четырехугольныхъ крышъ; узкіе извилистые линіи переулковъ едва замѣтны, зато рѣзко выдѣляются базары, сады и одинокія ивы. По ту сторону стѣны взоръ теряется въ лабиринтѣ полей, овраговъ и каналовъ, а подальше, на сѣверовостокѣ, видна Яркендъ-дарья, змѣей убѣгающая въ пустыню, стремясь къ своей далекой цѣли Лобъ-нору.

Хотя городъ находится вблизи самой большой рѣки Центральной Азіи, яркендцы пьютъ не воду, а настоящій ядъ. Выведенная изъ рѣки каналами въ городъ и скопляющаяся здѣсь въ прудахъ и бассейнахъ рѣчная вода застаивается и заражается всевозможными міазмами, такъ что всѣ эти бассейны и пруды истинные очаги всякой заразы, кишацие бактеріями. Въ этихъ бассейнахъ купаются, моютъ грязное бѣлье и посуду, купаютъ собакъ и скотъ, въ нихъ же валятъ всякіе отбросы, изъ нихъ же и берутъ воду для кушаній и для питья.

Слѣдствіемъ такого неряшества и безпечности является обычная въ Яркендѣ болѣзнь, „бугакъ“—зобъ, или опухоль кадыка. Опухоль эта бываетъ величиною съ кулакъ, а иногда и съ цѣлую голову и придаетъ своему обладателю уродливый, отталкивающій видъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что около 75 процентовъ коренныхъ жителей города страдаютъ въ большей или

меньшей степени этой болѣзнью, которая въ большинствѣ случаевъ и сопровождаетъ своихъ обладателей въ могилу. Встрѣчая въ другомъ какомъ нибудь городѣ человѣка съ такимъ зобомъ, можно почти быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ яркендецъ, равно, какъ можно принять за правило, что попадающіеся на базарахъ Яркенда люди съ нормальными шеями — прїѣзжіе изъ Кашгара, Хотана или изъ какого либо другого города.

Яркендцы ничѣмъ не лечатся отъ этой болѣзни, которая впрочемъ, иногда, вѣроятно, отъ перемѣны мѣста, проходитъ сама собой. Индусы, говорятъ, знаютъ отъ нея средство, но, какъ и андижанцы, не страдаютъ ею, такъ какъ употребляютъ лишь колодезную воду.

О происхожденіи болѣзни сложилась легенда, гласящая, что когда Салихъ-пейгамберъ проѣзжалъ черезъ Яркендъ, какіе то воры украли его верблюда, перерѣзали ему горло и бросили его трупъ на берегу Яркендъ-дарьи. Святой человекъ и проклялъ всю мѣстность, наславъ на жителей на вѣчныя времена „бугакъ“. Трупъ верблюда отравилъ воду въ рѣкѣ и посѣялъ въ нее сѣмена заразы.

Въ городѣ проживаютъ до 40 андижанскихъ купцовъ, которыя ввозятъ сюда матеріи, шапки, халаты, сахаръ, спички и проч., и вывозятъ отсюда шерсть, войлока и проч. Барыши они получаютъ хорошіе и выстроили себѣ 26 лѣтъ тому назадъ прекрасный караванъ-сарай. Яркендцы не любятъ ихъ такъ-же, какъ и китайцевъ.

На улицахъ ихъ сейчасъ-же узнаешь по ихъ сравнительно опрятнымъ одеждамъ и наружности. Жилища ихъ отличаются чисто убранными комнатами и опрятными дворами. Афганскіе и индусскіе купцы имѣютъ свои караванъ-сарай.

Городъ дѣлится на 24 большихъ „махалля“, или квартала; каждый находится подъ управленіемъ своего юзъ-баши, въ помощь которымъ приставлены по два, или болѣе онъ-баши. Кромѣ того порядокъ въ Яркендѣ и въ окрестностяхъ поддерживается не малымъ числомъ бековъ.

23 декабря мы переправились на паромѣ черезъ Яркендъ-дарью, притокъ воды въ которой еще и теперь равнялся 93 куб. метрамъ въ секунду. Такимъ образомъ, притокъ воды въ рѣкѣ понизился съ конца сентября, когда я

измѣрялъ ее около Хушераба, на 60 куб. м. Со стороны правого берега изъ рѣки выведены арыки, расходящіяся по всей мѣстности вплоть до Посгама; за этимъ-же селеніемъ мѣстность орошается водами Тызнапа.

Слѣдуя по густо населеннымъ, плодороднымъ трактамъ, черезъ цѣлый рядъ селеній, которыя я всѣ и занесъ на карту, достигли мы въ сочельникъ города Каргалыка (Вороній городъ), гдѣ ничто не напоминало о значеніи дня, — не было ни снѣга, ни елокъ; одно радушіе жителей придало дню праздничный оттѣнокъ. Мы остановились у купца изъ Кокана, который предложилъ намъ вечеромъ обильный „дастарханъ“ изъ грушъ, апельсиновъ, изюму, миндаля и разныхъ сладостей. Въ общемъ вышло что-то похожее на рождественскій столъ, хотя самого стола-то и не было, — подносы ставились прямо на полъ. Позже явились привѣтствовать меня десять городскихъ бековъ въ китайскихъ парадныхъ одѣянιάхъ, съ косами, а подъ конецъ и самъ амбанъ Ли-даринъ изволилъ прислать мнѣ „гостинцевъ на елку“: рису, баранины, пшеничной и маисовой муки, топлива и корму для лошадей.

Какъ только гости ушли, и я покончилъ со своими замятками, я тотчасъ-же улегся спать, чтобы скорѣе забыться сномъ и уйти отъ тоски, которая въ этотъ день сильнѣе, чѣмъ когда либо, глодала сердце одинокаго путника.

Если яркендскій амбанъ былъ олицетвореніемъ любезности, то каргалыкскій положительно превзошелъ всякія ожиданія своей любезностью. Я не успѣлъ еще собраться къ нему, какъ онъ уже явился ко мнѣ съ визитомъ самъ, рано утромъ, въ первый день Рождества; я еще былъ въ постели. Когда-же я явился отдать ему визитъ, меня привѣтствовали во дворѣ ямена троекратнымъ залпомъ изъ пушки; я чуть не полетѣлъ кувыркомъ съ своей лошади, которая не привыкла къ такимъ привѣтствіямъ.

Амбанъ былъ славный, чистенькій человѣчекъ, лѣтъ 50, съ небольшими сѣдыми холеными усами и большими круглыми стеклянными глазами. По окончаніи обѣда, на который я былъ приглашенъ, я нарисовалъ портретъ хозяина, и вдругъ, къ моему немалому изумленію, къ намъ вышла его молодая, желтая супруга, балансируя на своихъ крохотныхъ, едва въ 5 сант. длиною, ножкахъ, и попросила меня нарисовать и ей

портретъ, который она хотѣла послать родителямъ своимъ въ Пекинъ. Разумѣется, я поспѣшилъ исполнить столь лестную просьбу.

26 декабря я оставилъ Каргалыкъ. Амбанъ снарядилъ мнѣ въ провозатые одного бека, поручивъ ему заботиться о моихъ удобствахъ въ пути. А, когда мы выѣхали изъ восточ-

Ли-даринъ, амбанъ Каргалыкскій.
(Съ рисунка автора).

ныхъ воротъ города, въ честь мою снова грянули три пушечныхъ выстрѣла.

Черезъ небольшой промежутокъ времени мы миновали послѣднія селенія и очутились въ пустынной мѣстности, гдѣ дорога, обыкновенно выдѣляющаяся свѣтлою полосою, совершенно заматается во время бурановъ. Для того, чтобы

путешественники не сбивались съ пути, китайцы и распорядились установкой столбовъ, указывающихъ направленіе дороги. Столбы разставлены на разстояніи 80—90 метровъ другъ отъ друга, и, такимъ образомъ, ихъ всегда видно впереди 6—7 штукъ заразъ. Во время самаго бурана отъ нихъ толку немного; зато, когда буранъ прекратится, они очень полезны и даже необходимы; пока ихъ не было, говорятъ, многіе путешественники, сбившись съ пути, такъ таки и пропадали безслѣдно. Глядя на эти столбы, вспоминаешь слова Марка Поло: „А передъ тѣмъ, какъ расположиться на ночной отдыхъ, ставятъ сигнальный шестъ, чтобы онъ указывалъ направленіе завтрашняго маршрута“.

Отъ оазиса Бэшъ-арыкъ (пять каналовъ) тянется ровная бесплодная равнина вплоть до Кошъ-лянгара (двѣ станціи), караванъ-сарай котораго, обсаженный ивами, виденъ издалека; находясь на возвышеніи, онъ какъ будто паритъ надъ горизонтомъ.

Этотъ „лянгаръ“ отличная постройка изъ сѣрозеленаго кирпича, возведеннаго еще въ началѣ правленія Якубъ-бека. Внутри находится большой четырехугольный дворъ, вымощенный крупными кирпичами. Въ „лянгарѣ“ 10 отдѣльныхъ помѣщеній для путниковъ; полы въ этихъ помѣщеніяхъ также вымощены кирпичами, а свѣтъ проникаетъ сквозь небольшое оконце въ сводчатой крышѣ.

Рядомъ съ этой солидной каменной постройкой, рѣзко отличающеюся отъ глиняныхъ лачугъ, къ которымъ мы привыкли, находятся службы и конюшня изъ обыкновенной глины, съ бревенчатыми крышами. Тутъ-же съ юговосточной стороны „лянгара“ находится и большой водоемъ, въ который собираются воды, стекающія съ горъ весною и который такимъ образомъ служитъ запаснымъ водохранилищемъ на жаркое, сухое время года. Вокругъ водоема растетъ нѣсколько красивыхъ ивъ.

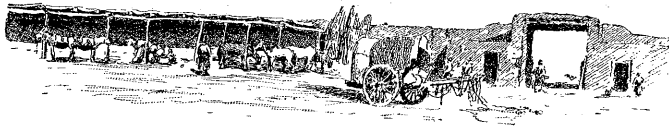
До настоящей песчаной пустыни насчитывается отсюда полтора дня пути. Пустыня извѣстна здѣсь подъ названіемъ „Такла-маканъ“, „Джалатъ-кумъ“ и „Адамъ-олтургенъ-кумъ“ („Губящій людей песокъ“).

Соотвѣтственно континентальному климату мѣстности, зима здѣсь бываетъ суровая, а лѣто страшно знойное. Въ

концѣ марта начинается время песчаныхъ бурановъ, продолжающееся до конца лѣта. Среднимъ числомъ въ годъ бываетъ до пятнадцати жестокихъ бурановъ. Разражаются они обыкновенно только послѣ полудня, почти никогда утромъ или ночью, и длятся всего съ часъ; вѣтеръ дуетъ при этомъ чаще съ запада, нежели съ востока.

Бураны бываютъ необычайно свирѣпы; случается, что вихремъ уноситъ овецъ, пасущихся около селеній или отбившихся въ туманѣ отъ стада. По здѣшнему обычаю пастухи и отвѣчаютъ передъ хозяевами лишь за овецъ, пропавшихъ въ тихую погоду. Точно также и владѣльцы овецъ отвѣчаютъ только за потраву, произведенную ихъ овцами, забравшимися въ чужое поле въ тихую погоду; если-же животныя очутятся въ чужомъ полѣ или въ саду въ буранѣ, или туманѣ, то ни хозяинъ, ни пастухъ не отвѣтчики.

Сторожъ „лянгара“ рассказывалъ, что особенно силь-

Конюшня въ Чулакѣ-лянгарѣ.
(Съ рисунка автора).

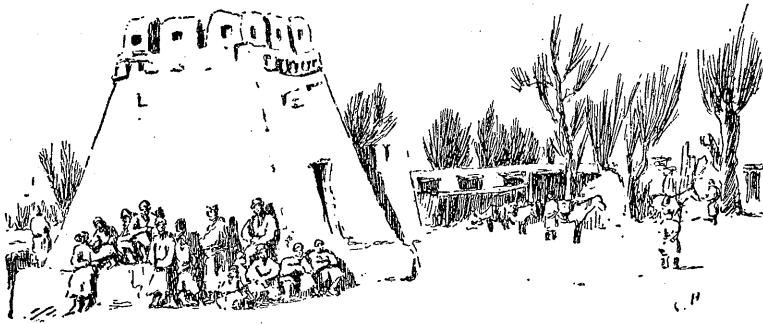
ными буранами переносить воронъ и другихъ птицъ изъ Каргалыка до Гумы, или наоборотъ, причемъ птицы часто убиваются на смерть о попадающіеся на пути предметы.

Насчетъ упорнаго вѣтра сложилась такая легенда. Около Чулакѣ-лянгара одинъ святой человѣкъ нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ вырылъ колодезь, теперь давнымъ давно занесенный пескомъ. Когда святой вырылъ яму въ 80 сажень глубины, земля подъ нимъ вдругъ разверзлась, оттуда поднялся страшный вихрь и унесъ его на небо. Изъ колодца-же съ тѣхъ поръ и выходятъ все вѣтры, дующіе въ этой мѣстности. Другая легенда, основывающаяся на наблюденіи, правдоподобнѣе. Она гласитъ, что если послѣдній буранъ проносится изъ Каргалыка, слѣдующій пронесется изъ Гумы и, что это или тотъ же самый буранъ, возвращающійся обратно, или другой, отправляющійся къ первому въ гости.

На слѣдующій день мы добрались до Чулакѣ-лянгара.

(постоялый дворъ калѣки), прозванный такъ потому, что тутъ около стѣны много лѣтъ тому назадъ постоянно сидѣла нищая безногая старуха. Въ общемъ лянгаръ этотъ точная копія Кокъ-лянгара. Каждая сторона квадратнаго водоема имѣетъ 85 метр. въ длину, а глубина, когда водоемъ бываетъ полонъ водой, равняется 4 саженямъ. Въ настоящее время глубина воды доходила всего до $1\frac{1}{2}$ саж., и блестящая ледяная кора предохраняла воду отъ загрязненія. Лянгаръ расположенъ на холмѣ, съ котораго открывается безконечный видъ на востокъ. Равнины тянутся узкой нескончаемой полосой, сливающеюся съ горизонтомъ въ желтоватомъ туманѣ.

Весь путь отъ Кашгара до Хотана, какъ и путь отъ Кашгара до Акъ-су, китайцы размѣтили „потаями“ или путевыми

Китайскій „потай“ по дорогѣ въ Хотанъ.
(Съ рисунка автора).

знаками. Поэтому и магометане обыкновенно измѣряютъ здѣсь разстоянія „потаями“, а не такъ, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ „потаевъ“ не существуетъ, „ташами“ (камень), „джолы“ (дорога), или „чакырымами“ (окрикъ). Потай—усѣченные глиняныя пирамиды, высотой въ 6—7 метр. Среднимъ числомъ между двумя станціями приходится по 10 потаевъ.

Я нѣсколько разъ измѣрялъ разстояніе между двумя потаями, и всякій разъ получались разныя цифры: то 3,720, то 3,687, то 3,502 м. Я, такимъ образомъ, и не знаю, чѣмъ руководствуются китайцы, воздвигая свои пирамиды именно на такихъ-то и такихъ-то пунктахъ; видно, однако, что особенной точности при измѣреніи они не придерживаются. Мы съ

нашей обычной караванной скоростью проѣзжали разстояніе между двумя потаями въ три четверти часа.

Подвигаясь по пустыннымъ степнымъ участкамъ и бесплоднымъ равнинамъ, достигли мы маленькаго, привлекательнаго и обильно орошаемаго городка Гумы, настоящаго оазиса въ пустынѣ. Мы пробыли здѣсь весь день 29 декабря, а затѣмъ продолжали путь до селенія Муджи, откуда въ послѣдній день года совершили небольшую экскурсію къ развалинамъ древняго города; развалины эти находятся едва въ разстояніи „полпотая“ къ сѣверо-востоку отъ караванъ-сарая. Проѣхавъ пустынную степную мѣстность, мы достигли небольшихъ глинистыхъ террасъ, съ разбросанными по нимъ могилами. Мы раскопали нѣкоторыя. Внутри онѣ были обшиты досками и прутьями, и въ глубинѣ ямъ, наполненныхъ пескомъ и пылью, мы нашли побѣлѣвшія кости и черепа. Какъ форма могилъ, такъ и положеніе ихъ относительно киблы, указывали, что онѣ хранили прахъ джагатай-тюрьковъ. Нѣкоторые скелеты были завернуты въ лохмотья, распадавшіяся въ прахъ при одномъ прикосновеніи.

Судя по всему, кладбище это не особенно древняго происхожденія; вѣроятно, ему не болѣе двухъ, трехъ вѣковъ. Расположеніе кладбища, а также развалинъ домовъ и стѣнъ указываетъ на то, что обитавшіе здѣсь нѣкогда люди принуждены были отступить передъ надвигавшимся пескомъ дальше къ югу. Такое отступление передъ пескомъ пустыни происходило, вѣроятно, въ теченіе тысячелѣтій, и барханы пустыни Такла-маканъ скрываютъ подъ собою, безъ сомнѣнія, много достопримѣчательностей.

О гораздо древнѣйшей культурѣ говорятъ милліоны мелкихъ черепковъ, остатковъ глиняныхъ сосудовъ и обожженнаго кирпича, разбросанные по всей мѣстности, по обѣимъ сторонамъ большой дороги. По рассказамъ туземцевъ, это слѣды древняго города Назара. Время отъ времени находятъ и древнія монеты, кольца, бронзовые украшенія и осколки стекла. Я тоже нашелъ здѣсь нѣсколько стеклянныхъ осколковъ свѣтлоголубаго и зеленаго цвѣта.

Достойно вниманія, что нынѣшніе обитатели мѣстности не умѣютъ выдѣлывать стекла. Черепки и осколки, попадающіеся не только около Муджи, но и въ другихъ мѣстахъ въ

Восточномъ Туркестанѣ, свидѣтельствуютъ объ упадкѣ мѣстной промышленности. До нѣкоторой степени упадокъ этотъ объясняется измѣненіемъ климатическихъ условий. Всюду, гдѣ климатъ ухудшается, недостатокъ воды и количество бесплоднаго песку увеличивается, тамъ и культура идетъ назадъ, и населеніе теряетъ жизненную энергію и убываетъ.

Видъ разбросанныхъ по песку безчисленныхъ черепковъ сначала приводитъ даже въ недоумѣніе: начинаешь копать, — ничего кромѣ песку и пыли, никакихъ признаковъ кипѣвшей здѣсь жизни, кромѣ этихъ черепковъ! Причиной — вѣтеръ. Онъ сметаетъ песокъ и пыль, но оставляетъ на мѣстѣ черепки въ силу ихъ вѣса и формы. Можно предполагать, что вѣтеръ въ теченіе тысячелѣтій сдулъ массу слоевъ песку и пыли, содержащихъ черепки, благодаря чему послѣдніе и оказались на теперешней поверхности.

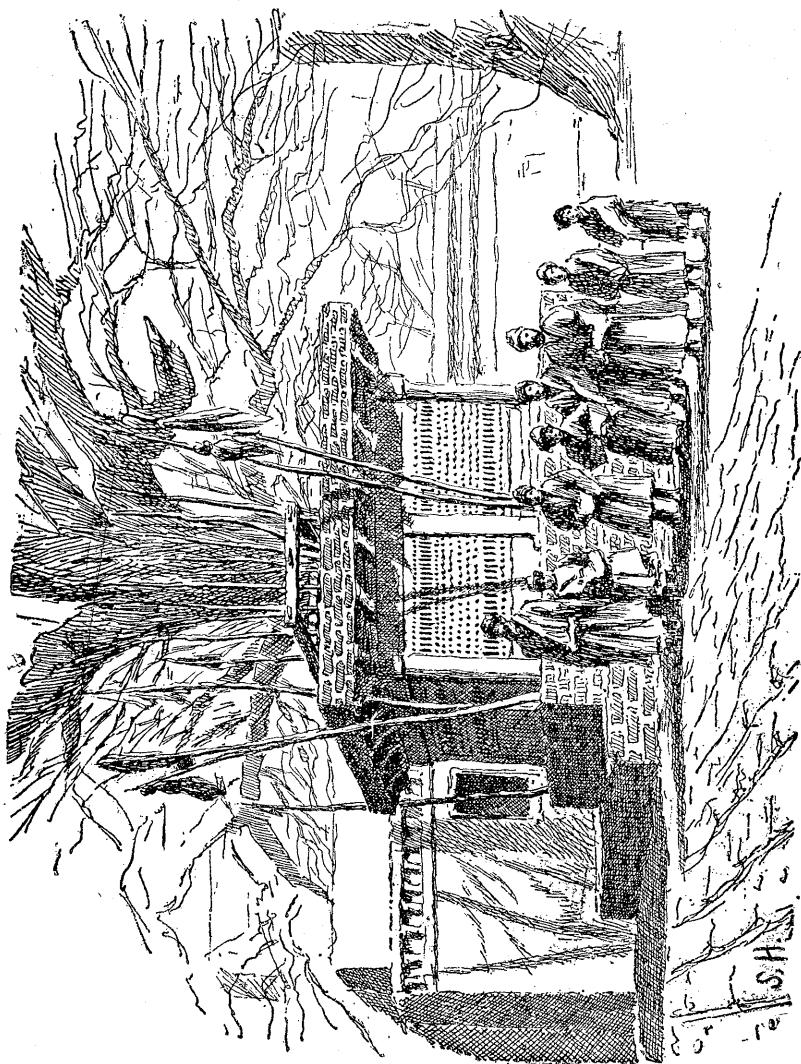
Медленно, но неустанно вѣтеръ нивелируетъ пустынную мѣстность; туземцы сами замѣчаютъ, что нивелирующая сила вѣтра гораздо сильнѣе, нежели сила воды.

Красные глиняные кувшины, черепки которыхъ попадаютъ тутъ, представляли, какъ видно, слѣдующія различныя формы: совершенно шарообразныя съ двумя ушками, иногда поставленными горизонтально, иногда вертикально, круглыя съ расширеннымъ горлышкомъ и ялицевидныя съ высокимъ узкимъ горлышкомъ. Попадаютъ здѣсь и черепки толстыхъ мисокъ изъ твердой, словно камень, голубой обожженной глины. Нѣкоторые черепки были покрыты зеленой эмалью. Стекланные осколки были, какъ видно, остатками небольшихъ бутылокъ и блюдецекъ, а также цвѣтковъ лотоса.

1 января 1896 г. мы отправились въ Зангъ-ую, небольшое селеніе въ 150 дворовъ. Степные участки безпрестанно смѣнялись бесплодными, и селенія являлись оазисами. Иногда дорога шла такъ близко около края пустыни, что вдали ясно рисовались очертанія бархановъ. Въ ясную погоду на югѣ виднѣлся даже массивъ хребта Кунь-луня. Отъ Муджи, гдѣ хребетъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ Дуа-тагъ, онъ рисуется вдали въ видѣ голубоватой стѣны, но отъ Зангъ-уи его уже нельзя различить.

Въ жаркое время года, когда то и дѣло поднимаются бураны, и воздухъ пропитанъ песчаною пылью, можно проѣхать

весь этотъ путь, не подозрѣвая, что такъ близко, чуть южнѣе, возвышается одинъ изъ самыхъ мощныхъ хребтовъ земли. Марко-Поло, совершившій этотъ путь, ни слова и не говорить о хребтѣ.

Мазаръ въ Гумѣ, окруженный лугами съ хвостами яговъ.
(Съ рисунка агтора).

Зангъ-уя производитъ пшеницу, маисъ, ячмень, сахарныя дыни и арбузы, виноградъ, персики, яблоки, туовыя ягоды, лукъ и другую зелень. Всего этого съ избыткомъ хватаетъ для нуждъ мѣстнаго населенія; излишекъ идетъ въ сосѣднія селенія.

2 января. Весь день дулъ свѣжій вѣтеръ съ ОНО, и за караваномъ хвостомъ мелась пыль. Воздухъ, впрочемъ, былъ довольно чистъ, и Дуа-тагъ со своими снѣжными полями виднѣлся ясно. Тотчасъ за Зангъ-уей опять начались ровныя пустынные мѣста, покрытыя степной растительностью, рѣдкими кустиками тамариска, тополями и камышомъ.

Почти на полпути до слѣдующаго селенія возвышается небольшой „лянгаръ“, гдѣ какой-то старикъ за крайне ничтожную плату снабжалъ путниковъ водой, доставая ее ведромъ изъ колодца, глубиною въ 25 саженъ.

Селеніе Піяльма, гдѣ мы ночевали, имѣетъ, говорятъ, 200 дворовъ и около 1,000 жителей.

На слѣдующій день такая-же пустынная дорога привела насъ къ одинокому „Акъ-лянгару“ (Бѣлый постоялый дворъ), расположенному въ двухъ съ половиной потаяхъ отъ края пустыни. Изрѣдка встрѣчались намъ другія путники, по большей части небольшія партіи купцовъ, ѣхавшихъ изъ Хотана верхомъ, съ небольшимъ багажомъ на сѣдлѣ; попадались и земледѣльцы, направлявшіеся изъ одного оазиса въ другой; иногда они гнали ословъ, нагруженныхъ зерномъ, или зеленью.

Акъ-лянгаръ, какъ и всѣ оазисы, расположенъ на берегу ручейка, направляющагося съ юга на сѣверъ; русло его, однако, содержитъ воду не всегда, а только послѣ продолжительныхъ дождей въ горахъ. Въ остальное время здѣсь пользуются водой изъ колодца, глубиною 38,47 м. Вырытъ онъ въ слояхъ тонкой темножелтой глины съ примѣсью округленныхъ галекъ, самое большее, 5 сант. въ діаметрѣ; гальки эти или изъ твердаго синевато-чернаго мелкозернистаго сланца съ тонкими бѣлыми прожилками, или изъ краснаго и сѣрозеленаго гранита.

Два или три раза въ годъ колодезь чистятъ, такъ какъ глинистыя стѣнки его осыпаются. Одинъ человекъ обязываетъ себѣ вокругъ пояса веревку, его спускаютъ въ колодезь, и онъ вычерпываетъ деревяннымъ ведромъ глину и илъ. Когда ведро наполняется, его вытаскиваютъ посредствомъ ворота. Вычерпанная глина кучами лежитъ вокругъ колодца, который закрывается деревянной крышкой съ подъемной дверцей; крышка защищаетъ колодезь отъ заноса пескомъ.

Температура воды на глубинѣ 38,47 м. равнялась 12,79° при температурѣ воздуха 2,9° (въ 5 ч. пополудни). Вода солоноватая и имѣеть неприятный привкусъ, такъ что сырую ее пить не станешь, но для заварки чая она годится.

Кстати упомяну здѣсь, что колодезь около Кызыла (между Янги-гиссаромъ и Яркендомъ) имѣеть 36,3 м. глубины, и что вода въ немъ совершенно прѣсная и постоянно сохраняетъ температуру 15,5°. Туземцевъ-же сбиваетъ съ толку измѣненіе температуры воздуха, и они увѣряютъ, что вода въ колодезѣ лѣтомъ холодная, а зимою теплая.

4 января. Проѣхавъ два „потая“, мы попали въ полосу

Толпа передъ моимъ караванъ-сараемъ въ Муджи.

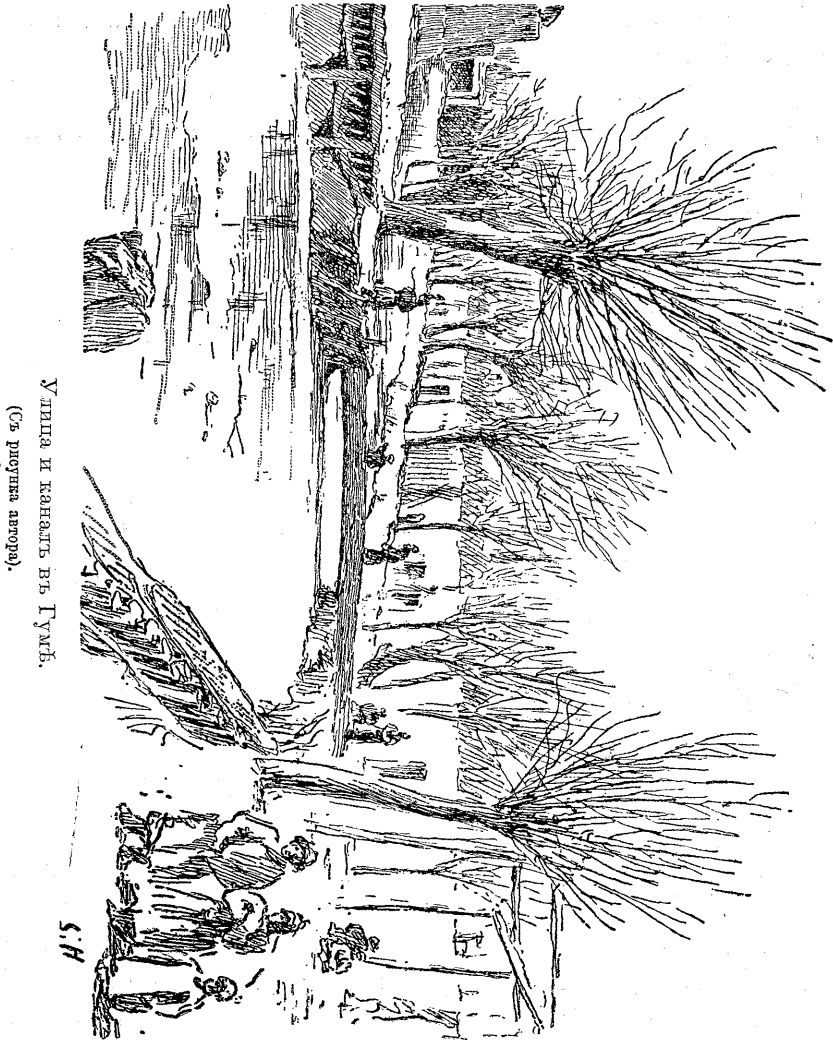
(Съ рисунка автора).

песку, нагроможденнаго довольно высокими непрерывными барханами. Посреди этой полосы возвышался глинистый холмъ, на которомъ росло нѣсколько тополей и торчали „туги“, обозначавшіе, что тутъ находится мазаръ. Около восточной подошвы холма мы нашли нѣсколько деревянныхъ лачугъ; самая большая изъ нихъ пряталась подъ нависшею деревянной крышей, подпертой четырьмя столбами.

Мазаръ этотъ, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною, носитъ названіе, по имени погребеннаго здѣсь святаго, Имамъ Хакиръ, но болѣе извѣстенъ подъ именемъ Кумъ-рабатъ-пашахымъ (постоялый дворъ моего ко-

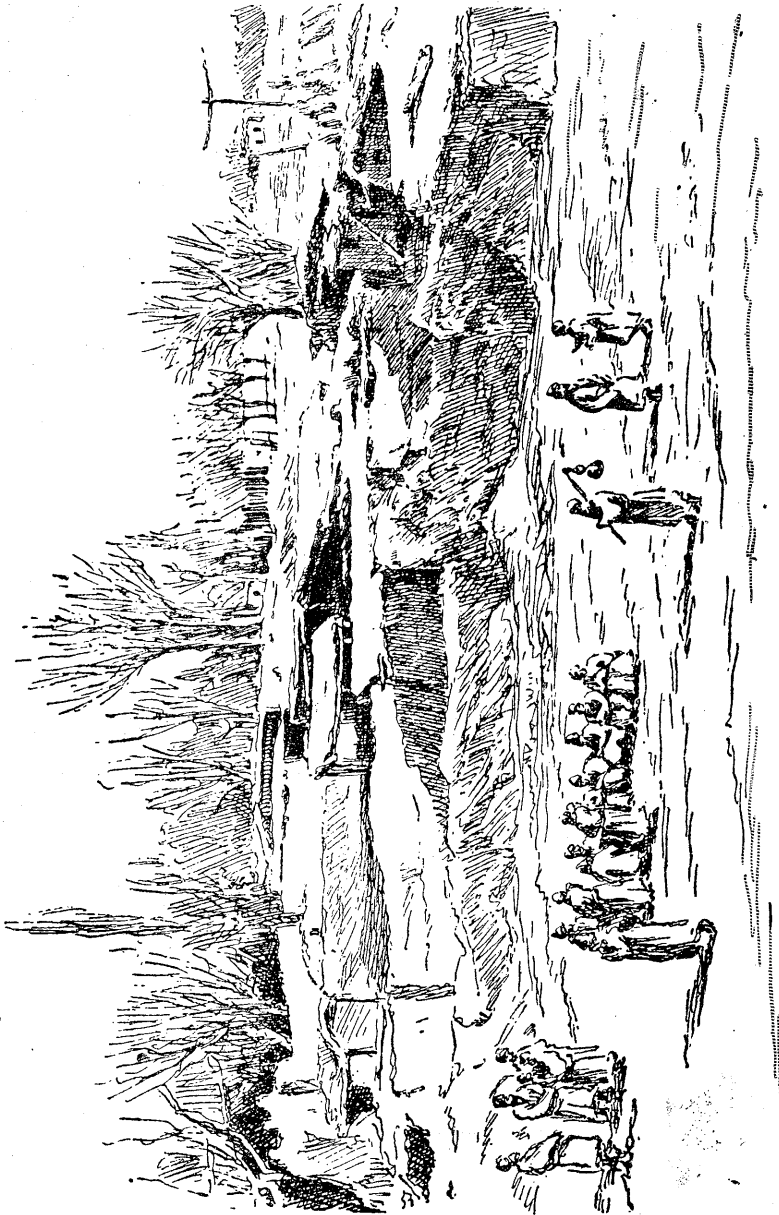
роля въ песокѣ) или по просту Кептеръ-мазаръ (голубиный мазаръ).

Особенность этого мазара въ томъ, что онъ даетъ кровь и пропитаніе тысячамъ чудесныхъ голубей, всевозможныхъ

оттѣнковъ оперенія: тутъ и желтые, и сизые, и бѣлые, и бурые, и зеленоватые, и мраморные и пр. Въ „лянгаръ“ имѣются помѣщенія — съ землянымъ поломъ, загородками и напестями — предназначенныя и для путниковъ и для голубей вмѣстѣ.

Нѣкоторые изъ голубей сидѣли на яйцахъ или грѣли птенцовъ, другіе стаями влетали и вылетали изъ узкихъ две-

Гума,
(Съ рисунка автора).

112

рей и слуховыхъ оконъ. На крышѣ и подъ выступами крыши ихъ сидѣло видимо-невидимо. Веселое воркованье не умолкало ни на минуту. Путниковъ голуби ничуть не боятся.

На щипцѣ крыши возвышались шесты, увѣшанные кожанными лоскутьями, вмѣсто пугалъ для хищныхъ птицъ. Сторожъ мазара увѣрялъ, что стоитъ какому нибудь соколу, или другому хищнику обидѣть одну изъ священныхъ птицъ, какъ онъ тотчасъ падаетъ мертвымъ. Сторожъ самъ былъ недавно свидѣтелемъ, какъ соколъ схватилъ голубя, но тотчасъ-же словно какою-то невидимою силою принужденъ былъ выпустить свою добычу, и самъ упалъ мертвымъ.

Здѣсь изстари и установился обычай, что каждый путникъ, заѣзжающій въ „лянгаръ“, жертвуетъ голубямъ хоть небольшое количество маисовыхъ зеренъ, что считается вмѣстѣ съ тѣмъ жертвоприношеніемъ самому погребенному здѣсь святому. Запасы зерна все растутъ, и голубямъ голодать не приходится, но не будь этого обычая, имъ пришлось-бы плохо, такъ какъ въ этой мѣстности ничего не родится, а голуби далеко отъ гнѣздъ не улетаютъ.

Мы тоже захватили съ собою изъ Піяльмы мѣшокъ маиса. Поставили его на дворѣ, я взялъ фарфоровую чашку и, черпывая ею зерна изъ мѣшка, разсыпалъ ихъ вокругъ по землѣ. Вотъ поднялось хлопанье крыльевъ и воркованье! Отовсюду слетались новыя и новыя стаи цѣлыми тучами, птицы садились мнѣ на плечи, на голову, клевали и прямо изъ мѣшка и изъ чашки. Я не смѣлъ пошевелинуться, чтобы не наступить на нихъ.

Полюбовавшись съ часокъ этой милой картиной и утоливъ жажду изъ сосѣдняго источника, вода котораго при глубинѣ едва 2 м. имѣла 2.2° тепла, мы продолжали путь по плодородному и густо заселенному тракту Сэва; многочисленныя селенія тракта управляются минъ-баши и 11 онъ-баши. Ночевали мы въ селеніи Милле, гдѣ подъ управленіемъ юзъ-баши проживаетъ 260 семействъ.

V.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ ХОТАНѢ.

5 января мы проѣхали послѣдній конецъ пути, отдѣлявшій насъ отъ Хотана. Дорога шла по прелестной тополевой

аллеѣ, 15 м. въ ширину; по обѣимъ сторонамъ тянулись арыки, селенія и пахатныя поля. Мы проѣхали цѣлый рядъ крупныхъ селеній: Кумъ-арыкъ, Шейданъ, Гульбагъ, Акъ-сарай, Чинакла съ мазаромъ въ тѣни 280-лѣтнихъ тополей, Сура, Шума, Буразанъ, Безинъ и Тозанла, пока не достигли воротъ Янги-гиссара (т.е. „Новаго“, китайскаго города), а вскорѣ затѣмъ и главной базарной улицы Хотана.

Хотанскій амбанъ еще утромъ отправилъ мнѣ на встрѣчу своего толмача вмѣстѣ съ аксакаломъ западно-туркестанскихъ купцовъ. Они проводили насъ въ большое красивое, расположенное въ тихой части города и самое опрятное изъ видѣнныхъ мною въ странѣ жилище съ деревянными перегородками и живописной крышей.

Древнѣйшая исторія Хотана исчезаетъ во мглѣ преданій, восходя къ тому времени, когда бассейнъ Тарима еще не превращался въ песчаную пустыню. Европѣ городъ сталъ извѣстенъ, благодаря Марко-Поло, венеціанскому купцу, который во время своего знаменитаго путешествія по Азій 625 лѣтъ тому назадъ совершилъ путь изъ Самарканда въ Хотанъ черезъ Яркендъ по той же дорогѣ, по которой мы только что проѣхали. Въ новѣйшее время Хотанъ былъ взятъ Якубъ-бекомъ у прежняго его властителя Ходжи Падишаха. Въ 1878 и 1879 гг. китайцы вновь отвоевали Хотанъ вмѣстѣ со всѣмъ Восточнымъ Туркестаномъ и мирно владѣютъ имъ и до сихъ поръ.

Въ китайской имперіи Хотанъ съ древнихъ временъ игралъ значительную роль, находясь въ тѣсныхъ торговыхъ, хотя и прерывавшихся время отъ времени, сношеніяхъ со столицей „Срединнаго царства“. Главное значеніе города связано съ нахожденіемъ коренныхъ нефритовыхъ мѣсторожденій въ его окрестностяхъ, въ горахъ по берегамъ рѣкъ Кара-каша и Юрунъ-каша; въ размытомъ видѣ нефритъ находятъ въ руслѣ Юрунъ-каша.

Нефритъ (по китайски юй-тянь, по джагатай-тюркски кашъ-ташъ) чрезвычайно цѣнится въ Китаѣ; изъ него дѣлаютъ ларцы, кувшины, чашки, мундштуки для трубокъ, браслеты и проч. Одни изъ Пекинскихъ воротъ такъ и называются „нефритовыми“, такъ какъ черезъ нихъ драгоцѣнный камень ввозится въ городъ.

Въ настоящее время Хотанъ незначительный городъ, вмѣщающій въ своихъ стѣнахъ не больше 5,000 жителей магометанъ и 500 китайцевъ. Главнѣйшіе продукты, кромѣ нефрита, шелкъ, бѣлые войлока, кожи, виноградъ, рисъ и другіе хлѣба, овощи, яблоки, дыни, хлопокъ и др. Вырабатываемые здѣсь бархатные ковры отличаются изумительной красотой и тонкостью работы. Китайцы покрываютъ ими столы въ торжественныхъ случаяхъ; въ западномъ Туркестанѣ ихъ вѣшаютъ на стѣны.

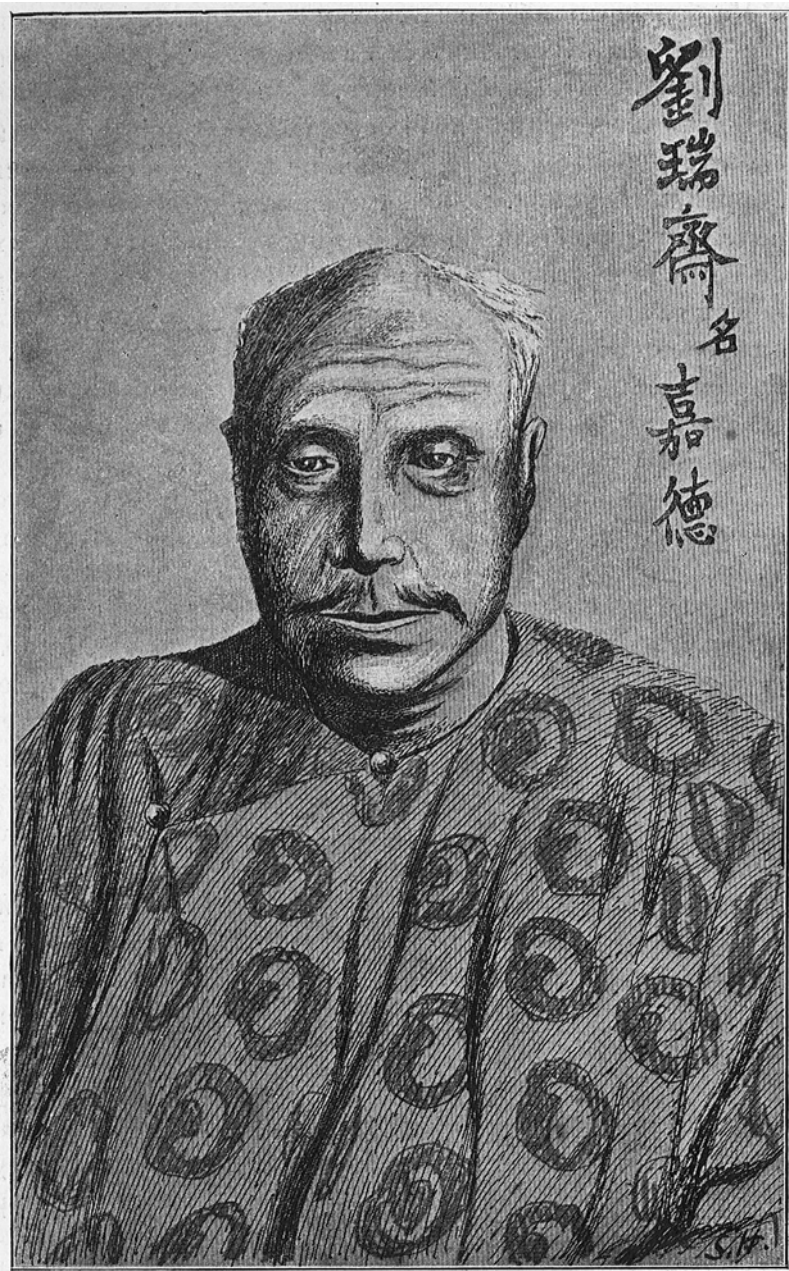
Хотаномъ называется собственно весь оазисъ съ тремястами селеній. Самый-же городъ зовется обыкновенно Ильчи; кромѣ того, въ оазисѣ еще два города, Кара-кашъ и Юрунъ-кашъ.

Торговое сообщеніе съ Китаемъ поддерживается отчасти по пути вдоль Хотанъ-дарьи черезъ города Акъ-су и Турфанъ; частью черезъ Яркендъ и Мараль-баши, и весьма рѣдко черезъ Лобъ-норъ. Торговля съ Россіей ведется черезъ Кашгаръ, съ Индіей черезъ Ле въ Ладакѣ. На базарахъ въ Хотанѣ встрѣтишь купцовъ со всѣхъ концовъ Азіи: китайцевъ, афганцевъ, индусовъ, западныхъ туркестанцевъ и даже татаръ изъ Оренбурга.

Девять дней пробыли мы въ Хотанѣ. Мѣстный амбанъ Лю-даринъ принялъ меня съ истиннымъ радушіемъ, и всякій разъ, какъ я посѣщалъ его ямень, привѣтствовалъ меня троекратнымъ пушечнымъ выстрѣломъ. Мы въ первый-же день обмѣнялись церемоніальными визитами и дарами.

Послѣ перваго знакомства я часто и охотно посѣщалъ Лю-дарина, который оказался, даже по европейскимъ понятіямъ, человѣкомъ честнымъ, здравомыслящимъ и справедливымъ, и между нами возникла настоящая дружба. Это былъ высокій 70-лѣтній старикъ съ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, маленькими умными глазами, жидкими бѣлыми усами и маленькой косичкой. Изъ всѣхъ азіатовъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться во время моей экспедиціи, я охотнѣе всего вспоминаю Лю-дарина, и съ большимъ удовольствіемъ встрѣтился-бы съ нимъ опять.

Лю-даринъ часто приглашалъ меня къ себѣ и въ это и въ слѣдующее мое пребываніе въ Хотанѣ; не разъ приходилось мнѣ и обѣдать у него въ обществѣ главныхъ чиновни-

Лю-Даринъ, амбанъ Хотанскій.

(Съ рисунка автора).

ковъ города, причемъ насъ всякій разъ угощали такими деликатессами, которыя одобрилъ-бы любой европейскій гастро-

номъ. На большихъ обѣдахъ, между прочимъ, постоянно подавался супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, отличающійся необыкновенно ароматнымъ запахомъ.

Обѣды у Лю-дарина вносили желанное и пріятное разнообразіе въ мое однообразное будничное меню, состоявшее изъ риса, баранины и хлѣба. Вообще, кушанья, которыми угощаль амбанъ Хотанскій, были не то, что протухлыя утки и засахаренная ветчина друга нашего дао-тая Камгарскаго; послѣдній руководился, вѣроятно, здравымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическимъ соображеніемъ: все равно, ѣсть не будутъ, такъ не все-ли равно, что поставить на столъ? У Лю-дарина я, однако, ѣлъ, какъ настоящій китаецъ, и чувствовалъ себя потомъ отлично, не такъ, какъ послѣ обѣдовъ у дао-тая.

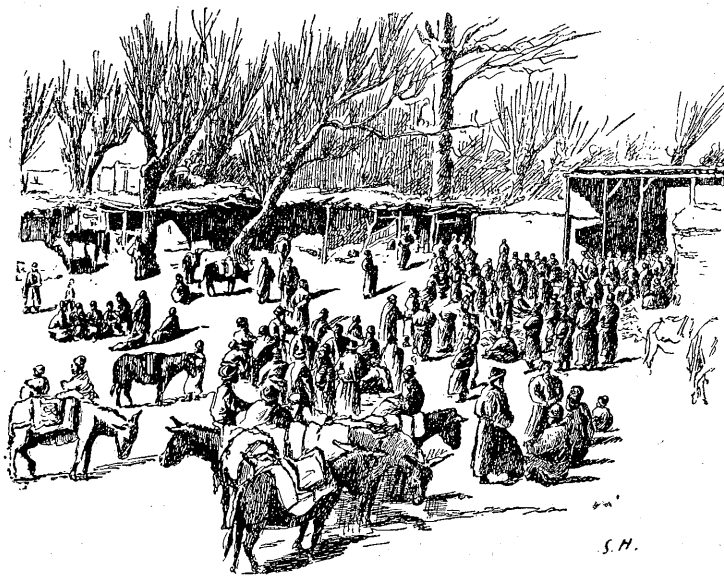
О современномъ Ильчи остается сказать не много. Мѣсто крайне не интересное. Тотъ-же хаосъ жалкихъ ничтожныхъ домишекъ, узкихъ улицъ и переулковъ, какъ и въ Яркендѣ. Семь медресе, двадцать мечетей и множество мазаровъ, усердно посѣщаемыхъ правовѣрными. Наибольшею славою пользуется мазаръ Алтунъ-Бузуругваръ. Мазары того-же имени находятся также въ Яркендѣ, Акъ-су и Турфанѣ; возведены они, какъ говорятъ, сыновьями Ходжи-Исакъ-и-вели. Могила послѣдняго находится въ Чирѣ и является одной изъ наиболѣе почитаемыхъ въ странѣ. Пилигриммы, отправляющіеся на могилу Имама Джафара Садыка, находящуюся въ пустынѣ, гдѣ теряется въ пескахъ Нія-дарья, всегда сначала заходятъ на могилу Ходжи Исакъ-и-вели. Мечеть Джамии отличается очень красивою коллонадой; мечеть Газретъ-и-Султанъ, какъ и большинство современныхъ религіозныхъ памятниковъ, воздвигнута Якубъ-бекомъ.

Базаръ здѣсь, какъ и во всѣхъ магометанскихъ городахъ, средоточіе городской жизни. Въ улицы упирается множество невѣроятно узкихъ, извилистыхъ и грязныхъ переулковъ. Тамъ и сямъ виднѣются и открытыя площади съ прудами, обсаженными деревьями.

Посреди города, какъ разъ около базара, возвышается такъ называемый Кохне-сефидъ-потай (старая бѣлая пирамида) съ развалившимися стѣнами и башней, уцѣлѣвшей отъ „орды“ или ставки Ходжи Падишаха. Съ вершины потая открывается видъ на весь городъ, съ его плоскими четыре-

угольными крышами и дворами, и дальше — на поля, затопленные водою, похожія на гладкоотполированную шахматную доску, разбитую темными линиями на квадратики. Линіи эти — земляные валы, отдѣляющіе полевые участки одинъ отъ другого. Вдали на самомъ горизонтѣ виднѣется темная линія аллей и садовъ сосѣднихъ селеній.

На недѣлѣ приходится два базарныхъ дня, когда въ городѣ съѣзжаются со своими продуктами поселяне изъ окрестныхъ селеній. Въ торговлѣ принимаютъ участіе и женщины, сидящія на базарахъ безъ покрываль. Впрочемъ, онѣ лучше-

Базаръ въ Муджи.

(Съ рисунка автора).

бы сдѣлали, завѣсивъ лица, такъ какъ отличаются невѣроятнымъ безобразіемъ и неряшливостью. Но женщина подъ покрываломъ рѣдкое явленіе въ Хотанѣ. Нравственность стоитъ здѣсь на самомъ низкомъ уровнѣ, и заразные болѣзни весьма распространены.

Въ городѣ проживаютъ до 40 западно-туркестанскихъ купцовъ, вывозящихъ отсюда шерсть, войлока, ковры и др., а ввозящихъ, какъ и афганцы, матеріи и разные колониальные товары. Табакъ и опиумъ воздѣлываютъ здѣсь въ довольно большомъ количествѣ; производство шелку-сырцу стоитъ на

очень высокой ступени развитія. Шелкъ вывозится въ Индію и западный Туркестанъ, или-же идетъ въ дѣло при выдѣлкѣ мѣстныхъ ковровъ.

Важными предметами вывоза служатъ также кожи и овечья шерсть; онѣ идутъ, главнымъ образомъ, въ западный Туркестанъ черезъ Кашгаръ и Нарынскъ. Старый татаринъ Магометъ Рафиковъ изъ Оренбурга устроилъ здѣсь настоящій кожевенный заводъ. Рафиковъ живетъ въ Хотанѣ уже десять лѣтъ и выстроилъ себѣ хорошенькій домъ около базара, заводъ-же расположенъ около рѣки Юрунъ-кашъ и состоитъ изъ огромнаго навѣса-амбара и небольшого домика русскаго типа.

Старикъ рассказывалъ, что онъ каждый годъ въ февралѣ мѣсяцѣ приказываетъ сносить всѣ эти постройки, какъ будто желая прекратить дѣло и вернуться на родину. Тогда хотанцы начинаютъ торопиться сбыть ему побольше кожъ и отдають товаръ за самую сходную цѣну. Но въ маѣ онъ вновь возводитъ свой заводъ, и такъ въ теченіе 10 лѣтъ. Я выразилъ удивленіе, какъ это хотанцы до сихъ поръ не раскусили такой хитрости, но старикъ возразилъ, что они для этого слишкомъ глупы и лѣнны.

11 января я предпринялъ экскурсію въ селеніе Кальта-Куматъ (малый песокъ), расположенное въ $2\frac{1}{2}$ потаяхъ къ сѣверо-востоку отъ города. Чтобы попасть туда, пришлось перебраться черезъ рѣку Юрунъ-кашъ и проѣхать городъ того-же наименованія, лежащій всего въ четверти часа ѣзды отъ Ильчи.

За Ташъ-агыломъ (каменное селеніе) начинается пустыня съ рѣдко разбросанными барханами и балками, промытыми горными потоками. Затѣмъ почва становится каменистой, и мы скоро замѣтили, что попали въ старое русло рѣки, по всей вѣроятности, Юрунъ-кашъ, которая нѣкогда протекала здѣсь; рѣка эта, слѣдовательно, въ противоположность общему закону, уклонилась отсюда къ западу.

Это старое русло и является однимъ изъ главнѣйшихъ мѣстонахожденій нефрита. Повсюду виднѣются вырытыя ямы, глубиною метра въ два, шириною въ нѣсколько метровъ и длиною самое большее въ 10 метровъ. Матеріаль, извлекаемый изъ этихъ ямъ, состоитъ изъ валуновъ, гальки, песку и глины.

Между этими валунами и попадаетъ нефритъ. Мнѣ рассказывали, что нерѣдко искатели нефрита роются по нѣскольکو мѣсяцевъ, не находя ничего, а то вдругъ въ теченіе нѣсколькихъ дней добываютъ столько нефрита, что сразу богатѣютъ, или во всякомъ случаѣ дѣлаютъ блестящую аферу.

Цѣны на нефритъ различны, въ зависимости отъ цвѣта, чистоты и цѣльности камня. Желтый, или бѣлый нефритъ съ темно-красными жилками считается рѣдкимъ и дорогимъ; шероховатость камня, называемая „гушъ“ (мясо) еще увеличиваетъ его цѣнность. Одноцвѣтный нефритъ, напротивъ, совсѣмъ не въ цѣнѣ. Мнѣ предлагали пару прекрасныхъ камней за 100 — 140 сэръ (80 — 112 рублей), но кошелекъ мой былъ слишкомъ тощъ.

Тутъ-же около стараго русла рѣки выросъ небольшой поселокъ изъ деревянныхъ и каменныхъ лачугъ; вода проведена сюда арыкомъ. Вся мѣстность раздѣлена по закону на участки, такъ что каждая яма имѣетъ своего хозяина; такимъ образомъ избѣгаются споры и ссоры изъ-за находокъ. Большинство искателей нефрита китайцы, но и магометане иногда пытаются счастье. Порядокъ поддерживается бекомъ.

Пребываніе въ Хотанѣ вышло для меня во всѣхъ отношеніяхъ пріятнымъ. Неудача розысковъ пропавшаго у насъ въ пустынѣ верблюда мало беспокоила меня, такъ какъ всѣ потери по части снаряженія были теперь пополнены. Весь мой багажъ помѣщался въ просторномъ хорошо обставленномъ покоѣ, гдѣ на очагѣ постоянно весело горѣлъ огонь, а въ сосѣднемъ помѣщеніи расположились мои люди.

Изъ Кашгара я взялъ съ собою въ качествѣ секретаря „мирзу“ по имени Искандера. Съ его помощью я во время путешествія узнавалъ, записывалъ и переводилъ названія разныхъ мѣстечекъ, рѣкъ, горъ и проч., не только находившихся непосредственно на нашемъ пути, но и далеко за предѣлами его.

На пути между Кашгаромъ и Хотаномъ я такимъ образомъ и нанесъ на мою карту свыше 500 названій, изъ которыхъ другими путешественниками упомянуты лишь главнѣйшія. Въ Хотанѣ мы составили кромѣ того схематическую карту 300 селеній оазиса и расположенія ихъ въ связи съ безчислен-

ными арыками, выведенными изъ Кара-каша и Юрунъ-каша и словно пальцы указывающими на сѣверъ.

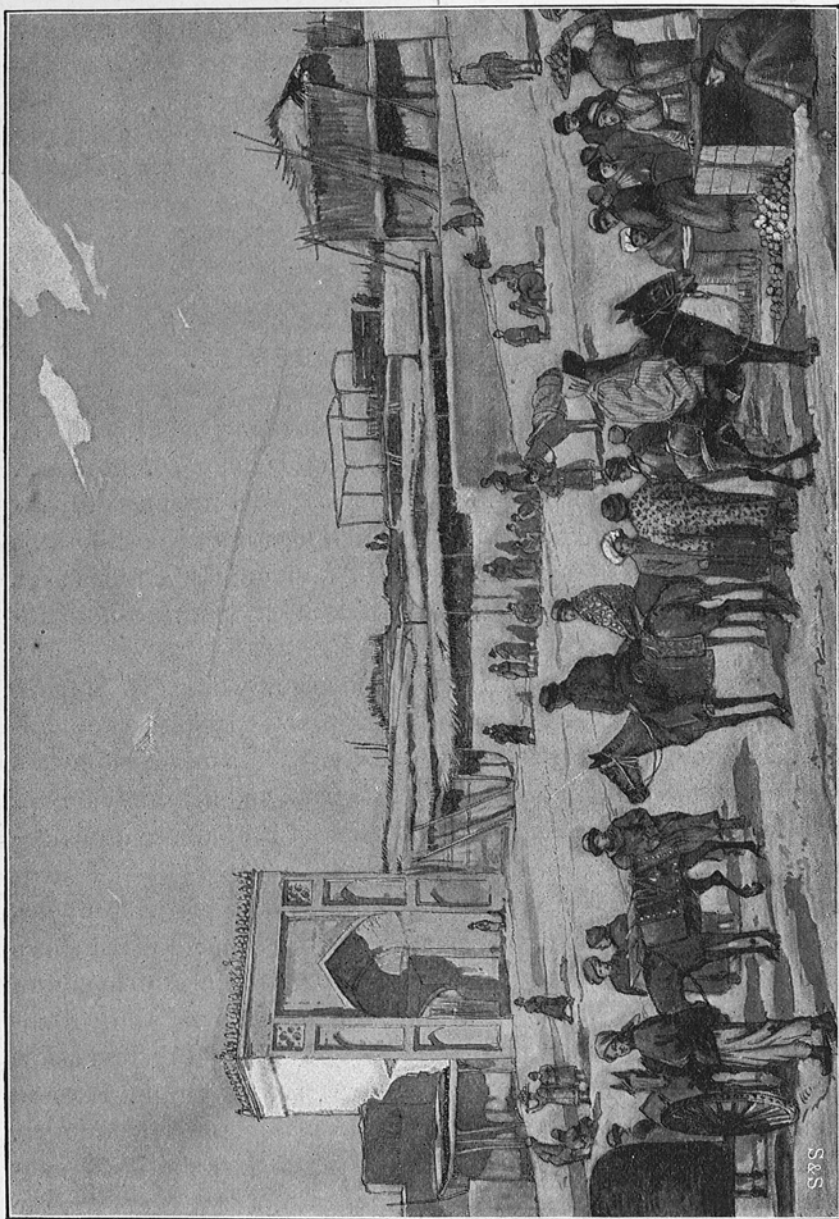
Большинство путешественниковъ, совершающихъ свои экспедици на курьерскихъ, упускаютъ изъ вида это дѣло, между тѣмъ оно представляетъ большой интересъ и значеніе. Прежде всего собраніе и записываніе названій даетъ отличную практику языка. Восемьсотъ названій, состоящихъ почти сплошь изъ существительныхъ съ прилагательными, напр. „Кара-кашъ“ (черный нефритъ) могутъ доставить порядочный запасъ словъ. Кромѣ того мѣстныя географическія названія всегда характерны и даютъ извѣстное понятіе о продуктахъ или природѣ данной мѣстности. Наконецъ, между 800 такихъ названій найдется всегда нѣсколько, которыя своимъ звукомъ невольно наводятъ мысль на давно прошедшія времена и могутъ натолкнуть на важныя историческія открытія или вопросы.

Въ связи съ этимъ я придаю также большое значеніе самымъ разпросамъ. Личныя наблюденія должны, разумѣется, всегда быть на первомъ планѣ. Но, посѣтивъ, напримѣръ, какое нибудь мѣсто лѣтомъ, путешественникъ не можетъ знать, выпадаетъ-ли здѣсь снѣгъ зимою, или, попавъ туда въ ясный день, не можетъ, не спрашивая у мѣстныхъ жителей, узнать, часто-ли и въ какомъ количествѣ выпадаетъ здѣсь дождь.

Я всегда предлагалъ одни и тѣ-же вопросы въ одномъ и томъ-же порядкѣ: о числѣ жителей, о мѣстныхъ продуктахъ, мазарахъ, мечетяхъ, легендахъ, сѣютъ-ли здѣсь яровые хлѣба, или озимые, или и то и другое, засѣиваютъ-ли одно и то-же поле два раза въ годъ, или только разъ или даже черезъ годъ, о торговлѣ, о торговыхъ сношеніяхъ, дорогахъ, разстояніи отъ пустыни и горъ, о количествѣ воды въ рѣкахъ, о времени ихъ замерзанія и вскрытія, о томъ, куда онѣ впадаютъ, о системѣ орошенія и мѣстныхъ запасахъ воды, колодцахъ, о преобладающихъ вѣтрахъ, буранахъ, дождяхъ, снѣгѣ и пр. и пр.

Одинъ вопросъ ведетъ за собой другой. Обыкновенно на разпросы уходило часа два-три, затѣмъ я все записывалъ. Поэтому, въ обитаемыхъ мѣстностяхъ, я рѣдко ложился спать раньше полуночи, когда люди мои давнымъ давно храпѣли. Часто отвѣтъ на какой нибудь изъ моихъ вопросовъ

являлся причиной, что ранѣ составленный мною планъ путешествія совершенно измѣнялся. Я никогда-бы и не отважился

Площадь въ Хотанѣ.
(Съ рисунка Ларсонъ-Палана).

на новый переходъ по пустынѣ, еслибы изъ разспросовъ не убѣдился, что могу сдѣлать это въ полномъ расчетѣ на успѣхъ.

Но, какъ я уже говорилъ, объемъ книги не позволяетъ мнѣ пользоваться здѣсь богатымъ матеріаломъ, собраннымъ мною такимъ путемъ.

Въ подобныхъ занятіяхъ и подготовленіяхъ къ новому большому путешествію черезъ пустыню, девять дней, проведенныхъ мною въ Хотанѣ, промелькнули очень быстро.

VI.

Находки около Буразана.

9 января я предпринялъ изъ Хотана экскурсію на нѣсколько верстъ къ западу, въ селеніе Буразанъ, которое, благодаря находимымъ около него остаткамъ древней культуры, является для археологовъ однимъ изъ интереснѣйшихъ пунктовъ Центральной Азіи. Верхній почвенный слой здѣсь лёссовый, мощностью до 8 м.; подпочва же каменисто-конгломератовая.

Ручеекъ, питаемый отчасти ключами, размываетъ мягкій лёссъ, и русло ручья глубоко врѣзывается въ твердые конгломераты. Весною и лѣтомъ, когда таетъ снѣгъ на сѣверныхъ склонахъ Кунь-луня, ручей раздувается въ значительную горную рѣку, водная масса которой смываетъ и сравниваетъ лёссовыя террасы.

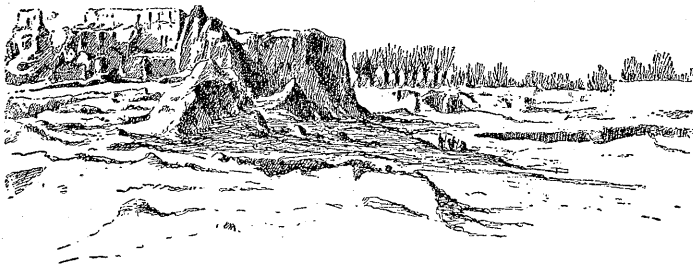
Осенью, когда вода спадаетъ, на мѣстѣ смытыхъ террасъ находятъ разные образчики древняго искусства: издѣлія изъ терракоты, изображенія Будды изъ бронзы, драгоценные камни съ рѣзкой, монеты и пр. Для жителей Хотана подобныя вещицы, разъ онѣ не изъ благороднаго металла, не имѣютъ никакой цѣны, и они отдаютъ ихъ дѣтямъ, въ игрушки. Но для археолога эти предметы представляютъ большую цѣнность, такъ какъ доказываютъ, что облагоороженное вліяніемъ грековъ древне-индійское искусство проникало въ самое сердце Азіи.

Посѣтилъ я Буразанъ, какъ сказано, въ началѣ января. Ручей въ это время сузился въ ничтожную канавку, такъ какъ

ключи, питающіе его, замерзли. Послѣдняя жатва находокъ была уже собрана хотанцами, которыхъ привлекаетъ сюда собственно надежда найти золото, или другія сокровища.

Я нашелъ поэтому лишь весьма незначительное число древнихъ вещицъ. Коллекція, привезенная мною домой и заключающая 523 предмета, не считая монетъ и рукописей, составлена главнымъ образомъ путемъ покупокъ въ Хотанѣ и у мѣстныхъ жителей, которымъ я поручилъ искать для меня древности, пока я путешествовалъ на Лобъ-норъ.

Поводомъ къ тому, что я вообще заинтересовался этой отраслью науки послужило то обстоятельство, что я еще въ Кашгарѣ у консула Петровскаго видѣлъ подобную коллекцію. Онъ составилъ ее изъ вещей, привезенныхъ ему изъ Буразана западно-туркестанскими купцами. Коллекція эта описана

Буразанъ.
(Съ рисунка автора).

вкратцѣ Кизерицкимъ въ „Запискахъ Императорскаго русскаго Археологическаго общества“.

Я позволю себѣ дать здѣсь лишь нѣкоторыя общія свѣдѣнія о своей коллекціи, детальная-же разработка передана компетентному изслѣдователю. Трудъ Кизерицкаго служить мнѣ въ данномъ случаѣ исходной точкой, такъ какъ предметы описанія однородны и найдены на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Кромѣ того я пользуюсь превосходнымъ трудомъ Грюнведеля: „Буддійское искусство въ Индіи“.

Во избѣжаніе частыхъ ссылокъ на эти два источника, я и называю ихъ здѣсь оба заранѣе.

Терракотовыя издѣлія, о которыхъ идетъ рѣчь, исполнены съ большимъ искусствомъ изъ тонкой пластичной глины и, видимо, подвергнуты затѣмъ дѣйствию сильнаго огня, судя по

ихъ ярко-красному кирпичному цвѣту и необычайной твердости.

Въ общемъ вещицы эти можно раздѣлить на двѣ группы: памятники искусства натуралистическаго и памятники искусства стилистическаго.

Первая группа, о которой даетъ понятіе рисунокъ на страницѣ 69, вообще говоритъ не очень-то много, а о времени происхожденія самыхъ памятниковъ и вовсе ничего. Она свидѣтельствуетъ только, что прежніе обитатели Буразана, какъ и нынѣшніе обитатели оазиса Хотана, пользовались для верховой и вьючной ѣзды лошадьми и двугорбыми или бактрійскими верблюдами. Дромадеры-же, или одnogорбые верблюды были, какъ и теперь, неизвѣстны въ этихъ мѣстахъ. Мы находимъ ихъ только въ Персіи, гдѣ географическая область ихъ распространенія соприкасается съ областью распространенія бактрійскаго верблюда. Изображенія верблюдовъ безъ вьюка и безъ всадниковъ или сѣделъ, конечно, не обозначаютъ, какъ то полагали, дикихъ верблюдовъ. Напротивъ, есть всѣ основанія полагать, что дикіе верблюды, водящіеся нынѣ въ пустынѣ Гоби, къ сѣверу отъ Хотана, одичали въ періодъ, смѣнившій періодъ процвѣтанія области Буразанъ.

Зато одна китайская лѣтопись сообщаетъ, что въ 746 по Р. Х., т. е. въ правленіе династіи Танъ, посланцы изъ Хотана явились къ императору китайскому и привели между прочимъ „дикаго верблюда, быстроногаго, какъ вѣтеръ“.

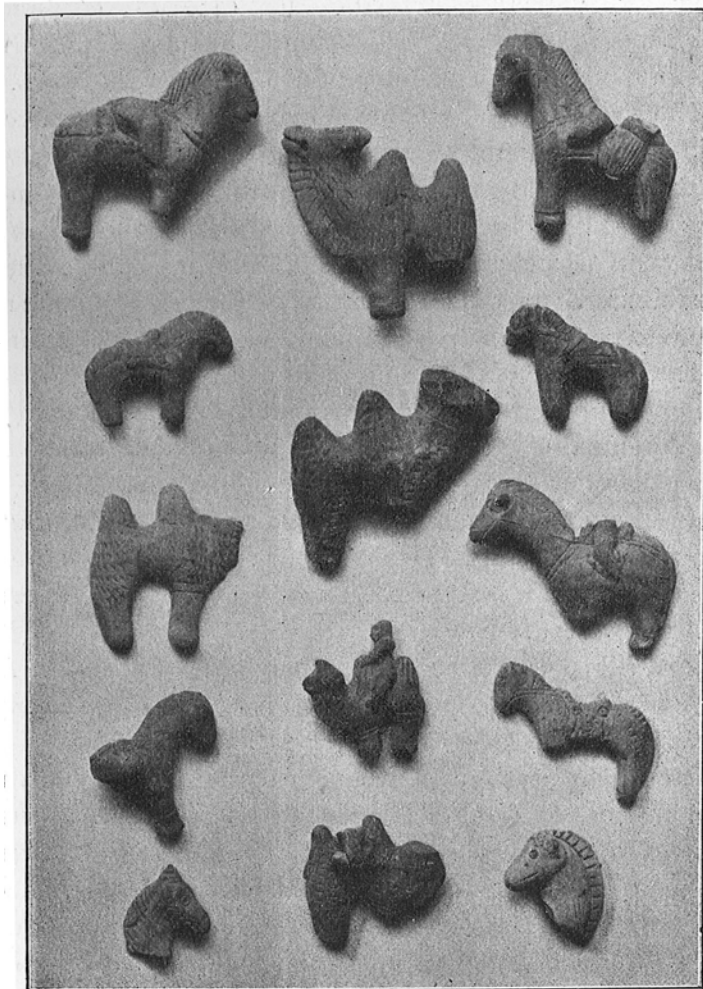
Но въ одномъ отношеніи и эта группа имѣетъ значеніе, такъ какъ говоритъ намъ о происхожденіи людей, выдѣльвавшихъ такія вещицы. Особенное значеніе въ этомъ смыслѣ имѣютъ изображенія людей и обезьянъ.

Внизу на рисунокѣ страницы 71, находится изображеніе головы обезьяны, служащей горлышкомъ кувшина; изображеніе это походитъ на *Macacus rhesus*, встрѣчающуюся въ Индіи и дальше къ югу, вплоть до подошвы Гималаевъ. Въ моей коллекціи до 40 изображеній обезьянъ; нѣкоторыя изображены играющими на гитарахъ.

Еще большій интересъ представляютъ изображенія чело-вѣческихъ головъ, которыя по различнымъ признакамъ, — разъясеніе ихъ завело-бы насъ слишкомъ далеко, — легко отличить отъ головъ Будды. Большинство этихъ головъ

имѣютъ около 5 сантим. высоты и, видимо, являются частями статуэтокъ, изображавшихъ женщинъ, о чемъ говорятъ и черты лица и особенно прическа.

Индусскій типъ бросается въ глаза съ перваго взгляда:

Терракотовые фигуры верблюдовъ и лошадей ($\frac{1}{3}$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

миндалевидные глаза, благородный изгибъ бровей, полныя щеки, орлиный носъ, малоразвитой подбородокъ и часто та же самая прическа, что у женскихъ изображеній на рельефахъ Барахаты и Сангіи и на мавзолеѣ-ступѣ Амаравати. Послѣднія

относятся къ эпохѣ царя Асоки, или эпохѣ персидскаго вліянія, расцвѣтъ которой начался приблизительно около 300 года до Р. X.

Характерная мужская голова, 12 сантим. въ длину, находящаяся въ серединѣ рисунка на стр. 71, съ длинной, клинообразной, тщательно расчесанной бородой, горизонтально поставленными глазами и большимъ орлинымъ носомъ, представляетъ совѣмъ иной типъ и поражаетъ сходствомъ съ изображеніями Ахеменидовъ въ развалинахъ Персеполя.

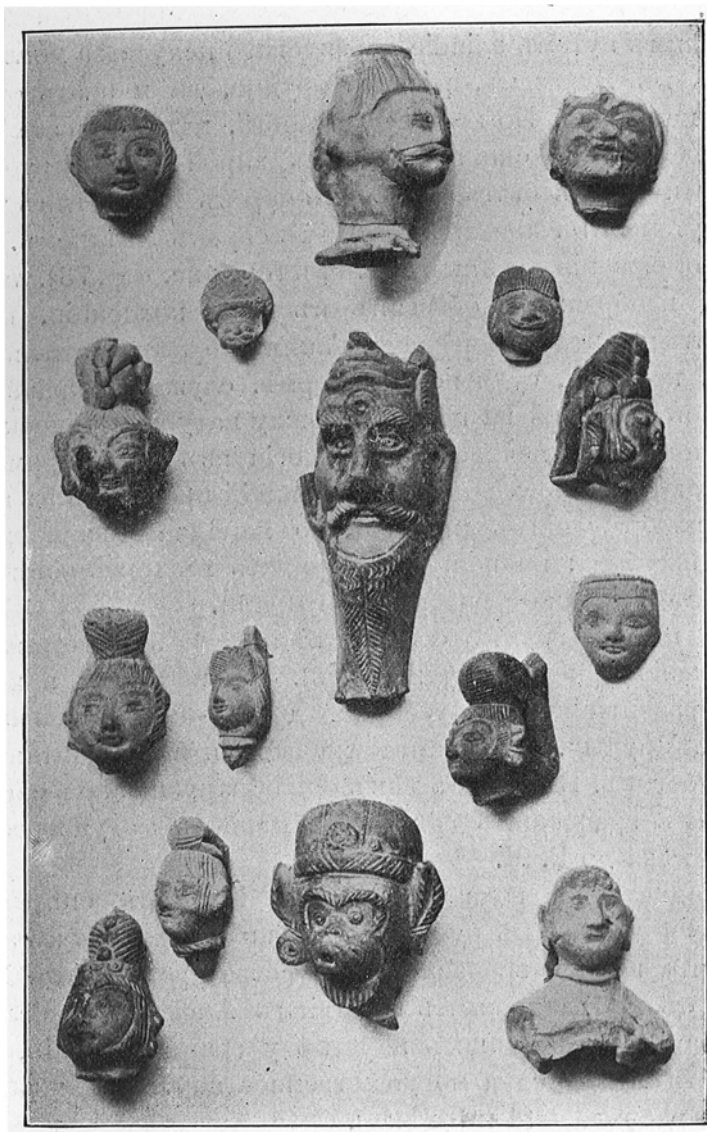
Рѣзкую дисгармонію съ этими отличительными чертами персидскаго типа составляютъ присущія индійскому искусству длинныя уши и знакъ на лбу. Знакъ этотъ или „урна“, на изображеніяхъ Будды часто замѣняющійся вставленнымъ въ углубленіе драгоценнымъ камнемъ, служилъ, согласно свидѣтельству Грюнведела, для соединенія бровей, такъ какъ люди со сросшимися бровями считались избранными натурами, богато одаренными духовно. Можно предполагать, что голова эта изображаетъ какого-нибудь персидскаго царя или героя, но является произведеніемъ индійскаго мастера или-же изображаетъ какого-нибудь Буразанскаго вельможу и является произведеніемъ мастера, находившагося подъ вліяніемъ персидскаго искусства.

Фактъ тотъ, что персидское искусство въ эпоху Ахеменидовъ имѣло большое вліяніе на индійскую архитектуру и скульптуру.

Достовѣрно мы не знаемъ, когда именно началась и кончилась политическая связь Персіи съ Индіей, но изъ персидскихъ мидо-скиоскихъ и вавилонскихъ клинообразныхъ надписей, найденныхъ въ западной Персіи и разобранныхъ Brugsch'емъ мы знаемъ вполне достовѣрно, что въ составъ 23 сатрапій Дарія Гистаспа, царствовавшего съ 521 по 485 г. до Р. X., входили и два племени: Гинду, жившее около Инда, и Гандхара, арійское племя, жившее къ югу отъ рѣки Кабула.

Въ началѣ своего царствованія царю Дарію пришлось бороться съ возмущившимися вассалами, но затѣмъ, согласно Геродоту, онъ началъ изслѣдованіе большихъ пространствъ Азіи. Одна изъ посланныхъ имъ экспедицій, подъ начальствомъ Скилака, отплывъ изъ Каріанды по Инду, обогнула

вокругъ Аравійскаго полуострова по Аравійскому морю до Суэзскаго залива.

Терракотовые головы ($\frac{1}{3}$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

Геродотъ сообщаетъ еще, что сакіи или скионы и каспій платили царю ежегодную дань въ 250 серебряныхъ талантовъ. Эти сакіи проживали въ нынѣшней Кашгаріи, гдѣ и по-

нынѣ многія географическія названія, какъ-то Секи, Соку-ташъ и др. нѣсколько напоминають о прежнихъ обитателяхъ страны.

Какимъ путемъ вліяніе персидскаго искусства могло проникнуть въ Буразанъ, рѣшить трудно, да и знать относительно не важно. По всей вѣроятности, мѣстность эта имѣла непосредственныя сношенія съ Гандхарой и, кромѣ того, въ древности Мервъ былъ соединенъ черезъ Каратегинъ торговымъ путемъ съ главнымъ городомъ серовъ Хотаномъ.

Изображенія львиныхъ головъ (см. рис. стр. 73), такъ-же какъ и изображенія обезьянъ въ моей коллекціи, носятъ ясныя слѣды антропоморфизма. Такимъ образомъ, эти львиныя головы, которыя, судя по ихъ формѣ, служили украшеніемъ кувшиновъ, стоятъ на границѣ между натуралистическимъ и стилистическимъ искусствомъ. Многія изъ нихъ прямо уже примыкають къ послѣднему. Кизерицкій признаетъ въ подобныхъ изображеніяхъ мионическаго народнаго вавилонскаго героя Издубара; но нельзя и отрицать въ нихъ извѣстнаго сходства съ древне-греческими сатирами.

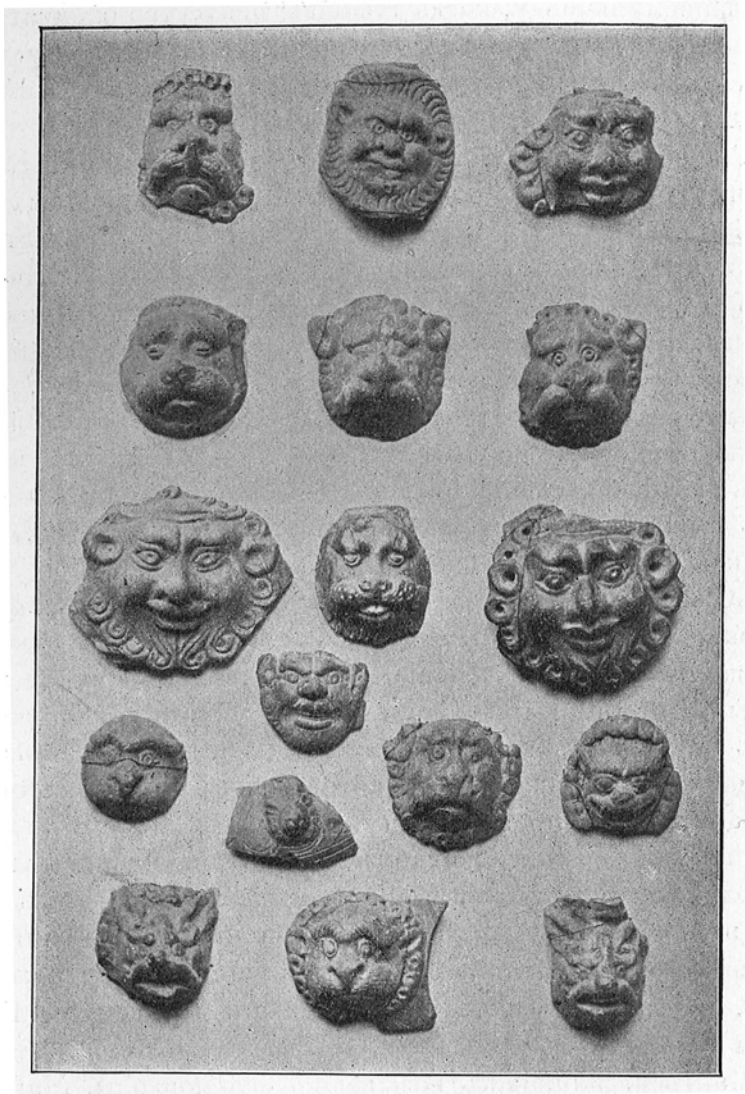
Во второй группѣ особенный интересъ представляютъ изображенія гриффовъ (грифоновъ). Въ нихъ мы находимъ формы, развившіяся изъ туземныхъ древне-индійскихъ изображеній „Гаруды“, или фантастической птицы, считавшейся конемъ боговъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ они обнаруживаютъ сходство съ типомъ греческихъ гриффовъ, бывшимъ въ употребленіи около 3 вѣка до Р. X.

Двадцать два года тому назадъ Куртіусъ, опираясь на имѣвшіеся у него въ рукахъ матеріалы, пришелъ къ заключенію, что вліяніе греческаго искусства проникло въ Индію вмѣстѣ съ побѣдоноснымъ шествіемъ Александра Великаго и основаніемъ греческихъ царствъ у границъ Индіи, когда по смерти Александра могущественное царство великаго македонца распалось (4 и 3 вѣкъ).

Грюнведель различаетъ въ древне-индійскомъ искусствѣ два главныхъ періода: древній, во время котораго преобладало персидское вліяніе и который начался со времени царя Ассочи или въ 3 вѣкѣ до Р. X. (къ этому періоду принадлежатъ знаменитыя находки въ Барахатѣ, Санги и Амаравати и мн. др.) и второй періодъ Гандхара-монастырскій, или

греко-буддйскій. Винцентъ Смитъ включаетъ еще въ средину между ними періодъ индо-греческій.

Вѣроятно, издѣлія изъ терракоты, находимыя около Бу-

Терраотовыя львинныя головы ($\frac{1}{3}$ нетуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

разана, принадлежатъ тому времени, когда преемники Александра основали царства около сѣверныхъ границъ Индіи. Отъ Пешавера греческія идеи, видимо, распространились далеко вокругъ и, какъ мы видѣли, достигли Хотана.

Въ Хотанѣ мнѣ посчастливилось приобрести также нѣсколько литыхъ бронзовыхъ и мѣдныхъ изображеній Будды, найденныхъ въ Буразанѣ и относящихся, безъ сомнѣнія, къ позднѣйшему періоду, когда туземное искусство окончательно освободилось отъ греческаго вліянія. Древность этихъ бронзовыхъ издѣлій, вѣроятно, надо опредѣлить 4 или 5 вѣкомъ по Р. X.

Рисунокъ на стр. 79, представляетъ нѣсколько чисто индійскихъ бронзовыхъ изображеній Будды, найденныхъ въ Буразанѣ. Особенный интересъ представляетъ предметъ въ формѣ щита. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь 7 изображеній Будды, одно наверху и по три съ каждой стороны. Но, какъ древнее, такъ и современное индійское искусство обыкновенно изображаетъ Гаутаму Будду, окруженнымъ семью бодисатвами; здѣсь же, если принять за Будду верхнюю фигуру, послѣднихъ оказывается только шесть; кромѣ того изображеніе Гаутамы бываетъ обыкновенно большихъ размѣровъ, нежели остальные, слѣдовательно, надо истолковать значеніе данныхъ фигуръ иначе.

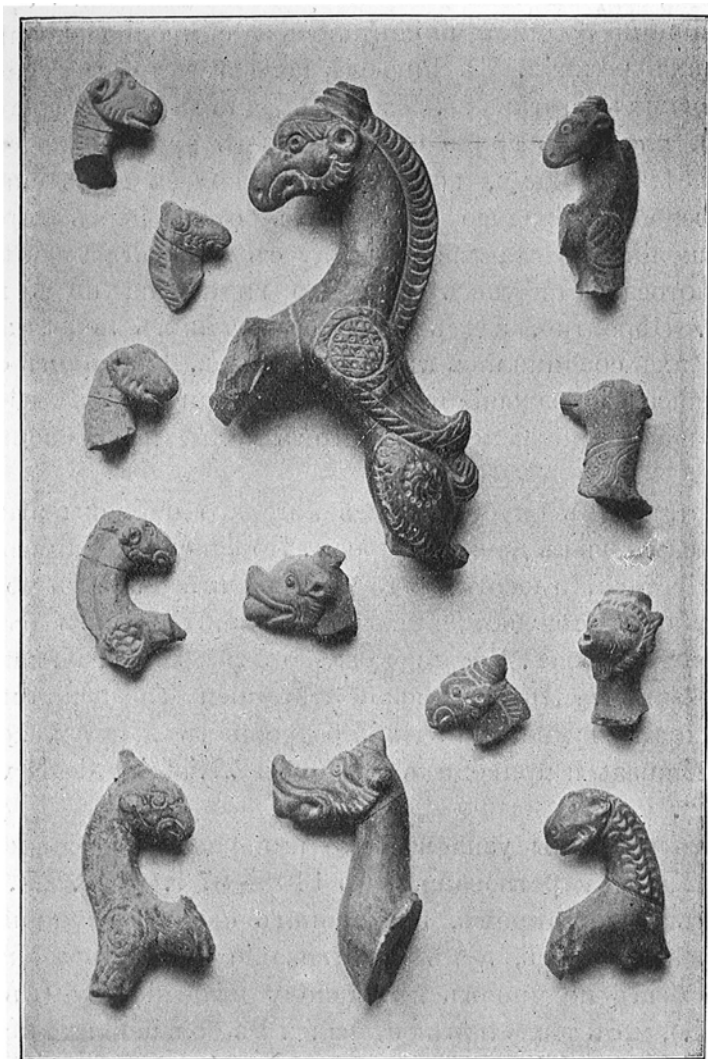
„Существо, „сатва“ или свойство котораго есть „боди“, или знаніе, заявляетъ Буддѣ во время исполненія благочестиваго дѣла свое желаніе — стать новымъ воплощеніемъ Будды. И самъ Гаутама Сидхарта, по теоріи буддистовъ, заявилъ такое желаніе старѣйшему Буддѣ и имѣлъ шесть предшественниковъ, каждый изъ которыхъ въ свое время былъ свѣточемъ міра и проповѣдовалъ „Дарму“. Въ силу добрыхъ дѣяній Будды, онъ въ каждомъ новомъ воплощеніи является все болѣе совершеннымъ, высшимъ существомъ до тѣхъ поръ, пока въ небесномъ царствѣ Тушита приметъ еще одинъ человѣческой образъ, чтобы показать грѣшникамъ путь къ спасенію, и затѣмъ самъ погрузится въ Нирвану“ (Грюнведель).

Майтрея, или, какъ называютъ его монголы, Майдари, прекрасный храмъ котораго въ Ургѣ я посѣтилъ годъ тому назадъ, является бодисатвой нынѣшняго вѣка.

Итакъ, Гаутама имѣлъ шесть предшественниковъ или бодисатвъ и долженъ былъ имѣть еще одного преемника, который и будетъ послѣднимъ въ данный міровой періодъ. На бронзовомъ щитѣ мы и видимъ этихъ шестерыхъ предше-

ственниковъ и седьмого — преемника, но самого Гаутамы Сидхарты здѣсь нѣтъ.

Не трудно объяснить это обстоятельство. На изображеніи

Терракотовые грифоны ($\frac{1}{3}$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

имѣется сіяніе, окружающее обыкновенно голову Гаутамы, и это доказываетъ, что на щитѣ имѣлось еще отдѣльное литое изображеніе его самого, которое просто отпало. Безъ сомнѣ-

нія, оно походило на изображеніе, находящееся въ лѣвомъ верхнемъ углу рисунка.

Сіяніе, или колесо со спицами, „среди которыхъ нѣтъ послѣдней“, играло важную роль уже у ведійскихъ аріевъ и позднѣйшими буддистами считалось за символическое изображеніе ихъ религіи. Въ Ригведѣ колесо часто выступаетъ въ поэтическихъ картинахъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ говорится: „Сакра, или богъ грома съ молніей въ рукѣ господствуетъ надъ всѣми людьми, какъ ободокъ колеса надъ спицами“ (Грюнведель). Среднее изъ трехъ отдѣльныхъ верхнихъ изображеній представляетъ Будду съ головой на фонѣ лепестка лотоса, стебелекъ котораго виднѣется подъ ногами Будды. Вѣроятно, здѣсь было семь такихъ лепестковъ, и стебли ихъ соединялись въ одинъ стволъ. Въ такомъ случаѣ уцѣлѣвшее изображеніе представляетъ одного изъ бодисатвъ, и вся группа являлась вариантомъ темы, изображенной на щитѣ.

Хотанъ, въ окрестностяхъ котораго найдены эти древности, самъ очень древній городъ. По санскритски онъ назывался Кустана, и названіе это нельзя считать, какъ то полагаютъ многіе, тождественнымъ съ монгольскимъ словомъ „хотенъ“ — городъ. Китайцы уже во 2 вѣкѣ до Р. Х. называли его Юй-чинъ. Въ Китайской лѣтописи Тай-цзинь-и-тунъ-цзи находится много свѣдѣній о древнемъ Хотанѣ, которыя Abel Rémusat и приводитъ въ своей „Histoire de la ville de Khotan“.

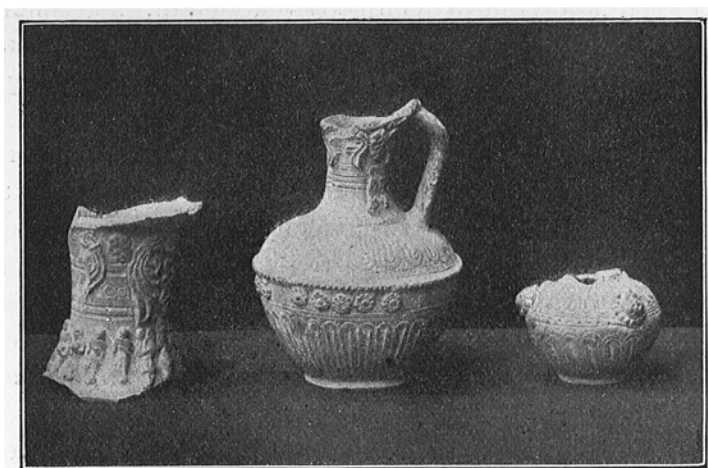
Изъ нихъ мы узнаемъ, что императоръ Ву-ди изъ династии Хань, царствовавшій въ 140 — 87 г. до Р. Х., былъ первымъ императоромъ, пославшимъ своихъ военноподданныхъ въ Хотанъ, а въ царствованіе императора Минь-ди, городъ былъ подчиненъ китайскому владычеству (въ 73 г. по Р. Х.), и съ тѣхъ поръ оставался въ большей или меньшей зависимости отъ Китая.

Въ цитируемомъ трудѣ найдется много цѣнныхъ свѣдѣній по исторіи Хотана и его обитателей въ теченіе правленія династій Цзинь, Лянъ, Вэй, Чэнъ, Суй и Танъ, т. е. отъ 397 г. на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій.

„Это очень богатое, цвѣтущее и густо населенное царство: — Жители ревностные буддисты. — Женщины появляются

въ обществѣ даже въ присутствіи чужеземцевъ. Волосы онѣ носятъ заплетенными въ косы и ѣздятъ на верблюдахъ и лошадахъ по-мужски. Всѣ жители этой мѣстности имѣютъ впалые глаза и рѣзко очерченный носъ.

„Характера туземцы кроткаго, обходительнаго и веселаго, но также хитры и лъстивы и питаютъ страсть къ церемоніямъ. При встрѣчахъ привѣтствуютъ другъ друга, преклоняя одно колѣно. Они употребляютъ печатки изъ нефрита и, получивъ письмо, прикладываютъ его ко лбу, прежде чѣмъ распечатать. Они любятъ повеселиться, поплясать, попѣть, но также свѣдущи въ законахъ и ученіи своей религіи.

Терракотовая посуда изъ Буразана ($\frac{4}{17}$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

„Мертвыхъ своихъ они сожигаютъ, послѣ чего кости собираютъ и погребаютъ, а на могилѣ воздвигаютъ часовню въ честь Фео-То, т.е. Будды“.

Особенно интересенъ для насъ фактъ, что промышленность хотанцевъ стояла на очень высокомъ уровнѣ развитія. Одно изъ многочисленныхъ посольствъ, посылавшихся изъ Хотана ко двору китайскихъ императоровъ, привезло императору въ числѣ прочихъ даровъ нѣсколько стеклянныхъ вазъ. Я лично не только около Хотана, но и во многихъ мѣстахъ въ Восточномъ Туркестанѣ, находилъ стеклянные осколки тарелокъ, небольшихъ кувшиновъ, чашекъ и украшеній въ формѣ

цвѣтка лотоса. Далѣе лѣтописецъ рассказываетъ, что хотанцы были искусны въ тканьѣ и выдѣлкѣ мѣдныхъ кувшиновъ, и что печатки были у нихъ въ общемъ употребленіи. (Я въ окрестностяхъ Хотана нашель десятка два такихъ печатокъ).

Около 400 г. по Р. Х., согласно той же китайской лѣтописи, въ Хотанъ прибылъ китайскій путешественникъ Ши-Фа-Хіанъ, чтобы „изучить начертанія законовъ“. Этотъ-то Ши-Фа-Хіанъ и описалъ религіозныя празднества хотанцевъ или „процессіи съ изображеніями боговъ“.

„Въ первый день четвертаго мѣсяца въ городѣ начинается всеобщая чистка. Улицы, площади и переулки поливаютъ водой. Городскія ворота убираютъ коврами, надушенными тканями и разными другими украшеніями, и подъ образовавшимся балдахиномъ занимаютъ мѣста князь съ супругой и приближенными женщинами!

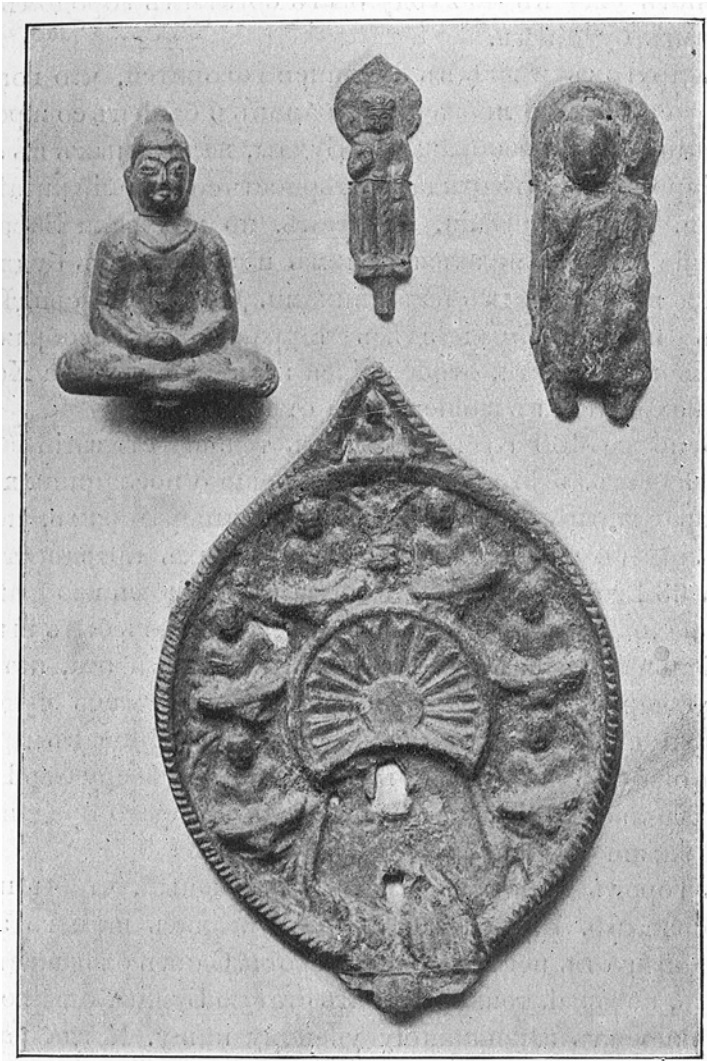
„Кью-Ма-ди, верховный лама храма идетъ впереди главной статуи. Когда они приближаются къ городу на разстояніе 3—4 ли, берутъ четырехъ-колесную повозку въ 30 ф. высоты, похожую на обыкновенныя телѣги, украшаютъ ее драгоценностями, лентами, флагами и ставятъ на нее статую между двумя изображеніями Фо-са, окружаютъ ее изображеніями другихъ боговъ, а также множествомъ украшеній изъ золота, серебра и мрамора.

„Когда статуя находится уже въ 100 шагахъ отъ воротъ, князь снимаетъ съ себя свой вѣнецъ, накидываетъ на себя новую мантию, выходитъ босикомъ изъ города и направляется на встрѣчу изображеніямъ, держа въ рукахъ цвѣты и благовонія. Приблизившись къ статуѣ, онъ бросается ницъ передъ нею и кладетъ къ ея подножію благовонія и цвѣты.

„Когда повозка со статуей приближается къ городскимъ воротамъ, гдѣ возсѣдаетъ супруга властителя со своими женщинами, онѣ всѣ начинаютъ осыпать статую и повозку цвѣтами. Повозокъ столько-же, сколько храмовъ, т. е. 14, и для каждой процессіи отводится особый день, такъ что первая процессія приходится на первый день четвертаго мѣсяца, а послѣдняя на четырнадцатый. По окончаніи процессіи, князь съ супругой возвращаются во дворецъ.

„Въ 7 или 8 ли отъ города находится монастырь, именуемый Новымъ княжескимъ храмомъ. Строили его 80 лѣтъ

и цѣлыхъ 3 князя посвятили ему свои заботы. Высота его равняется 250 ф.; онъ изукрашенъ живописью и надписями, вырѣзанными на металлѣ, а также золотомъ, серебромъ и

Бронзовыя изображенія Будды, найденныя въ Буразанѣ
($\frac{2}{3}$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

разною драгоценною рѣзкой. Храмъ вѣнчаетъ башня; Буддѣ посвящена особая молельня; балки ея украшены драгоценнѣйшею рѣзкой, колонны, двери, окна и ставни обиты зо-

лотыми листьями. Для жрецовъ возведены особья кельи, тоже очень красивыя и богато украшенныя.“

Такимъ образомъ, изъ китайской лѣтописи мы узнаемъ, что Хотанъ еще въ 400 году былъ богатымъ городомъ, гдѣ процвѣталъ буддизмъ.

Въ другомъ мѣстѣ въ лѣтописи говорится, что вокругъ города расположено множество храмовъ и башенъ со жрецами и жрицами. Обиліе изображеній Будды, находимыхъ въ лѣсѣ около Буразана, подтверждаетъ вѣрность сообщеній китайской лѣтописи. Безъ сомнѣнія, Буразанъ, по индусски Барасана, въ теченіе вѣковъ являлся однимъ изъ центровъ буддизма, наиболѣе посѣщаемымъ паломниками. Объ этомъ свидѣлствуютъ и находимыя здѣсь терракотовыя изображенія, 700 лѣтней древности, относящіяся къ періоду, когда Хотанъ еще не находился въ зависимости отъ Китая.

Но позже 400 года городъ въ теченіе столѣтій все падалъ и падалъ. Лѣтопись говоритъ еще о посланникахъ хотанскихъ властителей къ китайскимъ императорамъ, но уже не упоминаетъ о блестящихъ религиозныхъ празднествахъ.

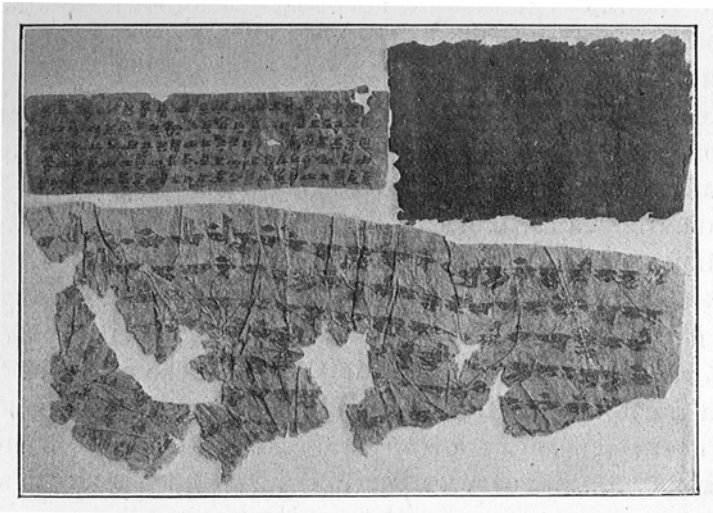
Къ 632 году относится легенда объ одномъ изображеніи Будды, находившемся въ городѣ Пи-мѣ (можетъ быть нынѣшняя „Пиальма“), къ западу отъ Хотана. Статуя эта, изъ сандалнаго дерева, имѣла 20 ф. высоты, отличалась чудодѣйственными свойствами и испускала сіяніе. Еще въ древнія времена она была привезена въ лежащій къ сѣверу отъ Пи-мы городъ Хо-ляо-ло-кія, богатые жители котораго предавались веселой жизни и пренебрегали святыней.

Въ городъ прибылъ раханъ или ученый, чтобы поклониться святынѣ. Жители города разгнѣвались на него за это и закопали его въ песокъ по самый ротъ. Одинъ благочестивый человѣкъ, который тоже почиталъ статую Будды, однако, тайкомъ приносилъ закопанному ученому пищу. Когда раганъ, наконецъ, освободился и собрался въ обратный путь, онъ сказалъ своему избавителю: „Черезъ семь дней пойдетъ дождь изъ песку и земли и погребетъ весь этотъ городъ, такъ что кромѣ тебя никто не спасется“.

Раханъ скрылся. Избавитель его предостерегъ своихъ родственниковъ, но всѣ только осмѣяли его. Тогда онъ самъ укрылся въ одной пещерѣ, и на седьмыя сутки послѣ полуночи

пошелъ дождь изъ песку, который засыпалъ весь городъ. Когда дождь кончился, человекъ этотъ вышелъ изъ пещеры и отправился въ Пи-му. Но статуя Будды была тамъ уже раньше его.

Для сравненія съ современными легендами о пустынь Такла-маканъ и погребенныхъ подъ ея песками городахъ, приведу заключительныя слова легенды объ этомъ злополучномъ городѣ Хо-ляо-ло-кя. „Теперь онъ сталъ огромнымъ песчанымъ холмомъ. Властители разныхъ странъ часто увлекались желаніемъ отытъ сокровища города, но при каждой

Древнія рукописи, найденныя въ окрестностяхъ Хотана
($\frac{1}{4}$ натуральной величины).
(Съ фотографіи Даллѣфа).

попыткѣ подымался жесточайшій вѣтеръ, песокъ свивался въ смерчи, дорогу заматало, и работники сбивались съ пути“.

Мнѣ одинъ хотанецъ рассказывалъ, что онъ однажды нашелъ въ пустынь погребенный городъ, въ домахъ котораго видѣлъ трупы людей въ такомъ положеніи, въ какомъ застигла ихъ смерть; по его рассказамъ выходило, что они были засыпаны пескомъ, какъ жители Помпеи пепломъ. Довольно замѣчательно это общее убѣжденіе мѣстныхъ жителей, что города были засыпаны пескомъ внезапно и даже въ теченіе всего нѣсколькихъ минутъ.

Въ томъ, что легенды и преданія эти имѣютъ реальную подкладку, я имѣлъ случай убѣдиться, открывъ два погребенныхъ въ пустынѣ Такла-маканъ древнихъ буддистскихъ города. Можно, однако, быть увѣреннымъ, что надвиженіе песковъ не было дѣломъ мгновенья, но совершалось въ теченіе десятковъ тысячелѣтій.

Къ тому-же 632 году восходятъ свѣдѣнія, что жители Хотана имѣли свои лѣтописи и что ихъ письменность, законы и литература были заимствованы изъ Индіи. Указаніе это получаетъ значеніе, если поставить его въ связь съ найденными мною древними рукописями, которыя оказались не индійскими; древность же ихъ надо исчислить по крайней мѣрѣ 13-ью вѣками.

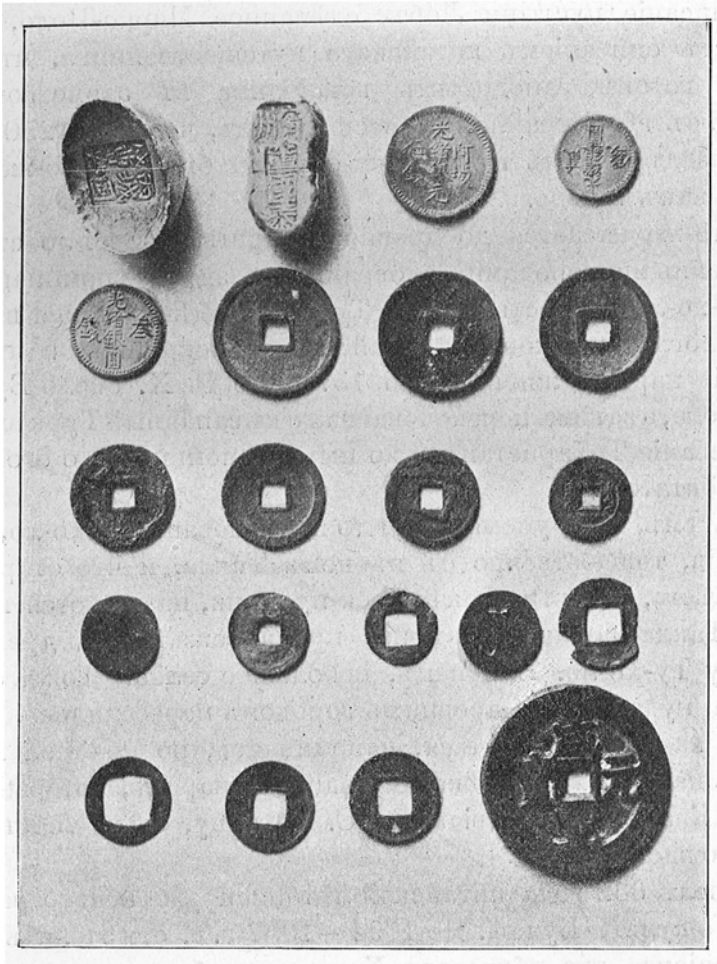
Несмотря на ограниченность мѣста, я не могу не привести еще одного сообщенія того-же китайца-путешественника, который въ шестой годъ царствованія императора Тай-Цзунга изъ династіи Танъ, или въ 632 г., отправился изъ Хотана на Лобъ-норъ.

Онъ сообщаетъ, что всѣ путешествующіе по этому пути, чтобы не заблудиться и не попасть въ болото, направляются черезъ городъ Ни-янъ (т. е. Нию), лежащій на границѣ страны Кью-са-танъ-насъ, Хіо-танъ или Хо-танъ. Наименованіе Хотанъ употребляется въ китайскихъ лѣтописяхъ здѣсь впервые. Но замѣчательнѣе всего, что китайскій путешественникъ зналъ Нию, городъ, о которомъ Марко Поло даже не упоминаетъ 600 годами позже. Между тѣмъ описаніе самаго города и его мѣстоположенія, сдѣланное китайцемъ, вполне соответствуетъ дѣйствительности и нынѣ, 600 лѣтъ спустя послѣ путешествія Марко Поло. Что-же до описываемаго послѣднимъ города Пена, который находился въ той-же мѣстности, то его мѣстоположенія нельзя установить теперь.

Затѣмъ въ лѣтописи говорится: „Если направиться къ востоку оттуда (т. е. отъ Ни-яна), то очутишься въ области глубокаго летучаго песку, называемаго такъ потому, что онъ передвигается по волѣ вѣтра и образуетъ волнистые холмы. Слѣды путешественниковъ замечаются такъ, что многіе сбиваются съ пути въ этихъ необозримыхъ пространствахъ и бродятъ, не встрѣчая ничего, никакой примѣты, которая могла бы указать направленіе, вернуть на настоящій путь; путники,

наконецъ, изнемогають и погибають, о чемъ свидѣтельствуютъ во многихъ мѣстахъ кучи костей.

„Здѣсь нѣтъ ни воды, ни растительности, но часто подымается горячій вѣтеръ, который захватываетъ дыханье людямъ,

Древнія и новыя китайскія серебряныя и мѣдныя монеты
($\frac{1}{2}$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

лошадямъ и животнымъ, и часто приносить съ собой заболѣванія. Почти постоянно слышится то рѣзкій свистъ, то громкій крикъ, но, когда начинаютъ доискиваться причины этихъ звуковъ, то къ ужасу своему не находятъ ея. Часто случается

также, что люди пропадаютъ тутъ безслѣдно, такъ какъ мѣстность эта полна злыхъ духовъ.

„Сдѣлавъ 400 ли, попадаешь въ древнее царство Ту-хо-ло. Давно уже эта страна превратилась въ пустыню. Всѣ города ея лежатъ въ развалинахъ, и поросли сорной травой“.

Описаніе пустыни Лобъ, сдѣланное Марко-Поло, такъ схоже съ описаніемъ китайскаго путешественника, что невольно готовъ заподозрить венеціанца въ заимствованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ крайне интересно узнать, что уже 1250 лѣтъ тому назадъ область къ востоку отъ Ни была такою-же пустынею, какъ теперь.

Что-же касается до древняго царства Ту-хо-ло съ его погребенными городами, я ограничусь здѣсь упоминаніемъ, что Ту-хо-ло тождественно съ Тухари, измѣнившимся въ Ту-хо-ло, согласно законамъ китайской транскрипціи, и что это названіе народа, жившаго до 157 г. до Р. Х. около Булюнгыр-гола, а затѣмъ перекочевавшаго въ западный Туркестанъ, гдѣ названіе Тохаристанъ и до нынѣ напоминаетъ о его древнихъ обитателяхъ.

Затѣмъ, надо упомянуть, что наименованіе Ту-хо-ло, безъ сомнѣнія, тождественно съ именемъ Такла, и что открытыя мною мѣста, которыя, какъ и вся пустыня, называются туземцами Такла-маканъ, навѣрно, принадлежали къ древнему царству Ту-хо-ло. Наконецъ, небольшое селеніе Токла около Хотана, куда жители древнихъ городовъ переселились, когда песокъ началъ надвигаться, напоминаетъ, по крайней мѣрѣ, своимъ названіемъ, о нѣкогда мощномъ народѣ, который, согласно Клапроту и Вивіану дѣ С. Мартину, былъ тибетскаго происхожденія.

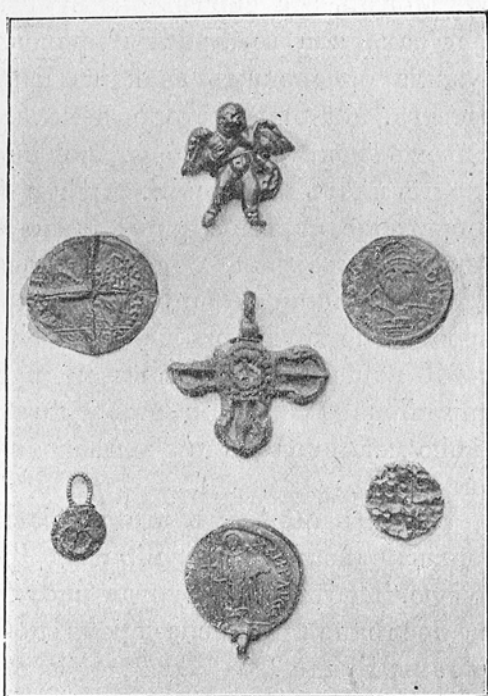
Послѣ 632 года китайской лѣтописи уже нечего разсказывать о культѣ Будды. Но 1094—1097 г. г. отмѣчены въ ней сообщеніемъ, что обитатели Хотана, арабы, римляне и др. правильно посылали дань императору. Арабы давно уже владѣли городомъ. Въ 712 г. одинъ изъ арабскихъ вождей Кутейба-ибнъ-муслимъ взялъ приступомъ Коканъ въ западномъ Туркестанѣ, затѣмъ завоевалъ весь Восточный Туркестанъ и распространилъ тамъ исламъ.

Около могилъ святыхъ имамовъ находятъ рукописи, такъ называемыя „тезкере“, содержащія изложеніе этихъ событій.

Мнѣ посчастливилось добыть одну такую „тезкере“ около могилы или мазара Имама Джафара Садыка, находящагося къ сѣверу отъ Нии. Арабамъ пришлось воевать цѣлыхъ 25 лѣтъ, прежде чѣмъ имъ удалось навязать жителямъ оазиса Хотанъ новую религію. Можетъ быть, тогда-же арабы и сравняли съ землей величественный храмъ, описанный въ 400 г. до Р. Х., такъ какъ магометане не терпятъ языческихъ храмовъ. Если же что и уцѣлѣло отъ разрушенія арабами, то навѣрное постарались разрушить до основанія монголы, завоевавшіе городъ подъ предводительствомъ Чингисъ-хана въ 1220 г.

Какъ-бы то ни было, достовѣрно то, что въ настоящее время въ Хотанѣ не осталось и слѣда древнихъ архитектурныхъ памятниковъ. Ихъ, повидимому, не существовало уже и во времена Марко-Поло. Венеціанскій путешественникъ посѣтилъ городъ въ 1274 г. и говоритъ о немъ лишь слѣдующее: „жители города подвластны великому хану (т. е. Хубилай-хану) и исповѣдуютъ религію Магомета. Въ странѣ множество городовъ и селеній, но главный городъ Готанъ самый великолѣпный изъ всѣхъ и по имени его называется и все царство. Въ этомъ городѣ можно получить въ изобиліи всякіе продукты, даже хлопокъ. Жители имѣютъ виноградники, сады и пахатныя поля. Живутъ торговлею и промышленностью, но не воинственны“.

Это краткое описаніе знаменитаго венеціанца и нынѣ

Монеты и серафимъ изъ золота и мѣдный крестикъ, пріобрѣтенные въ Хотанѣ (16/17 натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

еще согласуется съ дѣйствительностью; разница лишь въ томъ, что нынѣ Хотанъ подвластенъ императору Китайскому.

Марко Поло сообщаетъ, что въ Кашгарѣ и Яркендѣ нашелъ христіанъ — несторіанцевъ и якобитовъ, „которые имѣли свои храмы“, говоря-же о Хотанѣ, онъ не упоминаетъ о христіанахъ. Поэтому пріобрѣтенная мною въ Хотанѣ древняя медаль является въ высшей степени интересною находкой. Медаль эта свидѣтельствуеетъ, что христіанскіе миссіонеры заходили въ древнія времена и сюда. Она, вѣроятно, служила орденомъ какого нибудь католическаго братства. На одной сторонѣ медали изображеніе монаха, съ сіяньемъ вокругъ головы, молящагося передъ распятіемъ; вокругъ идетъ надпись S. Andrea Avelin. На другой сторонѣ изображеніе святой Ирины также съ вѣнчикомъ вокругъ головы; въ рукахъ-же у нея пальмовая или лавровая вѣтвь. Съ помощью надписей опредѣлить древность медали окажется вѣроятно не труднымъ для специалистовъ.

Я нашелъ въ Хотанѣ и другія эмблемы христіанства: миниатюрнаго серафима изъ золота и мѣдный крестъ. Въ коллекцію мою входятъ также нѣсколько византійскихъ золотыхъ монетъ.

Такимъ образомъ этотъ древнѣйшій городъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ три міровыя религіи, смѣнявшія одна другую. Побѣдитъ-ли когда нибудь здѣсь крестъ луну, какъ эта послѣдняя въ свое время побѣдила священный лотосъ Гаутамы Будды?

VII

Еще разъ черезъ Такла-маканъ.— Помпея въ пустынѣ.

11 января 1896 г. я оставилъ Хотанъ съ небольшимъ, тщательно подобраннымъ караваномъ, состоявшимъ изъ 4 людей и 3 верблюдовъ. Кромѣ того я взялъ съ собою двухъ ословъ, чтобы испытать ихъ пригодность для форсированнаго перехода по пустынѣ. Спутниками моими были: Исламъ-бай,

Керимъ-Джанъ, тоже Опскій уроженецъ, и два охотника Ахметъ Мергенъ и сынъ его Касимъ-ахунъ, которые помогали намъ въ розыскахъ послѣ крушенія въ пустынѣ нашего перваго каравана.

Наученные опытомъ перваго тяжелаго перехода, мы теперь знали, что снаряженіе экспедиціи должно быть по возможности несложнымъ и легкимъ. Поэтому мы на этотъ разъ взяли съ собой лишь самое необходимое, что все и составило три легкихъ вьюка для нашихъ трехъ отличныхъ верблюдовъ-самцовъ. Такимъ образомъ, еслибы намъ опять пришлось бросить караванъ на произволъ судьбы, потеря была-бы не такъ чувствительна.

Главные наши пожитки и большую часть запаса китайскаго серебра мы оставили въ домѣ аксакала въ Хотанѣ, куда должны были рано или поздно вернуться. Провіанту мы взяли всего на пятьдесятъ дней, экспедиція наша между тѣмъ продолжалась четыре съ половиной мѣсяца, и мы немалое время должны были питаться чѣмъ пришлось изъ мѣстныхъ продуктовъ.

Христіанскія бронзовыя медали изъ Хотана
(натуральной величины)

(Съ фотографіи Даллѣфа).

Намѣреніемъ моимъ было изслѣдовать Мазаръ-тагъ Пржевальскаго, затѣмъ отправиться къ востоку черезъ пустыню къ Керіи-дарьѣ и посѣтить по пути развалины древняго города, о которомъ мнѣ рассказывали въ Хотанѣ. Обратный путь я рассчитывалъ сдѣлать, направившись къ югу по руслу Керіи-дарьи, и затѣмъ черезъ городъ Керію вернуться въ Хотанъ. Этотъ первоначальный скромный планъ разросся, однако, не на шутку, и вышла крупная экспедиція, богатая неожиданными важными открытіями, какъ читатель узнаетъ изъ слѣдующихъ главъ.

Худо было лишь то, что я не захватилъ съ собой китайскаго паспорта и разъ чуть было не попалъ изъ-за этого въ большую бѣду; но и это приключеніе окончилось благопо-

лучно. Составляя свой планъ, я и не помышлялъ, что намъ придется придти въ столкновение съ китайскими мандаринами.

Для моихъ вещей и инструментовъ понадобился одинъ ягданъ, для кухонныхъ принадлежностей другой; кромѣ того понадобилось нѣсколько переметныхъ сумъ для муки, хлѣба, риса, сушеной зелени, макаронъ, котловъ и кастрюль, сахару, чая, свѣчей, фонарей и пр. Наконецъ, мы взяли съ собой шубы и большой спальный мѣшокъ изъ козьяго мѣха, нѣсколько войлоковъ, два топора, двѣ лопаты, заступъ, оружіе и боевые припасы.

Такіе предметы, какъ палатка и кровать, были сочтены излишней роскошью. Я спалъ, какъ и мои люди, въ продолженіе всего путешествія, завернувшись въ шубы, прямо на землѣ, даже зимою при 22° мороза. Въ топливѣ не предвидѣлось недостатка, да и весна была не за горами.

Мой новый другъ Лю-даринъ полагалъ, что трехъ верблюдовъ было мало, и хотѣлъ на свой счетъ подкрѣпить караванъ еще двумя верблюдами и двумя людьми. Но я пуще всего-то и опасался обременить себя слишкомъ большимъ караваномъ и постарался отговорить его.

Лю-даринъ удовлетворился тѣмъ, что отправился впередъ насъ въ лежавшее на нашемъ пути селеніе Хазретъ-Султанъ, гдѣ и велѣлъ разбить большую красную палатку, открытую со стороны дороги; защитой отъ солнца служила выдающаяся крыша. Внутри палатка была убрана на китайскій манеръ стульями и столомъ и вся задрапирована красной матеріей.

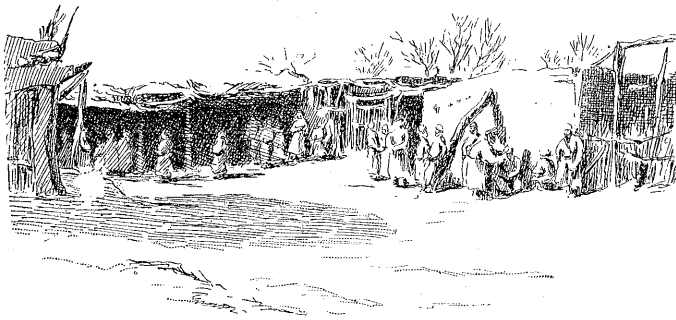
На виду огромной массы народа мы побесѣдовали здѣсь часокъ, покурили, напились чаю и разстались. Я сѣлъ на своего отличнаго верховаго верблюда, и подъ звонъ колокольчиковъ мы продолжали путь къ сѣверу, слѣдуя по лѣвому берегу рѣки Юрунъ-кашъ. Въ теченіе четырехъ дней мы ѣхали по пустыннымъ мѣстамъ, прорѣзаннымъ лѣсными участками, пока не добрались до Исламъ-абада, послѣдняго населеннаго пункта на этомъ берегу; здѣсь мы перебрались черезъ рѣку по крѣпкому льду.

Въ ближайшемъ расположенномъ на правомъ берегу селеніи Тавекъ-кэль мы дали верблюдамъ отдохнуть день и сдѣлали послѣднія приготовленія къ экспедиціи. Передъ нами простиралась къ востоку полоса бесплоднаго песку, шириною

вдвое уже, нежели пройденная нами въ прошломъ году, отъ послѣдняго озера до русла Хотанъ-дарьи, и притомъ куда менѣе опасная. Мы знали, что песокъ здѣсь не образовывалъ такихъ мощныхъ толщъ, что всюду можно было дорыться до грунтовой воды и что тамъ и сямъ должны были попадаться и кусты тамариска и тополи.

Въ селеніи мы наняли двухъ проводниковъ, которые много разъ бывали на развалинахъ погребеннаго въ пескахъ города, ища тамъ золота и другихъ сокровищъ.

19 января мы покинули рѣку и направились прямо на востокъ, между барханами. Первые дни барханы были совсѣмъ ничтожныя, всего въ 2—3 метра высоты; рѣдкая растительность также еще не прекращалась. На третій день высота

Базаръ въ Тавекъ-кэлѣ.

(Съ рисунка автора).

бархановъ достигала уже 5—10 метр.; сами барханы образовывали цѣлую сѣть грядъ, расходящихся къ востоку и къ западу, къ сѣверу и югу; крупные склоны были обращены къ западу, къ югу и юго западу; скрещивающіеся барханы образовывали пирамидальныя нагроможденія.

Мы шли обыкновенно не больше 5—6 часовъ въ день, чтобы не переутомить животныхъ. Расположившись лагеремъ мы принимались за обычныя занятія: двое изъ людей рыли колодезь, двое другихъ выкапывали корни тамариска для костра, Исламъ-бай готовилъ мнѣ обѣдъ, а Керимъ-Джанъ развѣвывивалъ и убиралъ верблюдовъ.

Я самъ усаживался въ шубѣ и валенкахъ на войлочномъ коврѣ и дѣлалъ замѣтки, набрасывалъ эскизы, измѣрялъ углы

паденія бархановъ, высоту ихъ, направленіе и пр., а затѣмъ направлялся къ колодцу, который къ тому времени почти всегда былъ уже вырытъ.

Въ первые дни мы находили воду на глубинѣ 2,41, 1,81 и 1,67. м.; температура-же воды равнялась 9—12°. Почва оказывалась промерзшей на 22 сантим. въ глубину. Вода въ колодцахъ на глубинѣ 1,67 м. была совершенно прѣсною какъ рѣчная. Замѣчательно, что и здѣсь, какъ въ области Яркендъ и Угенъ-дарья, чѣмъ ближе къ самой рѣкѣ копали мы колодезь, тѣмъ солонѣе оказывалась въ немъ вода.

Скоро мы привыкли распознавать, стоитъ копать на данномъ мѣстѣ колодезь или нѣтъ. Если по близости растеть

Рѣка Юрунь-кашъ (Хотанъ-дарья) около селенія Исламъ-абадъ; видъ на западъ.

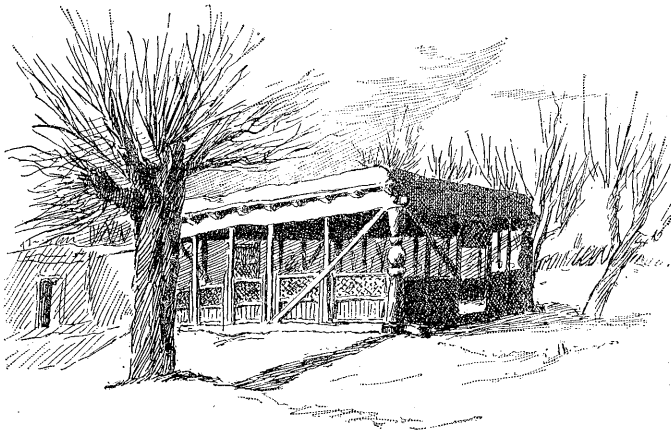
(Съ рисунка автора).

свѣжій тамарискъ (юлгунъ) или тополь (тогракъ) и верхній слой чисто песчаный, влажный почти до самой поверхности, можно быть увѣреннымъ, что прѣсная вода покажется приблизительно на глубинѣ 2 метр. Мы только на такихъ мѣстахъ и разбивали лагерь, поэтому къ концу дневного перехода я всегда высылалъ впередъ кого нибудь изъ людей отыскать наиболѣе подходящее мѣсто для стоянки.

Мало по малу нагроможденія песку становились все выше, а самая мѣстность все пустыниѣе. 22 января высота бархановъ достигла 12 метровъ. Въ этой части пустыни Такла-маканъ мы нашли такія-же песчаня образованія, какъ и въ западной части: мощныя гряды бархановъ, тянущіяся къ сѣверу или

югу и, такимъ образомъ, параллельныя обѣимъ рѣкамъ Хотанъ-и Кери-дарьѣ.

Во впадинахъ между барханами мы обыкновенно находили кусты тамариска, тоже идущіе рядами съ сѣвера къ югу и отмѣчающіе мѣста, гдѣ грунтовая вода стоитъ ближе къ поверхности. Такъ называемые по туземному „даваны“ или перевалы открывались въ зависимости отъ измѣненія нашего кругозора. Подымаясь на пологій западный склонъ давана, мы видѣли впереди на востокъ не болѣе двадцати бархановъ. Но, когда мы достигали вершины перевала, взору открывался широкій видъ на мертвое пустынное море, и можно было насчитать до ста гребней бархановъ на востокъ.

Открытая мечеть-павильонъ въ Тавекъ-кэлѣ.

На гребнѣ каждаго перевала мы и дѣлали продолжительный привалъ, чтобы высмотрѣть въ какомъ направленіи можно найти наиболѣе удобный путь. Если впереди виднѣлся тамарискъ, мы направлялись прямо къ нему. Онъ то и дѣло нырялъ за барханами, но показывался опять. Часто онъ казался намъ совсѣмъ близехонько, но добраться до него оказывалось не такъ-то скоро.

25 января высота бархановъ равнялась уже 15 м. Въ одной впадинѣ мы нашли два тополя съ засохшими, истрескавшимися стволами; вѣтви, однако, еще жили и готовились покрыться почками, но увы! не пришлось имъ дожидаться этого, — наши верблюды и ослы обципали ихъ съ жадностью. Для животныхъ переходъ этотъ былъ настоящимъ курсомъ

голодовки; хорошо еще, что время какъ разъ было такое, когда верблюды ѣдятъ мало, но зато кипятъ задоромъ, и все

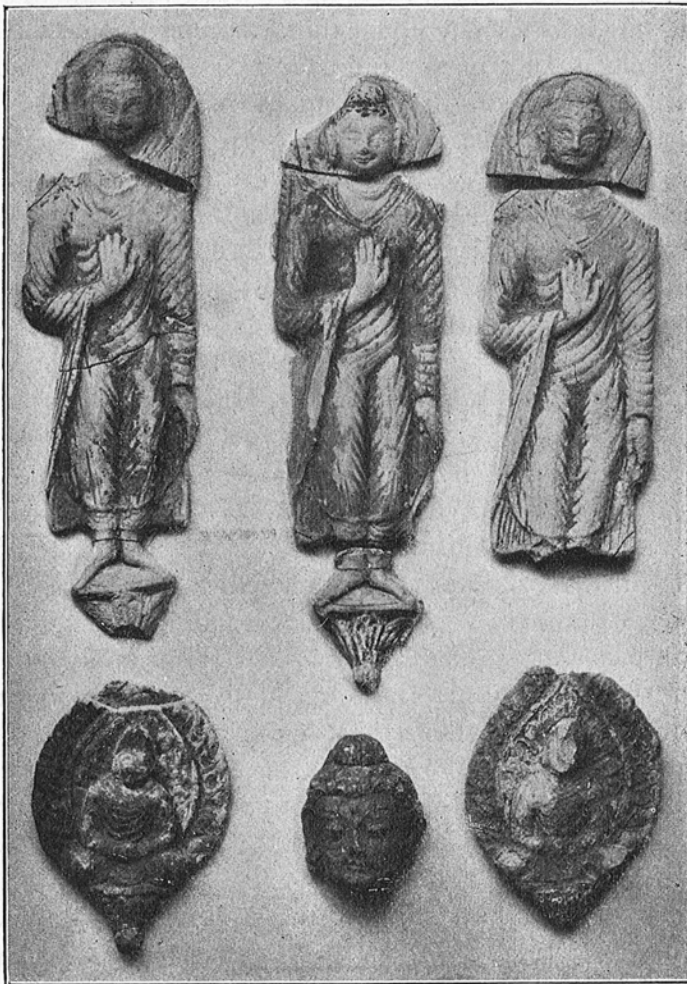
Изображенія Будды и фризъ, найденныя въ первомъ откры- томъ авторомъ древнемъ городѣ въ пустынѣ Такла-маканъ (1/3 натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

рвутся въ драку; черезъ нѣсколько дней пути они, однако, ушлились и присмирѣли.

Около полудня мы достигли впадины, гдѣ кѣтекъ, т. е.

мертвый лѣсъ, или высохшія деревья стали попадаться въ изобиліи. Низкіе стволы и пни, сѣрые хрупкіе, какъ стекло, перекоробившіяся вѣтви, корни, выбѣленные солнцемъ — вотъ все, что осталось отъ прежняго лѣса. Лѣсъ этотъ шелъ вдоль

Изображенія Будды, найденныя въ древнемъ городѣ въ пустынѣ Такла-маканъ ($\frac{1}{3}$ натуральной величины).

(Съ фотографіи Даллѣфа).

впадины по направленію съ юга къ сѣверу и, безъ сомнѣнія, отмѣчали пересохшее русло рѣки — ясное дѣло — Керіи-дарьи.

Какъ я уже имѣлъ случай отмѣтить, восточно-туркестанскія рѣки обыкновенно стремятся перемѣститься къ востоку.

Живыхъ тополей оставалось всего два-три; это были послѣдніе представители вымершаго рода, оставленные лицомъ къ лицу съ всеумерщвляющимъ пескомъ, какъ-бы брошенные товарищами, перемѣстившимися вмѣстѣ съ рѣкою къ востоку.

Для насъ эта полоса высохшаго лѣса представляла большое значеніе, такъ какъ проводники наши хорошо знали, что старый городъ, который они называли Такла-маканъ, расположенъ около восточнаго края этой лѣсной полосы. Судя по поверхности почвы, они заявили, что мы уже недалеко отъ развалинъ, въ чемъ убѣждали насъ и найденные нами здѣсь глиняные черепки. Мы расположились на привалъ. Вырывъ колодезь и найдя воду на глубинѣ 2,02 м., мы послали проводниковъ отыскивать самыя развалины.

Люди тѣмъ временемъ взяли одного изъ верблюдовъ и черезъ нѣкоторое время вернулись съ цѣлымъ вьюкомъ топлива, набраннаго въ мертвомъ лѣсу. Въ этотъ вечеръ и ночью мы и наслаждались тепломъ отъ двухъ чудесныхъ костровъ; огонь былъ далеко не лишнимъ, такъ какъ температура доходила до 15—20 градусовъ мороза.

24 января, оставивъ нашъ лагерь на мѣстѣ, мы всѣ отправились къ развалинамъ съ лопатами и топорами. Я ѣхалъ на своемъ славномъ верблюдѣ. Ѣхать пришлось, впрочемъ, недалеко, развалины оказались совсѣмъ близехонько.

Изъ всѣхъ урочищъ Восточнаго Туркестана, гдѣ мнѣ до сихъ поръ пришлось побывать, ни одно не было похоже на этотъ оригинальный городъ, остатки котораго лежали теперь передъ нами. Обыкновенно мѣстныя развалины представляютъ остатки стѣнъ и башенъ изъ сырца или въ лучшемъ случаѣ изъ обожженнаго кирпича. Здѣсь-же всѣ дома были построены изъ дерева (тополя), и не было и слѣда каменныхъ или глиняныхъ построекъ. Весь типъ города оказывался инымъ, хотя планъ расположенія домовъ во многомъ и напоминалъ современныя постройки.

Большинство жилищъ представляло форму небольшого квадрата, заключеннаго внутри квадрата побольше, или прямоугольниковъ, раздѣленныхъ переборками на нѣсколько небольшихъ помѣщеній.

Отъ нихъ остались теперь лишь столбы въ 2—3 метра высоты, съ заостренными верхушками, истрескавшіеся, изъ-

ѣденные вѣтромъ и пескомъ, твердые, но тѣмъ не менѣе хрупкіе, какъ стекло, и разлетающіеся въ дребезги отъ удара.

Такихъ остатковъ домовъ насчитывались здѣсь сотни. Изъ расположенія ихъ нельзя, однако, было вывести заключенія о планѣ города, или опредѣлить улицы, базары или открытыя площади. Причиною то, что весь городъ цѣликомъ, занимающій обширную площадь въ 3—4 килом. въ поперечникѣ, погребенъ подъ высокими барханами. Лишь остатки тѣхъ изъ домовъ, которые были расположены на возвышенностяхъ первоначальной поверхности, или приходились теперь во впадинахъ между барханами, высовываются изъ песку.

Пытаться отрыть что нибудь изъ подъ сухого песку — безнадежный трудъ. Песокъ тотчасъ же осыпается назадъ и снова заполняетъ копаемую яму. Надо снести цѣликомъ весь барханъ, чтобы обнажить то, что скрывается подъ нимъ, а это не по силамъ человѣческимъ. Лишь бураны способны кое-что сдѣлать. Мнѣ, однако, посчастливилось наткнуться на такія находки, которыя помогли мнѣ составить понятіе относительно общаго характера древняго города.

Отъ одной постройки, которую люди называли „будхана“, или храмомъ Будды, уцѣлѣли между вертикальными столбами стѣны, вышиною приблизительно въ метръ. Стѣны были заплетены изъ камыша и обмазаны глиной, смѣшанной съ рубленой соломой. Какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, тонкія стѣнки эти были кромѣ того покрыты бѣлой штукатуркой.

Самая штукатурка была украшена живописью, изображавшею полуодѣтыя колѣнопреклоненныя женскія фигуры, со сложенными, какъ на молитву, руками; черные волосы ихъ были закручены въ узелъ на макушкѣ головы; брови сходились надъ переносьемъ, носившимъ такую-же мѣтку, каковая и до сихъ поръ въ обычаѣ у индусовъ.

Были тутъ изображены и мужчины съ черными бородами; арійскій типъ ихъ сразу бросался въ глаза; одѣянія-же напоминали современныя персидскія. Затѣмъ были здѣсь изображенія собакъ, лошадей, кораблей, качающихся на волнахъ, — картина, производившая своеобразное впечатлѣніе среди этой песчаной пустыни! Наконецъ, на одной фрескѣ находился рядъ оваловъ, и въ каждомъ изображеніе сидящей женщины

съ четками въ рукахъ. Особенно-же изобиловала эта стѣнная живопись изображеніями цвѣтовъ лотоса.

Увезти кусокъ такой стѣны было невозможно. Самая то стѣна выдержала-бы путешествіе, но штукатурка съ живописью разсыпалась-бы въ прахъ. Я поэтому лишь срисовалъ узоры и нѣкоторыя изображенія и отмѣтилъ размѣры и цвѣта.

Отрывая изъ подъ песку верхнія части стѣны, мы нашли клочекъ бумаги, съ непонятной для насъ надписью, большей частью хорошо сохранившеюся. Кромѣ того мы нашли гипсовый слѣпокъ съ человѣческой ноги въ натуральную величину, изобличавшій, какъ и живопись, руку тонкаго мастера. Видимо, нога эта принадлежала статуѣ Будды, и предположеніе людей, что мы находимся въ древнемъ буддѣйскомъ храмѣ, было весьма правдоподобно. О томъ-же говорили мѣстоположеніе развалинъ на возвышеніи и живопись на стѣнѣ, изображавшая молящіяся фигуры.

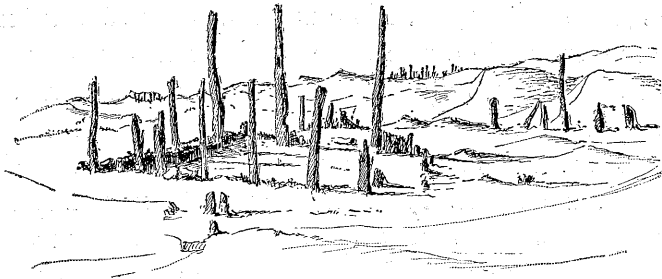
Больше тутъ искать нечего было, и мы перешли къ развалинамъ другой постройки. Наружныя стѣны ея были разрушены, да и изъ столбовъ уцѣлѣло немного. На верхушкахъ двухъ изъ нихъ, повыше другихъ, были четырехугольные отверстія, которыя въ связи съ другими примѣтами обнаруживали, что домъ былъ двухъэтажный, или, какъ персидскія жилища и вообще многіе дома въ Хотанѣ, Каргалыкѣ и Яркендѣ, обнесенъ вокругъ крыши галлереей или балкономъ. Здѣсь-же, въ неглубокомъ пескѣ наши лопаты отрыли цѣлую массу гипсовыхъ горельефныхъ фигуръ, величиною въ 1—2 десим., съ плоской изнанкой; ясно было, что это были лѣпныя стѣнныя украшенія. Изображали онѣ частью сидящихъ Буддъ съ головой на фонѣ лепестка лотоса или окруженною сіяньемъ, частью стоящихъ Буддъ, у которыхъ одна рука была опущена внизъ, а другая прижата къ груди; широкія одѣянія спадали богатыми складками, рукава спускались очень низко, а воротъ одѣянія былъ вырѣзанъ и позволялъ видѣть ожерелье на шеѣ.

Лица были почти круглы, волосы закручены узломъ на макушкѣ, уши очень длинные, отвислые, какъ и у современныхъ изображеній буддѣйскихъ божествъ, миндалевидные глаза поставлены косо; голову окружало кольцо въ видѣ сіянья.

Остальные фигуры изображали женщинъ съ обнаженною грудью и дугообразной гирляндой на головѣ. Наконецъ, мы нашли еще много разнообразныхъ фризозъ, обломковъ колонъ, карнизозъ и цвѣтовъ — все изъ гипса. Всѣ эти находки были разсортированы, сдѣланъ строгій выборъ, и кое что я взялъ съ собой.

Еще въ нѣсколькихъ домахъ нашли мы разную мелочь, на примѣръ, длинный рѣзной деревянный карнизъ (я срисовала узоръ), шелковичную куколку, ось отъ колеса, повидимому, отъ прялки или тому подобнаго орудія, черепки и ручки отъ глиняныхъ кувшиновъ, хорошо сохранившуюся простую спираль или деревянный винтъ и жерновъ изъ порфира, почти въ два аршина въ діаметрѣ.

Между многими барханами виднѣлись еще слѣды садовъ.

Развалины дома въ древнемъ городѣ.

(Съ рисунка автора).

Пни обыкновенныхъ тополей тянулись рядами, показывая, что тутъ шли нѣкогда тѣнистыя аллеи. Росли здѣсь когда-то и абрикосовыя и сливовыя деревья.

Итакъ, этотъ погребенный въ песчаной пустынѣ городъ лежалъ во время оно на берегу Керии-дарьи, и вдоль его домовъ и храмовъ струились воды арыковъ. Подъ самымъ городомъ, по берегамъ рѣки, росли великолѣпныя лѣса, подобные нынѣ растущимъ по берегамъ Керии-дарьи; въ лѣтнія жары жители города наслаждались тѣнью въ своихъ фруктовыхъ садахъ. Здѣсь-же текли мощные потоки, которые могли приводить въ движеніе тяжелые жернова. Здѣсь процвѣтали шелководство, садоводство и промышленность, здѣсь жилъ народъ, умѣвшій художественно, со вкусомъ украшать свои жилища и храмы.

Въ какое время былъ обитаемъ этотъ таинственный городъ? Когда цвѣли здѣсь въ послѣдній разъ абрикосовыя деревья, когда пожелтѣли на вѣкъ вершины тополей? Когда замолкло журчанье ручьевъ, приводившихъ въ движеніе жернова, когда были покинуты своими обитателями послѣднія жилища въ этомъ царствѣ пустыни?

Что за народъ жилъ здѣсь, на какомъ языкѣ говорилъ, откуда взялся, какъ долго процвѣталъ его родной городъ и куда онъ ушелъ отсюда, увидѣвъ, что здѣсь нельзя дольше оставаться? Сейчасъ я не могу отвѣтить на эти вопросы, но послѣ тщательнаго изученія предмета еще вернусь къ нимъ.

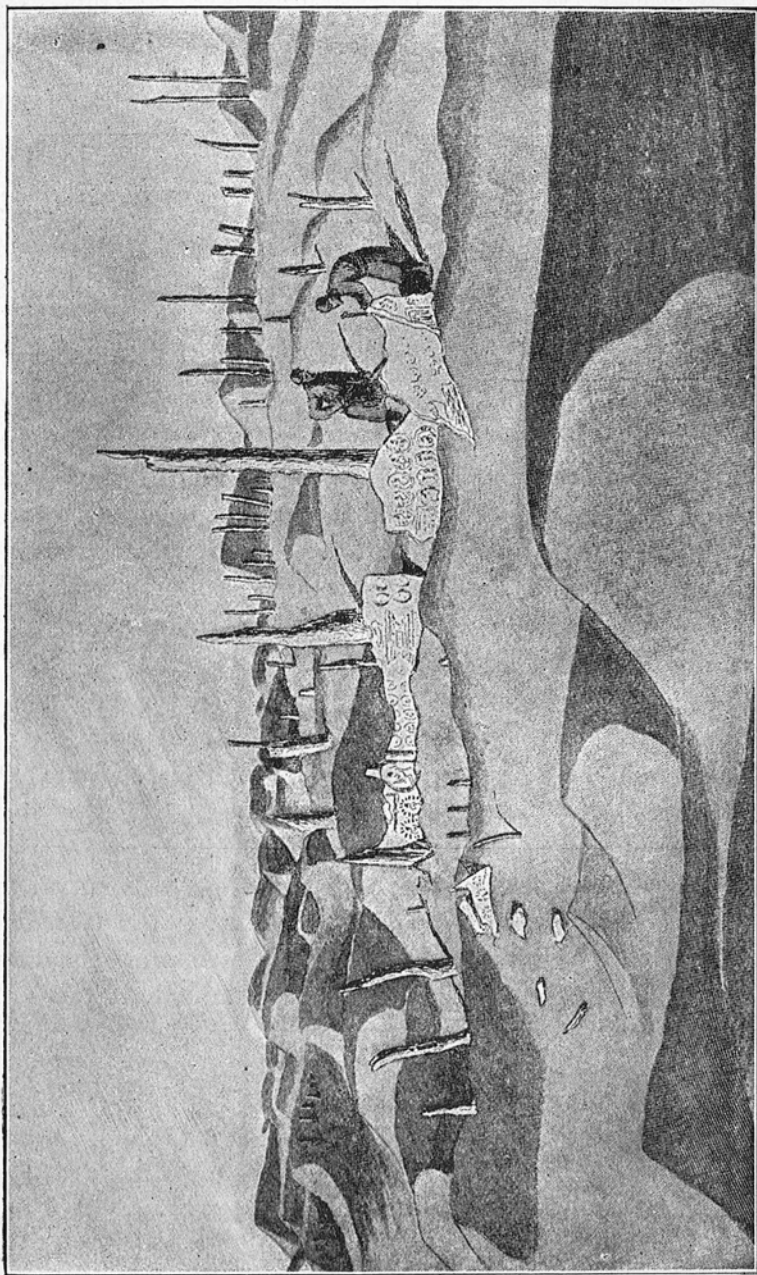
Мои проводники называли этотъ городъ Такла-маканъ, мы и сохранимъ за нимъ это названіе, такъ какъ съ нимъ связано множество загадокъ, вопросовъ и задачъ, разрѣшеніе которыхъ дѣло будущаго. До сихъ поръ никто и не подозрѣвалъ о существованіи этого города. Кто могъ въ самомъ дѣлѣ думать, что въ сердцѣ пустыни Гоби, въ той ея части, которая является пустыннѣйшею изъ всѣхъ пустынь земли, находятся развалины большихъ городовъ и остатки богатой культуры?

И вотъ, я стоялъ тутъ, посреди обломковъ минувшаго, среди развалинъ домовъ, въ которыхъ хозяйничали теперь лишь песчаные бураны! Я стоялъ здѣсь, словно принцъ въ очарованномъ лѣсу, я нарушилъ тысячелѣтній сонъ города, пробудилъ его къ новой жизни въ человѣческомъ знаніи.

Если на всѣ приведенные выше вопросы отвѣтить трудно, то можно, по крайней мѣрѣ, съ полной увѣренностью сказать, что такого художественнаго развитія, какое обнаруживаютъ описанные выше памятники искусства, нельзя найти у населяющихъ нынѣ Восточный Туркестанъ тюркскихъ народовъ. Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что городъ былъ буддійскій, и мы можемъ поэтому съ полной достовѣрностью сказать, что онъ древнѣе 700 года, т. е. года вторженія въ Туркестанъ арабовъ подъ предводительствомъ Кутейбы-ибнъ-Муслима.

Если присоединить къ этому заключенія, которыя можно вывести на основаніи сдѣланныхъ мною находокъ и собранныхъ мною матеріаловъ по изслѣдованію скорости передвиженія бархановъ, мы получимъ частью историческія данныя,

частью чисто геологическія опредѣленія времени, достаточныя

Упѣлѣвшія стѣны дома въ древнемъ городѣ.
(Съ рисунка автора).

для приблизительнаго вычисленія срока, какой понадобится
пескамъ, чтобы удалиться отъ города къ юго-западу до тѣхъ

предѣловъ, гдѣ находятся *нынѣ* крайніе барханы, приближающіеся къ западной подошвѣ Кунь-луны.

Изъ того обстоятельства, что и дерево и рѣзба на немъ такъ хорошо сохранились и что камышь, изъ котораго были сдѣланы стѣны, до сихъ поръ еще оказывался лакомой пищей для верблюдовъ и ословъ, нельзя выводить заключенія, что городъ сравнительно недавняго происхожденія. Противъ такого предположенія говоритъ медленность передвиженія песковъ; кромѣ того, я уже упоминалъ выше, что сухой, мелкій песокъ обладаетъ извѣстной способностью сохранять органическія тѣла отъ гніенія.

Въ этихъ областяхъ господствуютъ сѣверо-восточные и восточные вѣтры, которые бываютъ особенно сильны въ апрѣлѣ и маѣ. Они-то и поднимаютъ большинство „кара-бурановъ“ или черныхъ бурь, во время которыхъ тучи песку и пыли превращаютъ день въ ночь. Въ мартѣ и іюнѣ къ нимъ присоединяются „сарыкъ-бураны“, т. е. желтыя бури; эти послабѣе, но тоже обладаютъ значительной силой передвиженія. Въ теченіе остальныхъ мѣсяцевъ вѣтры дуютъ гораздо рѣже и съ разныхъ сторонъ.

25 января я констатировалъ, что барханъ въ теченіе 45 минутъ былъ передвинутъ довольно сильнымъ юго-западнымъ вѣтромъ на 11.9 сантим. къ сѣверо-востоку. Ночью вѣтеръ переизмѣнился, и барханъ снова передвинулся къ юго-западу на 91 сантим. въ теченіе девяти часовъ.

Если предположить, что сильный сѣверо-восточный вѣтеръ дуетъ въ теченіе всего 24 дней въ году, притомъ цѣлый день непрерывно и въ теченіе дня передвигаетъ барханъ на 2 метра къ юго-западу, въ годъ барханъ передвинется приблизительно на 50 м. Такимъ образомъ понадобилось-бы тысячу лѣтъ для того, чтобы барханъ достигъ того пункта на югѣ, куда заходитъ песокъ теперь.

Къ этому надо прибавить, что я беру максимальное число бурановъ въ году и опредѣляю этимъ лишь минимальную древность города, но такъ какъ барханы не двигаются прямо къ югу, а къ юго-западу, то это обстоятельство еще прибавляетъ городу лѣтъ 500.

Если-же еще принять во вниманіе менѣе сильные вѣтры, которые дуютъ въ обратномъ направленіи, то придется на-

кинуть еще лѣтъ 500. Но къ этой темѣ я еще вернусь, когда разработаю привезенный мною матеріаль, метеорологическіе журналы и пр., и когда въ рукахъ у меня будутъ точныя цифры.

Наконецъ, можно съ увѣренностью утверждать, что жители города, исповѣдовавшіе буддійскую религію, были арійскаго происхожденія. Вѣроятно, они явились изъ Индостана и, можетъ быть, и подали поводъ къ многочисленнымъ легендамъ о народахъ Тогда-рашидъ, Нокта-рашидъ, противъ которыхъ по преданіямъ воевалъ Сеидъ Арсланъ (Урданъ Падишахъ). Можетъ быть, и этотъ городъ процвѣталъ въ одно время съ Буразаномъ.

Въ связи съ этимъ я хочу сказать нѣсколько словъ о самыхъ барханахъ. Основаніе ихъ имѣетъ первоначально форму полумѣсяца; выпуклая сторона его и пологій склонъ бархана приходятся съ навѣтренной стороны, вогнутая же сторона и крутой ея склонъ подъ вѣтромъ. Съ подвѣтренной же стороны приходятся и рога полумѣсяца, понижающіеся и заостряющіеся къ концамъ.

Въ области сплошнаго песку эта первоначальная форма кисагается: барханы сливаются одинъ съ другимъ, но строеніе ихъ всегда одинаково, и на всемъ переходѣ сохраняется одна и та же форма. Подвѣтренный склонъ падаетъ всегда подъ угломъ 33° ; уклоненія бываютъ развѣ весьма незначительныя. Навѣтренный склонъ падаетъ подъ углами отъ 20° до 1° , и даже до 0° и— 10° , другими словами, навѣтренный склонъ часто представляется нависшимъ у гребня бархана. Если начать рыть яму у подножія подвѣтреннаго склона, то сверху тоже начинается осыпаться песокъ, и мало по малу образуется борозда до самаго гребня.

Такъ какъ песокъ здѣсь спрессованъ силою вѣтра особенно плотно, то по достиженіи линіи гребня здѣсь обнаруживается двоякая внутренняя структура, соответствующая склонамъ бархана и выражающаяся въ расположеніи песка параллельно этимъ склонамъ. Эта структура подобна спайности кристалла и проходитъ черезъ весь барханъ.

Тонкая красивая рябь на поверхности бархана является вторичной поверхностной структурой, совершенно независящею отъ внутренней. Эта мелкая рябь, при средней ско-

рости вѣтра 24 сантим. въ часъ, движется впередъ съ гораздо большею скоростью, нежели самый барханъ, такъ какъ образуетъ эту рябь движимый вѣтромъ летучій песокъ. Когда этотъ летучій песокъ достигаетъ линіи гребня, то пересыпается на подвѣтренную сторону, гдѣ вообще всегда и бываетъ болѣе рыхлымъ, такъ какъ осѣдаетъ лишь въ силу собственной тяжести, а не прессуется давленіемъ вѣтра.

Взобраться на такой подвѣтренный склонъ съ верблюдами невозможно, и, встрѣчая на пути барханъ, обращенный къ вамъ подвѣтраннымъ склономъ, вы должны обходить его. Въ промежуткахъ между барханами песокъ также рыхлъ, и ноги верблюдовъ уходятъ въ него иногда на 2 десим. Мы и старались всегда, по возможности, держаться линій гребней, такъ какъ тамъ ноги животныхъ уходили въ песокъ не болѣе, какъ на 1 сантим.

Такъ часто упоминавшіеся вначалѣ „даваны“ суть нагроможденія безчисленныхъ подобныхъ бархановъ и, повидимому, простираются во всю ширину пустыни. Каждый даванъ съ примыкающими впадинами имѣетъ около 2 килом. ширины. Общій профилъ мѣстности представляетъ зубчатую волнистую линію, — зубьями служатъ барханы, а волнами нагроможденія.

Вѣроятно, эти послѣднія находятся въ извѣстной зависимости отъ конфигураціи поверхности, и такъ какъ они въ этой части пустыни расположены на сѣверѣ и на югѣ, то весьма возможно, что они или приурочены къ прежнимъ русламъ рѣкъ, или что песокъ преимущественно громоздился на такихъ полосахъ поверхности, которыя не затоплялись въ то время, когда рѣки мѣняли свои русла.

Въ старомъ городѣ распростились съ нами наши проводники, ставшіе ненужными, и повернули назадъ по нашимъ слѣдамъ съ тѣмъ, чтобы останавливаться на привалы около вырытыхъ нами колодцевъ.

25 января мы прошли 8 давановъ, самое большее 25 м. высоты; подъ вечеръ нашли воду на глубинѣ 1.87 м.

На слѣдующій день песокъ сталъ глубже, идти становилось все труднѣе, но мы всетаки прошли 8 давановъ. Переваливъ черезъ восьмой, мы нашли во впадинѣ массу кустовъ тамариска и умирающаго камыша, что весьма и соблазняло

насъ разбить лагерь, хотя мы и прошли въ этотъ день еще немного. Къ востоку высился колоссальный давангъ, казавшійся въ туманѣ далекою горою.

Посовѣтовались и рѣшили, однако, посмотрѣть, что будетъ за этимъ даваномъ. Высота его равнялась 40 м., и переходъ черезъ него оказался страшно труднымъ. Люди упали духомъ, верблюды еле брели, ослы порядкомъ отставали.

Наконецъ, мы достигли гребня. Вотъ такъ сюрпризъ! Впереди ни одного давана больше! Далеко-то, впрочемъ, мы не могли видѣть изъ за пыльнаго тумана, носившагося въ воздухѣ послѣ послѣдняго бурана. Скоро мы наткнулись на слѣдъ лисицы, нашли мертвую утку; кусты тамариска и другіе растенія пустыни попадались все чаще. Мы съ радостью замѣчали, какъ толща песку становилась все тоньше; вотъ показались слѣды лошадей и людей, мы вышли на равнину, поросшую тополевымъ лѣсомъ, наткнулись на брошенный шалапъ, состоявшій изъ крыши, покоящейся на нѣсколькихъ столбахъ и, наконецъ, расположились на ночлегъ на берегу, около скованной толстымъ льдомъ Керіи-дарьи.

VIII.

Въ лѣсахъ Керіи-дарьи. Безвѣстное пастушье племя.

Итакъ, мы благополучно совершили переходъ черезъ эту часть пустыни и достигли рѣки. Тучная растительность береговой полосы восхищала наши взоры, не встрѣчавшіе въ теченіе цѣлой недѣли ничего, кромѣ желтаго песку. Ширина рѣки около нашего лагеря равнялась 32 м.; рѣка была покрыта толстой ледяной корой; мы прорубили въ ней колодезь, болѣе обильный водой, чѣмъ тѣ, которые мы рыли въ пескѣ, и верблюды напились ледяной воды всласть.

Закололи послѣдняго барана, развели бивуачные огни, и всѣ чувствовали себя прекрасно; хорошее расположеніе духа не нарушалось даже тѣмъ, что густая пыльная мгла скры-

вала отъ насъ и окрестность и звѣздное небо. Шалапъ служилъ кому-то приютомъ не далѣе, какъ вчера, если судить по чуть тлѣвшимъ еще угольямъ отъ костра и свѣжимъ слѣдамъ, которые вѣтеръ не успѣлъ замести. Но людей нигдѣ не было видно.

На слѣдующій день, 27 января, мы направили путь къ сѣверу, вдоль лѣваго берега рѣки, занятые одной мыслью—поскорѣе найти проводника, чтобы добиться отъ него свѣдѣній относительно этой рѣки, на которой до сихъ поръ не бывалъ ни одинъ европеецъ и теченіе которой къ сѣверу отъ города Керіи обозначается на нашихъ картахъ лишь пунктиромъ.

Но нигдѣ не было и признака человѣческаго существованія. Часъ за часомъ подвигались мы по густому тополевому лѣсу, продирались сквозь частые кустарники, шагали по кучамъ валежника и засохшаго тростника, обходили барханы, которые порою подступали къ самому берегу, окаймляя лѣсную полосу.

Ледяная лента рѣки, извиваясь, тянется къ сѣверу и нерѣдко достигаетъ такой ширины, что напоминаетъ озеро, противоположный берегъ котораго исчезаетъ въ туманѣ. Часто мы пересѣкали тропинки, которыя скоро опять исчезали въ чащѣ, видѣли безчисленные слѣды дикихъ кабановъ, зайцевъ, лисицъ, оленей, ланей, домашнихъ овецъ, а иногда и отпечатокъ голыи ступни человѣческой, но окрестность оставалась попрежнему пустынной, безмолвной. Ниоткуда не слышалось ни звука.

Слѣды людей и овецъ шли къ югу, и мы опасались, что пастухи въ это время года, пожалуй, держатся ближе къ Керіи, и мы не встрѣтимъ поэтому никого.

День, а съ нимъ и переходъ нашъ, близился къ концу, когда намъ недалеко отъ рѣки предстояло пересѣчь камышевую заросль, окруженную частымъ лѣсомъ.

Вдругъ послышалось блеяніе овецъ, и мы увидѣли большое стадо, разсыпавшееся въ камышахъ, достигавшихъ высоты человѣческаго роста. Тутъ, наконецъ, должны были найтись и люди. Мы принялись кричать и свистать, но никто не отзывался, никто не показывался.

Тогда всѣ четверо людей разбрелись по лѣсу, а я остался ждать около верблюдовъ. Прошло съ полчаса, и Ахметъ Мер-

генъ вернулся, ведя съ собой пастуха и его жену. Оказалось, что они, испугавшись нашего появленія, сломя голову кинулись въ чащу и спрятались. Скоро, однако, они успокоились и проводили насъ къ своей „сатмѣ“ (шалашъ изъ камыша), гдѣ мы всѣ вмѣстѣ и провели ночь. Пастухъ былъ осыпанъ вопросами, весь небогатый запахъ его свѣдѣній былъ исчерпанъ до дна и занесенъ въ мою записную книжку.

„Тебя какъ зовутъ?“ спросилъ я и услышалъ въ отвѣтъ: „Гуссейнъ и Гассанъ!“ — Я былъ удивленъ двойнымъ именемъ, и пастухъ объяснилъ, что имя Гассанъ принадлежитъ собственно его брату-близнецу, живущему въ Керіи, но онъ, въ виду того, что они близнецы, пользуется обоими именами. Гуссейнъ сообщилъ также, что вдоль всего теченія рѣки къ сѣверу идутъ расположенные другъ отъ друга въ значительныхъ разстояніяхъ стойбища пастуховъ, пасущихъ стада „баевъ“ Керійскихъ.

Стада состояли изъ 300—2000 головъ. Каждый пастухъ имѣлъ свой лѣсной участокъ, за предѣлы котораго не имѣлъ права выходить. Въ этомъ участкѣ онъ проводилъ круглый годъ, переходя съ мѣста на мѣсто и оставаясь на каждомъ отъ 10 до 20 дней, пока хватало подножнаго корму для стада. Въ распорядженіи Гуссейна было свыше 13 „агыловъ“ или стойбищъ, расположенныхъ другъ отъ друга въ разстояніи двухъ дней пути.

Владѣлецъ стада проживалъ въ Керіи и наѣзжалъ въ лѣсъ два раза въ годъ, весной и осенью, для стрижки и счета овецъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привозилъ для пастуха маисовую муку и прочее продовольствіе на полгода. Самъ же Гуссейнъ бывалъ въ городѣ разъ въ два года, хотя городъ и находился отъ того пункта (Кочкоръ-агылъ), гдѣ мы достигли рѣки, всего въ 4 дняхъ пути. Дальше по теченію рѣки мы встрѣчали пастуховъ, которые бывали въ Керіи всего разъ въ жизни; попался даже одинъ такой, который, несмотря на свои 35 лѣтъ отъ роду, ни разу не бывалъ въ городѣ и не могъ даже представить себѣ, что такое городъ или базаръ.

Въ лѣсахъ Керіи-даръи проживаетъ такимъ образомъ около 150 человекъ, живущихъ въ своемъ особенномъ замкнутомъ міркѣ, вдали отъ проѣзжихъ дорогъ, отъ всякаго начальства.

Пастухи видятъ только своихъ ближайшихъ сосѣдей, да баевъ, проѣзжающихъ въ свои агылы, и поэтому крайне робки и полудики, настоящіе лѣсные дикари. Они не знаютъ и не умѣютъ ничего другого, кромѣ какъ пасти стада, стричь овецъ, отыскивать для нихъ хорошія пастбища, срѣзывать для нихъ молодые побѣги, доить ихъ и во время отнимать ягнятъ отъ матокъ. Еще они умѣютъ печь листовый хлѣбъ, мастерить себѣ шалаши и рыть колодцы, когда рѣка пересыхаетъ или когда они со стадами заходятъ далеко отъ нея. „Китмень“ (заступъ) и „балта“ (топоръ) поэтому у нихъ главныя орудія. Топоръ они всегда носятъ за спиною, заткнутымъ за поясъ.

Въ области Хотанъ-дарьи пастухи живутъ бобылями безъ женъ и дѣтей, которыя остаются въ Хотанѣ, что меня очень удивляло. Но по Хотанъ-дарьѣ идетъ торговый, хотя и не очень бойкій, трактъ. Тамъ ѣздятъ и китайцы, и пастухи побаиваются со стороны послѣднихъ слишкомъ вольнаго обращенія съ туземными женщинами.

На Керіи-дарьѣ дѣло обстоитъ иначе. Тутъ не пролегаетъ никакого пути, и пастухи живутъ здѣсь со своими семьями. Жизнь Гуссейна съ женою — бездѣтной четы — напоминала своей уединенностью и простотою жизнь прародителей Адама и Евы, съ тою лишь разницею, что пастухъ и его подруга ходили съ головы до пятъ одѣтыми въ овечьи шкуры.

Относительно рѣки Гуссейнъ сообщилъ, что воды ея выше Керіи распредѣляются на множество арыковъ, которые орошаютъ окрестныя поля, вслѣдствіе чего самая рѣка почти пропадаетъ. Это-то обстоятельство отчасти и послужило причиною, что никому изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Керію (Пржевальскій, Пѣвцовъ, Громбчевскій, Дютрейль де-Ринъ, Литледель) и не вздумалось сдѣлать экскурсію внизъ по рѣкѣ. На картахъ всѣ они, кромѣ Пѣвцова, и показали ея теченіе черезчуръ короткимъ.

За городомъ, между тѣмъ, излишекъ воды изъ арыковъ образуетъ множество обильныхъ водою потоковъ, которые вновь и питаютъ рѣку. Туземцы утверждаютъ поэтому, что Керія-дарья, чѣмъ дальше, тѣмъ больше богатѣетъ водою, хотя и слѣдовало бы ожидать обратнаго; утвержденіе это, разумѣется, справедливо, лишь отчасти.

Въ іюнѣ и іюлѣ, когда снѣгъ и ледъ таютъ въ горахъ

Тибета, по руслу рѣки струится масса воды, но глубина ея всетаки такъ не велика, что повсюду найдутся мѣста, гдѣ можно перейти рѣку вбродъ.

Эта масса воды не попадаетъ въ арыки, и называется „акъ-су“, т. е. бѣлая вода, такъ какъ происхожденіемъ своимъ обязана горнымъ снѣгамъ, и въ противоположность „кара-су“ — черной водѣ, которую приносятъ источники. Осенью вода въ рѣкѣ быстро спадаетъ, а въ концѣ ноября покрывается льдинами, которыя громоздятся одна на другую, такъ что рѣка кажется шире, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Теперь рѣка находилась какъ разъ въ такомъ періодѣ. Ожидали, что она тронется недѣли черезъ три, если погода простоитъ ясная и тихая; иначе ледъ могъ продержаться еще дольше. Во время вскрытія разливъ воды причиняетъ иногда немалыя опустошенія. Послѣ того русло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ остается сухимъ, такъ что пастухамъ приходится выкапывать колодцы. Однимъ словомъ, Керія-дарья отличается тѣми же свойствами, какъ и ея сосѣдка, Хотанъ-дарья, но далеко уступаетъ послѣдней обиліемъ воды и протяженіемъ.

Гуссейнъ отправился къ югу, мы къ сѣверу, держась русла, оставленнаго рѣкою 15 лѣтъ тому назадъ; рѣка положила себѣ въ 3 километрахъ новое, по которому и течетъ на протяженіи полуторыхъ дней пути. Итакъ, и эта рѣка обнаруживаетъ стремленіе переимѣниться къ востоку.

Новый рукавъ проложилъ себѣ путь въ бесплодномъ пескѣ; вся растительность — лѣса и камышевыя заросли остались около стараго русла, питаясь грунтовыми водами. Но настанетъ время, когда корни уже не будутъ доставать до нея, когда песокъ возьметъ верхъ, и лѣсъ умретъ, превратится въ „кѣтекъ“, какой нашли мы около развалинъ. Новое же русло обростетъ мало по малу молодымъ лѣскомъ.

Вечеромъ 28 января мы встрѣтили около Курукъ-акина (сухое русло) новыхъ пастуховъ. Ихъ было трое, и пасли они стадо въ 400 головъ. И у этихъ пастуховъ повыпытали все, что они только знали. Владѣльцемъ овецъ былъ ихъ отецъ. Имъ предоставлено было право заколотъ въ годъ для своего пропитанія до 20 овецъ; кромѣ того въ ихъ пользу должны были поступать всѣ овцы и ягнята, которыхъ зарѣжутъ волки

или кабаны, или которыя поломають себѣ ноги и вообще стануть негодными. Такимъ путемъ выбываетъ изъ стада обыкновенно овецъ 15 въ годъ.

Тѣмъ не менѣе стадо въ 400 головъ вырастаетъ за три года въ 550 головъ. Но такъ какъ лѣсной участокъ владѣльца въ состояніи прокормить не больше 400 овецъ, то ежегодно продають отъ 60 до 70 овецъ въ Керію. Деньги, выручаемыя отъ этой продажи, да шерсть, снимаемая два раза въ годъ, и составляютъ годовою доходъ владѣльца отъ своего стада. Лучшая овца стоитъ въ Керіи около 1½ рублей, но и за 50 коп. можно приобрести порядочную.

Отдохнувъ день, мы продолжали путь дальше на сѣверъ. Теперь недостатка въ проводникахъ не было, и насъ постоянно велъ черезъ лѣсъ какой-нибудь пастухъ. Часто приходилось намъ продираться сквозь такія чащи, гдѣ верблюды еле пробирались, а мнѣ то и дѣло приходилось остерегаться, чтобы какая нибудь вѣтка или сукъ не содрали съ меня кожу.

30-го миновали мѣсто, гдѣ старое и новое русло снова соединяются. Рѣка представляла здѣсь величественное зрѣлище; ширина ея превосходила 100 м.; толщина льда достигала 36 сантим.; ледъ мѣстами блестѣлъ какъ зеркало, мѣстами былъ слегка запорошенъ пылью. Атмосфера въ теченіе 10 дней оставалась насыщенной этой тончайшей пылью, которую вздымають первые весенніе вѣтры; она долго носится въ воздухѣ прежде, чѣмъ опять осядетъ на поверхность земли.

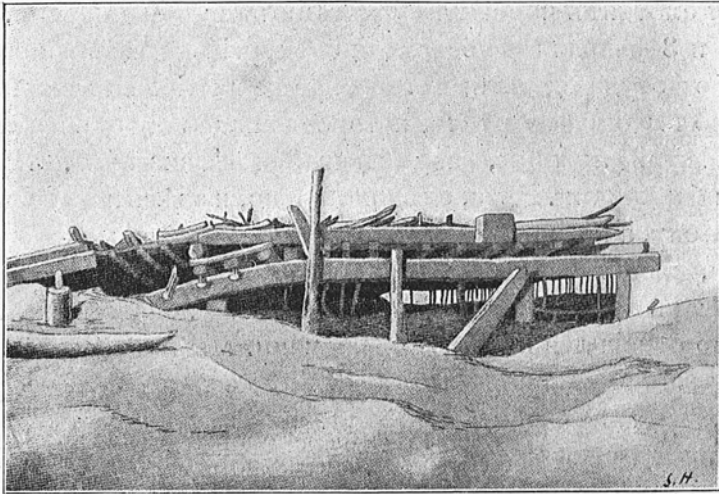
Пыльные туманы въ это время года — обычное, но мало пріятное для пастуховъ, явленіе. Пыль покрываетъ тончайшимъ налетомъ каждую былинку, и у овецъ, поѣдающихъ пыльную траву, начинается першить въ горлѣ. Пыль проникаетъ всюду и покрываетъ всѣ предметы. Желтые песчаные барханы становятся отъ нея бѣлыми, и слѣды, оставленные на пескѣ, бываютъ видны издалика, выступая темной линіей.

1-го февраля рѣка явно выразила стремленіе завернуть къ сѣверо-востоку. — У меня же былъ планъ пересѣчь всю эту часть пустыни Гоби съ юга на сѣверъ и попытаться достигнуть р. Тарима, поэтому я съ нѣкоторой тревогою наблюдалъ уклоненіе рѣки вправо. Быть можетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ оно будетъ сильнѣе; пожалуй, въ концѣ концовъ, рѣка пойдетъ параллельно Тариму къ Лобъ-нору, но, разумѣется, не достиг-

нетъ этого озера! Съ каждымъ днемъ вопросъ все обострялся: удастся ли наша экспедиція или мы принуждены будемъ вернуться обратно по собственнымъ слѣдамъ?

Въ этотъ день мы достигли области Юганъ-кумъ, вполне оправдывающей свое названіе: мощный песокъ. Высокіе голые барханы отвѣсно спускаются здѣсь въ рѣку. У южной же ихъ подошвы простиралась степь, гдѣ мы снова встрѣтили пастуховъ. Одинъ изъ нихъ проводилъ насъ дальше, до лѣсной области Тонкузъ-басте (подвѣшенный кабанъ).

Здѣсь проживали двѣ пастушьи семьи, образовавшія

Деревянный фундаментъ сохранившійся въ древнемъ городѣ около Кара-дунъ.

(Съ рисунка автора).

настоящій лагерь дикарей вокругъ костра, подъ открытымъ небомъ. Матери были окружены ребятами, все одѣяніе которыхъ состояло изъ распахнутаго тулупчика. По близости лагеря паслось 300 овецъ. Еще имѣлся въ лагерѣ пѣтухъ, три курицы, голубь и пара собакъ.

Тутъ же на землѣ были разбросаны ихъ пожитки: разная деревянная посуда для печенія хлѣба, доенія овецъ и трапезъ. Вода хранилась въ кожаныхъ мѣшкахъ и ведрахъ, выдолбленныхъ изъ тополевыхъ пней. Муку держали въ мѣшкахъ. Лежали здѣсь еще пара кунгановъ (мѣдныхъ кувшиновъ), нѣсколько ножей, ножницы, деревянные ложки, „дугарь“

(двухструнный инструментъ), войлочные ковры, котелъ, сито изъ конскихъ волосъ для процѣживанья молока и кое какая одежда.

Двое изъ мужчинъ носили оригинальную обувь, которую намъ пришлось видѣть здѣсь впервые: подошвы дикаго верблюда цѣликомъ съ когтями. Пастухи и ихъ семьи скоро перестали дичиться насъ и позволили срисовать съ себя портреты.

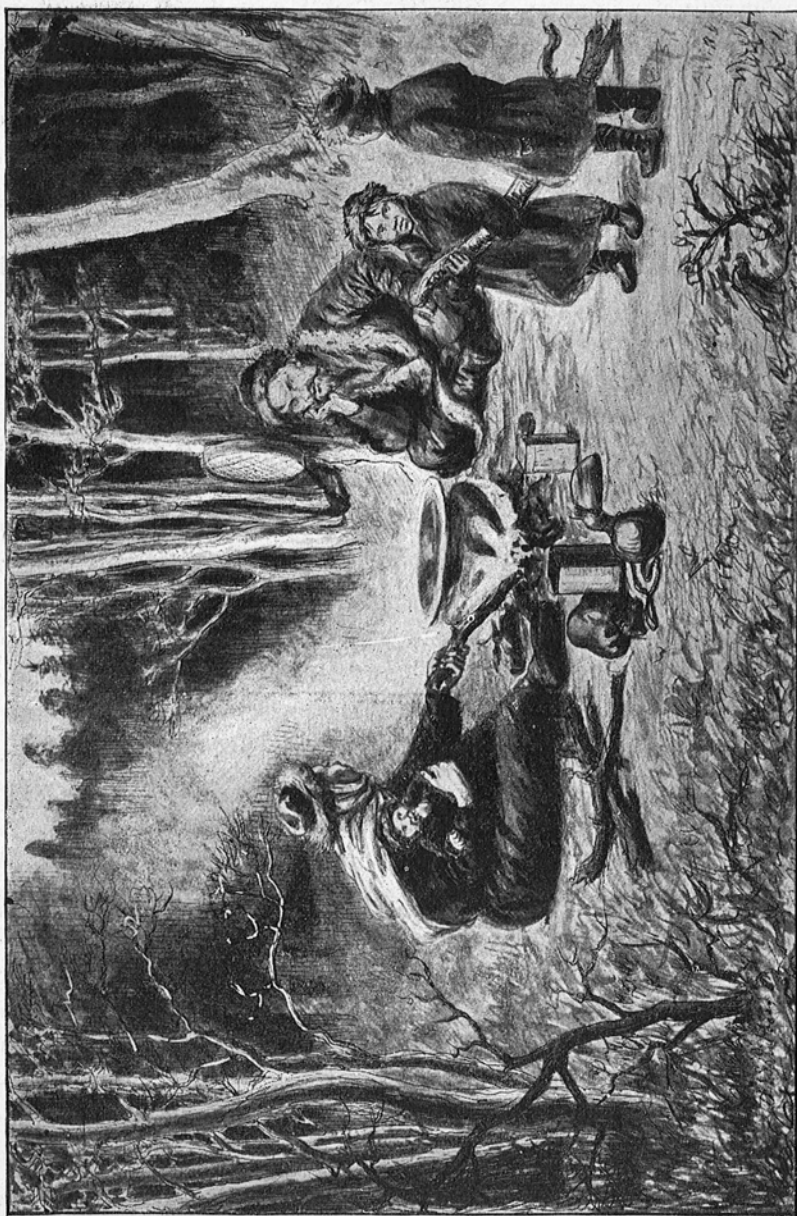
Эти пастухи дали намъ важное указаніе, что въ днѣ пути къ сѣверо-западу погребены въ пескѣ развалины еще одного древняго города. Они называли его Кара-дунъ (черный холмъ): нѣкоторые изъ бархановъ поросли кустами тамариска, которые издали смотрять черными силуетами на желтомъ пескѣ.

2 и 3 февраля и посвятили экскурсіи на развалины. Уже по дорогѣ туда сдѣлали интересное открытіе. Мы ѣхали какъ разъ по высохшему руслу, которое неподалеку отъ небольшой солоноватой лужицы, называющейся Сызма-куль, терялось между барханами. Рѣка, слѣдовательно, и здѣсь перемѣстилась къ востоку, а когда-то она, какъ видно, струилась около самаго города, представляющаго нынѣ однѣ развалины.

Этотъ городъ занималъ меньшую площадь, нежели первый, но относился къ тому-же времени. Мы нашли здѣсь такіе-же образчики стѣнной живописи, но менѣе хорошо сохранившіяся, ту-же архитектуру и тотъ-же строительный матеріалъ. Одна почти квадратная постройка, стѣны которой имѣли въ длину 85 и 76 м. напоминала караванъ-сарай; внутри находился дворъ, а посреди двора еще четырехугольная постройка меньшихъ размѣровъ. Отъ другой постройки удивительно хорошо сохранились стропила. Чегонибудь особенно замѣчательнаго мы не нашли, но хорошо познакомились со способомъ постройки домовъ, связью стропиль и устройствомъ очага. Ось отъ арбы свидѣтельствовала, что здѣсь когда-то пролегалла проѣзжая дорога. Нашли также множество черепковъ глиняной посуды.

Пастухи и охотники изъ области Хотанъ-дарьи знали эти развалины; такъ однажды ходилъ сюда съ Хотанъ-дарьи мой слуга Касимъ и провелъ въ пути 5 дней. Но удивительное дѣло! Имъ никогда не приходило въ голову продолжать путь къ востоку еще въ теченіе одного дня, — тогда-бы они нашли воду, людей, говорившихъ однимъ съ ними языкомъ, овецъ,

хлѣбъ и все, въ чемъ нуждались. Имъ удавалось проводить на развалинахъ, гдѣ они по обыкновенію искали сокровищъ,

Пастушье стойбище въ Тонкузъ-бастъ.
(Съ рисунка Липберга).

не болѣе дня, такъ какъ они не могли захватить съ собой воды и хлѣба на одномъ ослѣ болѣе, чѣмъ на 10 дней. Обитатели лѣсной полосы около Керии-дарьи тоже бывали на развали-

нахъ, но никогда не встрѣчались тамъ съ хотанъ-дарьинцами. Этимъ отчасти и объясняется, что первые не слыхали о Хотанъ-дарьѣ, а вторые не знаютъ Керіи-дарьи. И тѣ и другіе называютъ развалины „Кара-дунъ“ по характернымъ кустамъ тамариска, похожимъ издали на черныя пятна.

Вернувшись къ рѣкѣ, мы продолжали путь внизъ по ея теченію. Теченіе становилось все болѣе неправильнымъ. Отъ главной рѣки отдѣлялись узкіе рукава и образовывали около береговъ болота.

Недалеко отъ Тонкузъ-басте рѣка мѣстами дѣлилась на два расходящихся рукава. Пастухи сообщили, что лѣтъ 6—8 тому назадъ вся водная масса устремлялась по правому, восточному руслу, а затѣмъ перемѣстилась въ лѣвое, по которому текла еще и теперь. Лишь въ этомъ году часть зимней воды снова начала струиться по восточному рукаву, и полагали, что туда-же направится вода и во время лѣтняго половодья.

Оба русла такимъ образомъ періодически мѣняются ролями. Ежегодно вода наноситъ илу и песку, который осаждается на ложѣ, образуя слой толщиною въ ширину ладони. Ложе вслѣдствіе этого подымается настолько, что вода принуждена искать другого пути. Такимъ образомъ уровень воды въ обоихъ руслахъ періодически мѣняется. Около конечнаго пункта восточнаго рукава, который также обросъ по берегамъ лѣсомъ, и въ 4 дняхъ пути отъ лѣсной области Катакъ находится нѣсколько небольшихъ соленыхъ озеръ.

Я упоминаю объ этомъ обстоятельстве для того, чтобы примѣромъ пояснить, съ какою легкостью водные потоки мѣняютъ въ этой мѣстности свое направленіе. Дальше мы встрѣтимъ тѣ же условія въ области Лобъ-нора. Но здѣсь, въ области Керіи-дарьи мѣняетъ положеніе рѣка, а тамъ озеро.

4 февраля мы посѣтили пастуховъ въ лѣсной области Арка-чатъ (задній островъ или полоса земли между двумя рукавами). На слѣдующій день поверхность сильно измѣнилась; рѣка отдѣляла отъ себя на обѣ стороны все больше и больше рукавовъ, которые, словно узенькія, извивающіяся, порой отрѣзанныя отъ главной рѣки, ледяныя ленточки, пропадали въ лѣсу.

Какъ полоса лѣса, такъ и камышевая опушка, становилась все шире. Мы шли какъ будто по тропической дельтовой об-

ласти; на горизонтѣ, насколько хваталъ глазъ, не было и признака бархановъ.

Какъ-же далеко къ сѣверу могли продолжаться столь благопріятныя для нашей экспедиціи условія поверхности? Не сливаются ли эти лѣса съ лѣсами Тарима? Вотъ вопросы, неотступно стоявшіе передо мною. Мы ежедневно встрѣчали пастуховъ, но они не могли ничего сказать относительно дальнѣйшаго протяженія рѣки къ сѣверу. Вечеромъ 5 февраля мы расположились лагеремъ около Чугутмека, въ стойбищѣ четырехъ пастуховъ, пасшихъ 800 овецъ и 6 коровъ.

6 февраля мы достигли Сарыкъ-кетме, гдѣ рѣка имѣла 79 м. ширины, и, судя по ея общему виду, можно было думать, что ей еще долго конца не будетъ. Замѣчательно, что мощная Хотанъ-дарья, которая лѣтомъ катитъ черезъ пустыню Такламаканъ такія огромныя массы воды и, соединяясь съ Яркендъ и Акъ-су-дарьей, образуетъ Таримъ, зимою такъ иссыхаетъ, что узкая ледяная лента ея совсѣмъ обрывается къ югу отъ Буксама, т. е. около того пункта, гдѣ я въ прошломъ году достигъ рѣки.

Дѣло въ томъ, что она питается исключительно горными потоками, получающимися при таяніи снѣговъ и ледниковъ сѣвернаго Тибета, тогда какъ менѣе значительная Керія-дарья даже осенью и зимою получаетъ значительное подкрѣпленіе изъ источниковъ.

Тѣмъ не менѣе и этой рѣкѣ, которая была для насъ до сихъ поръ неоцѣнимымъ путеводителемъ въ пустынѣ, вскорѣ предстояло быть побѣжденной песками. Достигнувъ 7 февраля лѣсной области Катакъ, мы узнали, что намъ остается идти по рѣкѣ всего въ теченіе полуторыхъ дней, а затѣмъ мы вступимъ въ область голаго песку.

Мы остановились здѣсь на день, пользуясь гостепримствомъ стараго Магометъ-бая, истинно комическаго персонажа, который всю свою жизнь провелъ въ лѣсу и даже не зналъ, кто теперь владѣетъ страной — Якубъ-бекъ или китайцы. Эти лѣсные жители свободны отъ податей и вслѣдствіе этого отъ всякаго сношенія съ китайскими властями. Пожалуй, китайцы и не подозрѣваютъ, что лѣса Керіи-дарьи населены, иначе, навѣрное, и эти туземцы не избѣгли-бы посѣщеній сборщиковъ податей.

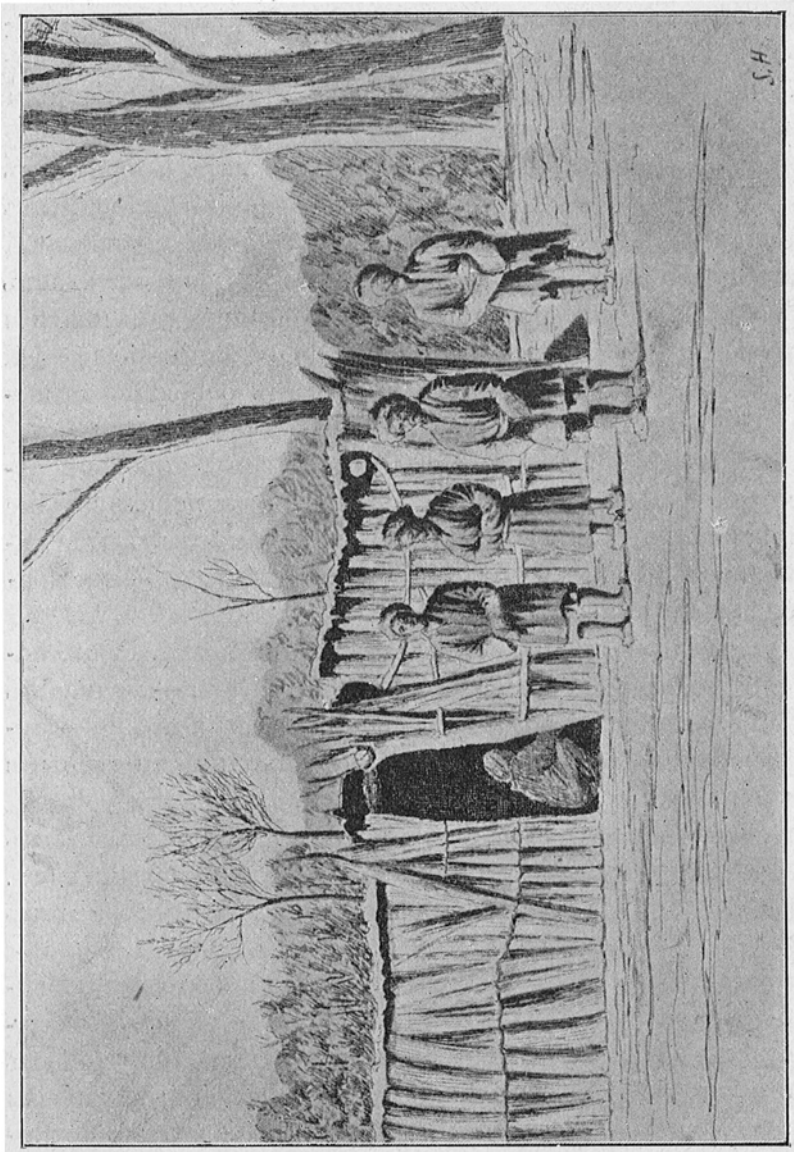
Между прочимъ, насъ здѣсь удивили сообщеніемъ, что три года тому назадъ изъ-за рѣки явился тигръ и зарѣзалъ корову. Магометъ-бай и его пастухи унесли остатки животного въ свой лагерь, желая воспользоваться шкурой, а затѣмъ вернулись къ овцамъ, чтобы загнать ихъ въ загонъ. Въ ихъ отсутствіе тигръ вернулся и докончилъ свою трапезу, несмотря на то, что зарѣзанная корова лежала около самага костра.

Магометъ-бай.
(Съ рисунка автора).

Слѣды показали, что звѣрь ушелъ затѣмъ на сѣверъ. Но черезъ нѣсколько дней онъ опять вернулся и направился къ востоку въ пустыню. Вообще-же въ этихъ мѣстахъ тигръ крайне рѣдкое явленіе. Насъ это сообщеніе о тигрѣ очень оживило, такъ какъ мы предположили, что тигръ появился изъ окрестностей Шахъ-яра на Таримѣ, въ лѣсной области котораго водятся тигры. Но старикъ сомнѣвался въ этомъ и сообщилъ, что песокъ дальше къ сѣверу образуетъ высокія

нагроможденія, и что, если вообще тамъ на сѣверѣ и есть рѣка по имени Яркендъ-даря или Таримъ, то ужъ, навѣрно, до нея не менѣе двухъ мѣсяцевъ пути. Въ теченіе тѣхъ 35 лѣтъ,

Сатма Магомета-бая въ Катакѣ.
(Съ рисунка автора).

что онъ живетъ въ этой области, воды въ рѣкѣ нисколько не убавилось, но песку стало больше, и онъ сильно напираетъ на лѣсъ. По соображеніямъ Магометъ-бая песчаная пустыня

простиралась къ сѣверу „до самаго конца свѣта, до котораго и было около трехъ мѣсяцевъ пути“.

Совершенно отрѣзанный со своей семьей — женой, сыновьями и внучатами отъ внѣшняго міра, Магометъ-бай, однако, сохранилъ свою магометанскую религію и неукоснительно исполнялъ всѣ ея обряды. „Не дѣлай я этого“ — пояснялъ онъ: — „волки или дикіе кабаны давно-бы покончили съ моими овцами“.

Покровителемъ своимъ эти лѣсные жители считаютъ Хазретъ-и-Музу (Моисея), который, по преданіямъ, самъ былъ пастухомъ, и ежедневно молятся ему. Они не знаютъ названій мѣсяцевъ и дней, по родного языка, который сопровождаетъ людей на край свѣта, не забыли; по разговору они почти и не отличаются отъ своихъ родичей, разбросанныхъ по всей странѣ. Можно подмѣтить лишь нѣкоторыя особенности выговора и сравнительную бѣдность языка.

Я высказалъ Магометъ-баю, что, по моему, хорошо пользоваться такой неограниченной свободой и, главное, знать-не знать никакихъ китайскихъ властей, и онъ отвѣтилъ, что считаетъ волковъ и дикихъ кабановъ такими-же жестокими врагами, какъ и китайцевъ.

9 февраля мы направились дальше къ сѣверу. Рѣка, которая еще около Катака имѣла въ ширину 84 м. — правда въ томъ мѣстѣ, гдѣ она образуетъ озеровидное расширеніе — сузилась теперь до 15 м. и текла между непроходимыми лѣсными чащами медленно, крупными извилинами.

Вечеромъ мы расположились лагеремъ въ пустынѣ, такъ какъ послѣднія пастушья стойбища остались уже позади насъ. Здѣсь рѣка походила на ручеекъ, шириною въ 5 м.; притокъ воды въ ней едва достигалъ 1 куб. м. въ секунду.

На слѣдующій день послѣдній нашъ проводникъ повернулъ обратно, а мы продолжали путь, руководясь этой изсыхающей полоской воды, продираясь съ помощью топора сквозь чащи тамариска, пересѣкая небольшія камышевыя заросли или шагая между поросшими рѣдкой растительностью барханами.

Сердце у меня сжалось, когда мы, наконецъ, дошли до того мѣста, гдѣ рѣка погибала въ неравной борьбѣ съ песками и гдѣ полоска хрупкаго пористаго льда обрывалась. Въ тече-

ніе цѣлаго дня мы, однако, еще безъ труда руководились сухимъ руслемъ рѣки, которое наполняется водой лишь въ лѣтнее половодье. Русло это было узко и глубоко; по берегамъ росъ лѣсъ, настолько частый, что путь въ немъ можно было проложить лишь огнемъ.

Тамъ и сямъ въ чащѣ виднѣлись проходы, вродѣ туннелей, проложенные къ рѣкѣ дикими кабанами. Ландшафтъ нѣсколько напоминалъ каналы, вырытые между сплошными рядами темныхъ финиковыхъ пальмъ около Басры.

Вечеромъ 10 февраля мы расположились лагеремъ въ самомъ руслѣ, гдѣ вырыли колодезь и нашли воду на глубинѣ 1.85 м., здѣсь-же въ послѣдній разъ слышали мы, какъ вѣтеръ шуршалъ желтой, высохшей листвою, опавшей съ тополей осенью. Затѣмъ опять со всѣхъ сторонъ объялъ насъ вѣчный песокъ, и намъ предстояло еще разъ помѣряться съ нимъ силами.

ІХ.

Родина дикихъ верблюдовъ.

Странствуя по этой сказочной странѣ, я все время горѣлъ желаніемъ хоть разъ увидать дикаго верблюда. Но я и не мечталъ никогда познакомиться съ этимъ замѣчательнымъ животнымъ такъ близко, какъ это удалось мнѣ теперь. Вообще, хоть и я видѣлъ въ петербургскомъ музеѣ Акамедин наукъ чучело дикаго верблюда, привезенное Пржевальскимъ, и зналъ, что Литледэлю, Пѣвцову и его офицерамъ случалось подстрѣливать дикихъ верблюдовъ, я какъ-то не могъ освободиться отъ нѣкотораго скептицизма по отношенію къ этому животному, и оно все оставалось для меня почти мистическимъ существомъ.

Чтобы такимъ торжественнымъ вступленіемъ не ввести въ заблужденіе читателя, который, пожалуй, сочтетъ меня какимъ-то Немвродомъ, спѣшу добавить, что самъ я не застрѣлилъ ни одного дикаго верблюда. Во первыхъ, я вовсе не охотникъ, что, впрочемъ, отчасти и хорошо, такъ какъ можно употреблять время съ большею пользою, во вторыхъ, я близорукъ, что представляетъ большое неудобство: дичь

успѣваетъ скрыться прежде, чѣмъ я успѣю уловить тѣнь ея; наконецъ, въ третьихъ, будь я даже охотникомъ, я врядъ-ли рѣшился бы произвести выстрѣлъ въ такое животное, какъ дикій верблюдъ.

Но, приближаясь къ обѣтованной землѣ дикихъ верблюдовъ, самой внутренней и непроходимой части пустыни Гоби, я, конечно, не желалъ упустить случая пріобрѣсти шкуру этого животнаго, которую надѣялся когда нибудь привезти въ Стокгольмъ.

Моя собственная непригодность, какъ охотника, съ обыткомъ возмѣщалась охотничьими способностями Исламъ-бая и двухъ изъ моихъ людей, взятыхъ съ Хотанъ-дарьи. Они были отличными стрѣлками и сгорали желаніемъ узрѣть это животное, о которомъ лишь слыхали. Во время странствованія по лѣсамъ Керіи-дарьи у насъ только и разговору было, что о дикихъ верблюдахъ.

„Происходятъ дикіе верблюды отъ домашнихъ, которыхъ держали въ древнихъ городахъ“ — съ увѣренностью объяснялъ мой славный Ахметъ-Мергенъ, и я, при всемъ моемъ уваженіи къ Пржевальскому, склоняюсь на сторону Ахмета. Если судить по собранію найденныхъ мною около Буразана терракотовыхъ изображеній верблюдовъ, изображеній, которымъ, по всей вѣроятности, не менѣе 2 тысячъ лѣтъ, верблюдъ уже и въ тѣ древнія времена считался однимъ изъ главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ.

Да и вполне правдоподобно, что погребенные въ пустынѣ Такла-маканъ города вели съ Китаемъ и Индіей караванную торговлю на верблюдахъ. Когда-же песокъ сталъ грозно надвигаться на города, душисть растительность и запружать каналы, корабли пустыни, вѣроятно, находили массу удобныхъ случаевъ освободиться отъ ярма, надѣтаго на нихъ человѣкомъ. Размножившись на свободѣ, они теперь и водятся въ изобиліи и въ этой и въ другихъ частяхъ пустыни Гоби.

Какъ ни рискованно съ моей стороны высказывать такое предположеніе, я всетаки скажу, что если-бы удалось прослѣдить по восходящей линіи родъ нынѣшнихъ дикихъ верблюдовъ, мы не далѣе, какъ въ сотомъ поколѣніи, вернулись-бы къ домашнимъ. Приведу нѣкоторые доводы въ пользу этого предположенія.

Пржевальскій нашелъ дикихъ верблюдовъ въ области Астынъ-тага и около Лобъ-нора и выводитъ изъ своихъ наблюдений заключеніе, что нынѣшніе дикіе верблюды происходятъ прямо отъ дикихъ предковъ, но что, вѣроятно, нѣсколько разъ скрещивались съ домашними верблюдами, убѣжавшими на волю. Эти послѣдніе и оставили въ тѣхъ случаяхъ, когда были способны къ производительности, потомство, которое въ слѣдующихъ поколѣніяхъ уже ничѣмъ не отличалось отъ типа дикихъ. Въ томъ-же духѣ высказывается и докторъ Е. Ганъ въ своей книгѣ „Домашнія животныя“ (Die Haustiere).

Все сказанное относится, разумѣется, лишь къ тѣмъ верблюдамъ, которыхъ Пржевальскій видѣлъ самъ. Онъ, ясное дѣло, не могъ ничего сказать о верблюдахъ, водящихся въ области нижняго теченія Керіи-дарьи, такъ какъ и не подозревалъ о ихъ существованіи здѣсь, опредѣливъ районъ распространенія дикихъ верблюдовъ слѣдующимъ образомъ:

„По единогласнымъ утвержденіямъ жителей области Лобъ-норъ, настоящею родиною дикихъ верблюдовъ должна считаться песчаная пустыня Кумъ-тагъ, къ востоку отъ Лобъ-нора. Водится онъ и въ области нижняго теченія Тарима и въ Курукъ-тагѣ; въ области Черченъ-дарьи встрѣчается рѣдко, а къ западу отъ Хотана и вовсе не попадаетъ“.

Докторъ Ганъ пишетъ: „Родиною дикаго верблюда можно считать пустыни Центральной Азіи. Районъ распространенія всѣхъ животныхъ пустыни обыкновенно очень широкъ, и можно поэтому предполагать, что и дикій верблюдъ водился нѣкогда по всей обширной пустынной области отъ Западной Индіи и Сѣверной Персіи до Монголіи.“

„Гдѣ, когда и какимъ народомъ обращенъ верблюдъ въ домашнее животное, мы не знаемъ. Вѣроятно, приручили его кочевавшіе по пустынѣ племена, которыя, можетъ быть, тамъ и сямъ на оазисахъ занимались отчасти земледѣліемъ, но главнымъ образомъ жили охотой“.

Хотя описаніе дикаго верблюда, сдѣланное Пржевальскимъ, въ общихъ чертахъ подходитъ къ верблюдамъ, водящимся въ пустынѣ, къ сѣверу отъ Керіи-дарьи, нельзя, однако, прямо подвести послѣднихъ подъ одну категорію съ первымъ, такъ какъ, повидимому, районъ ихъ распространенія ограниченъ, и они не имѣютъ никакой связи съ лобъ-норскими вер-

блюдами. То, что относится къ одной группѣ, не можетъ быть безусловно отнесено къ другой. Въ одной можетъ преобладать кровь домашнихъ, въ другой кровь дикихъ животныхъ.

Въ зоологическомъ отношеніи различіе между домашнимъ и дикимъ верблюдомъ, во всякомъ случаѣ, крайне незначительно, и докторъ Ганъ говоритъ: „Дикій верблюдъ отличается отъ домашняго только отсутствіемъ жировыхъ отложеній на горбахъ, присущихъ домашнему“. Что-же до меня, то я нашелъ у трехъ застрѣленныхъ нами дикихъ верблюдовъ совершенно ясно выраженные жировыя отложенія на горбахъ, хотя и не столь сильно развитыя, какъ у домашнихъ.

Впервые услышали мы о керіи-дарьинскихъ дикихъ верблюдахъ 1 февраля въ области Тонкузъ-басте. Пастухи, проживающіе въ этой области, не видали самыхъ верблюдовъ, но видали ихъ слѣды на пескѣ, прилегавшемъ къ опушкѣ лѣса. Съ тѣхъ поръ дня не проходило, чтобы мы не узнавали чего нибудь новаго объ этихъ замѣчательныхъ животныхъ.

Многіе-же пастухи, жившіе дальше внизъ по рѣкѣ, видали верблюдовъ, бродящихъ въ одиночку или стадами по пяти, шести головъ. Они точь въ точь походили на домашнихъ своихъ родственниковъ: та-же величина, та-же поступь, тѣ-же привычки. Время течки наступаетъ и для дикихъ верблюдовъ въ январѣ, февралѣ; и даже слѣды ихъ подошвъ на пескѣ оказались совершенно одинаковыми со слѣдами, оставленными домашними.

Мнѣ говорили, что дикій верблюдъ очень пугливъ и, замѣчая, что его преслѣдуютъ, несется, какъ вѣтеръ, безъ остановки дня два, три. Особенный ужасъ наводитъ на него дымъ отъ костра, и пастухи утверждали, что, зачуявъ запахъ горящаго дерева, онъ также обращается въ бѣгство и исчезаетъ надолго.

Проживающіе недалеко отъ устья рѣки пастухи держали однажды пару домашнихъ верблюдовъ, и, когда послѣдніе паслись на свободѣ, дикіе, завидѣвъ ихъ, убѣгали отъ нихъ, какъ отъ чумы, считая ихъ за такихъ-же враговъ, какъ волковъ или тигровъ.

Пастухи рассказывали, что дикій верблюдъ мгновенно замѣчаетъ отверзтіе въ носовомъ хрящѣ, а также палочку и

веревку, посредствомъ которыхъ управляютъ домашними верблюдами. Дикій верблюдъ сразу угадываетъ также, что домашній родственникъ его носить вьюки — будь то мука, мясо, шерсть или тому подобное — по сплюснутымъ горбамъ.

Я не зоологъ, но позволю себѣ высказать предположеніе, что именно эти черты, которыя, впрочемъ, какъ я имѣлъ случай наблюдать, проявляются не такъ ужъ рѣзко, слѣды атавизма, доказывающіе, что дикій верблюдъ былъ нѣкогда домашнимъ, и что поколѣніе, нынѣ блуждающее по пескамъ Гоби, еще сохраняетъ безсознательный страхъ передъ всѣмъ, что напоминаетъ о рабствѣ его предковъ, о томъ времени, когда они стояли на привязи у лагерныхъ костровъ, когда тиранъ-человѣкъ прокалывалъ имъ шиломъ носовой хрящъ и придавливалъ имъ горбы и шерсть тяжелыми вьюками.

Мой верховой верблюдъ.

(Съ рисунка автора).

Старикъ Магометъ-бай, послѣдній пастухъ, котораго мы встрѣтили по теченію Керіи-дарьи, зналъ повадки своихъ дикихъ сосѣдей такъ же хорошо, какъ повадки своихъ овецъ. Его маленькій агылъ, съ населеніемъ изъ 10 человѣкъ, питался въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ главнымъ образомъ мясомъ дикихъ верблюдовъ. Такъ нынѣшній годъ онъ застрѣлил трехъ верблюдовъ.

Ружье у него было такое, что попадать изъ него можно было лишь въ 50 шагахъ, и онъ поэтому забирался въ засаду, становясь противъ вѣтра, и терпѣливо поджидалъ верблюда. Если-же верблюдъ завидитъ врага, то пускается прочь галопомъ, и догнать его нечего и думать, такъ какъ онъ бѣжитъ, не останавливаясь, дня два.

Въ прошломъ году Магометъ-баю удалось поймать недѣльнаго дѣтеныша, который всю весну и лѣто пасся на

свободѣ вмѣстѣ съ овцами и скоро сталъ совѣмъ ручнымъ. Къ сожалѣнію, онъ недолго пожилъ.

Въ томъ, что дикій верблюдъ такъ легко становится ручнымъ, можно, пожалуй, тоже видѣть черту атавизма. Зато съ другой стороны и домашніе верблюды тоже удивительно быстро дичаютъ и забываютъ, что они рабы человѣка. Когда мой караванъ въ прошломъ году погибъ въ пустынѣ, одинъ изъ верблюдовъ спасся, убѣжавъ въ лѣсъ на берегу Хотанъ-дарьи, и я уже упоминалъ, какъ трудно было охотнику поймать одичавшее въ теченіе двухъ недѣль животное, убѣгавшее со всѣхъ ногъ при его приближеніи.

Вообще домашній верблюдъ злонаравенъ и далеко не кротокъ. Его никогда не удается приручить такъ, какъ лошадь. Вздумаешь потрепать его по ребрамъ, онъ того и гляди лягнетъ тебя, начнешь гладить по головѣ, онъ сердито кричитъ и плюется. Одинъ мой верховой верблюдъ составлялъ исключеніе изъ общаго правила. Мы съ нимъ очень сдружились. Но онъ зналъ, что я никогда не прибью его, не дерну за веревку, продѣтую въ носовой хрящъ.

Относительно дикаго верблюда мы узнали еще, что онъ держится въ самомъ сердцѣ пустыни и въ хорошо знакомыхъ ему впадинахъ, кое-гдѣ поросшихъ кустами тамариска и тополями. Лѣтомъ обильная водою рѣка течетъ далеко за предѣлы послѣднихъ людскихъ поселеній. Дикіе верблюды время отъ времени и ходятъ тогда стадами къ рѣкѣ напиться и хорошенько попить въ камышахъ. Зимою-же дикій верблюдъ вовсе не пьетъ, какъ увѣрялъ меня Магометъ-бай.

Дикій верблюдъ боится лѣса и никогда не забирается въ чащу, гдѣ нельзя видѣть во всѣ стороны и гдѣ ему нѣтъ простора разбѣжаться, спасаясь отъ нападенія. Онъ любитъ открытыя песчанья пространства и, если домашняго верблюда зовутъ кораблемъ пустыни, то дикаго можно уподобить „летучему голландцу“, который „носится, носится и никогда не тонетъ“ даже въ этихъ ужасныхъ областяхъ, гдѣ домашній „корабль пустыни“ терпитъ крушеніе.

9 феврала мы наткнулись на первый признакъ, говорившій, что мы вступаемъ въ область, гдѣ водится дикій верблюдъ: на кустѣ висѣлъ комокъ шерсти. Спустился-же день, стали попадаться въ изобиліи свѣжіе слѣды и пометъ верблюдовъ. Охот-

ники наши оживились, предприняли длинный обходъ по песку, но возвратились только съ сообщеніемъ, что видѣли, какъ стадо въ семь головъ скрылось въ пустынь.

Отъ керіи-дарьинскихъ пастуховъ я слышалъ такую легенду о происхожденіи дикаго верблюда.

Аллахъ послалъ на землю одного изъ небесныхъ духовъ, превративъ его въ дервиша и велѣвъ ему отправиться къ Хазретъ-Ибрагиму (патріарху Аврааму) и попросить у того часть его домашнихъ животныхъ.

Въ теченіе 20 дней Авраамъ ежедневно давалъ бѣдному дервишу по тысячѣ головъ скота; въ первый день — овецъ, на второй — козъ, потомъ яковъ, лошадей, верблюдовъ и т. д. Аллахъ спросилъ затѣмъ дервиша, исполнилъ-ли Авраамъ его просьбу, и узналъ, что Авраамъ отдалъ весь свой скотъ и самъ сталъ бѣднякомъ.

Тогда Аллахъ повелѣлъ дервишу вернуть Аврааму всѣхъ животныхъ. Но Авраамъ отказался, говоря, что не беретъ обратно того, что разъ далъ. Дервишъ передалъ Аллаху отвѣтъ Авраама, и Аллахъ повелѣлъ дервишу выпустить всѣхъ животныхъ на волю, блуждать безъ хозяина, и предоставилъ каждому желающему право ловить и убивать ихъ.

Овцы превратились въ архаровъ, козы въ дикихъ козъ, кіиковъ и мараловъ, яки убѣжали въ горы и одичали, лошади стали куланами, а верблюды ушли въ пустыню.

11 февраля мы шли по переходной области, гдѣ русло рѣки становилось все менѣе замѣтнымъ, лѣсъ понемногу рѣдѣлъ, кусты тамариска попадались все рѣже, а песокъ становился все толще, но еще не особенно затруднялъ нашъ путь. Тамъ и сямъ вдоль прежняго русла, теперь засыпаннаго пескомъ, попадался одинокій тополь. Зато старые стволы, хрупкіе какъ стекло, шли тѣсными рядами, отмѣчая путь рѣки въ тѣ времена, когда она съ большимъ успѣхомъ боролась съ песками.

По такой мѣстности шли мы почти цѣлый день. Слѣды дикихъ верблюдовъ попадались теперь въ такомъ изобиліи, что мы уже не обращали на нихъ вниманія.

Подъ вечеръ достигли мы области, гдѣ старое русло стало опять замѣтнѣе, а кусты тамариска многочисленнѣе. Вдругъ Касимъ, который съ ружьемъ на плечѣ всегда шелъ впереди, чтобы высматривать удобные переходы, остановился, какъ

вкопанный, съежился, какъ кошка, подалъ намъ знакъ не трогаться съ мѣста, и словно пантера безшумно шмыгнулъ въ кусты тамариска.

Тутъ и мы всѣ увидѣли въ разстояніи шаговъ двухсотъ стадо дикихъ верблюдовъ. Бинобль у меня, по обыкновенію, былъ подъ руками, и я отлично могъ прослѣдить всю сцену охоты. Касимъ былъ вооруженъ своимъ примитивнымъ кремневымъ ружьемъ, а Исламъ-бай, послѣдовавшій за нимъ, русскою берданкою.

Голова домашняго верблюда.
(Съ рисунка автора).

Когда раздался выстрѣлъ Касима, верблюды вздрогнули, внимательно смотрѣли въ теченіе нѣсколькихъ секундъ въ нашу сторону, потомъ круто повернули и пустились къ сѣверу, но не особенно быстро, вѣроятно, еще не вполнѣ приди въ себя отъ удивленія или не понимая хорошенько въ дѣло.

И тотъ верблюдъ, въ котораго стрѣлялъ Касимъ, потрусилъ рысцою,

но тяжело и медленно, такъ что мы настигли его почти въ ту-же минуту, какъ онъ упалъ. Онъ еще дышалъ, но ударъ ножа въ горло сразу прервалъ его агонію.

Что было лихорадочнаго оживленія, болтовни и возни въ этотъ вечеръ! Мы, вѣдь, почти уже потеряли надежду даже увидать дикаго верблюда, и вотъ онъ лежалъ передъ нами — чуть было не сказалъ: живехонькимъ!

Приступили къ разглядыванью и изслѣдованью животнаго. Оно оказалось самцомъ, лѣтъ двѣнадцати, и той-же величины,

какъ и наши верблюды. Но шерсть на немъ, исключая нижней стороны шеи, макушки, горбовъ и наружной стороны лопатокъ, была короткая, и, въ сравненіи съ нашими верблюдами, онъ смотрѣлъ голымъ.

Длина его отъ верхней губы, вдоль туловища и до хвоста равнялась 3,3 м.; обхватъ (между горбами) 2,14 м. Подопыи переднихъ ногъ имѣли 21 сантим. ширины и 22 сантим. длины, мозоли на нихъ были жестче и менѣе стерты, чѣмъ у нашихъ верблюдовъ.

Копыта тоже были длиннѣе и болѣе похожи на загнутые когти, такъ что слѣды, оставляемые ими на песокъ выходили рѣзче, нежели оставляемые нашими верблюдами. Верхняя губа была не такъ сильно раздвоена и короче, нижняя не отвисала, и взглядъ былъ болѣе дикимъ, чѣмъ у домашнихъ верблюдовъ.

Горбы были меньшихъ размѣровъ и правильной формы, образуя прямо торчащія конусы, тогда какъ у домашнихъ верблюдовъ вслѣдствіе ношенія тяжестей и жировыхъ наростовъ, они свѣшиваются на стороны. Убитый верблюдъ былъ красновато-бурой масти, нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у домашнихъ. Шерсть была замѣчательно тонкая, мягкая и безъ всякихъ изъяновъ.

Голова дикаго верблюда.
(Съ рисунка автора).

Но время терять некогда было. Солнце опускалось все ниже, и вечерняя свѣжесть становилась все ощутительнѣе (въ 9 ч. вечера было — 8.4°). „Надо спасти шкуру“ — объявилъ я. Но Исламъ основательно замѣтилъ, что она составитъ еще цѣлый верблюжій выюкъ, а какъ разъ теперь-то меньше всего и слѣдовало обременять верблюдовъ, — намъ предстоялъ переходъ черезъ песчаное море, и надо было еще захватить съ собой запасъ воды. Минутному колебанію былъ положенъ конецъ, когда Касимъ, застрѣлившій верблюда, рѣшительно объявилъ, что шкуру надо взять, хоть-бы ему самому пришлось нести ее на плечахъ.

Закипѣла работа. Исламъ и Ахметъ принялись снимать шкуру, Касимъ сталъ копать колодезь, а Керимъ Джанъ устраивать лагерь и развѣвочивать верблюдовъ, которыхъ на эту ночь оставили связанными изъ опасенія, чтобы они не вздумали отправиться въ пустыню розыскивать своихъ дикихъ родственниковъ. Я занялся приготовленіемъ себѣ ужина, а затѣмъ принялся за свой дневникъ.

Поздно вечеромъ всѣ снова собрались вокругъ костра. Шкура оказалась такой тяжелой, что трое людей еле доволокли ее до лагерьа. Съ головы и съ ногъ шкура, впрочемъ, еще не была снята, и работа продолжалась при свѣтѣ костра. Но не скоро то удалось закончить ее и разстелить всю шкуру цѣликомъ на пескѣ. Шкуру посыпали теплымъ пескомъ, который въ теченіе ночи нѣсколько разъ замѣняли новымъ. Песокъ впитывалъ въ себя влажность, и шкура къ утру значительно убавилась въ вѣсѣ.

Рытье колодца, напротивъ, дало менѣе утѣшительные результаты. Касимъ рылъ неутомимо, но и на глубинѣ 3.20 м. песокъ оказался лишь чуть сыроватымъ, и онъ бросилъ попытку.

Мы положили поэтому остаться на этомъ мѣстѣ весь слѣдующій день: опытъ научилъ насъ, что пускаться вглубь пустыни безъ достаточнаго запаса воды — значитъ идти на гибель. У насъ и рѣшено было идти къ сѣверу лишь до тѣхъ поръ, пока у насъ въ запасѣ будетъ вода, во всякомъ случаѣ не идти, не находя воды, долѣе одного дня. Въ такомъ случаѣ возвращеніе наше было обезпечено. Но, конечно, перспектива вернуться назадъ по тому же пути была намъ очень не по вкусу.

Попытка вырыть колодезь въ другомъ мѣстѣ, предпринятая на слѣдующее утро 12-го февраля, также не удалась. Тогда Касимъ сталъ продолжать рыть начатый наканунѣ колодезь и нашелъ таки воду на глубинѣ 4.16 м. Температура воды равнялась 13.75°, хотя поверхность воды и была прохвачена морозомъ (температура воздуха въ 9 ч. утра равнялась — 3.6°). Въ колодезь спустили наскоро смастеренную лѣстницу и стали черпать ведромъ воду, медленно сочившуюся изъ песчанаго слоя, находившагося между двумя слоями глины.

Сначала дали напиться всласть верблюдамъ и осламъ, потомъ въ теченіе дня наполнили водою четыре козьихъ бур-

дюка, и 13 февраля могли снова съ легкимъ сердцемъ пуститься въ путь. Верблюжья шкура стала послѣ обработки ея теплымъ пескомъ, такую легкою, что ее могъ нести даже осель, но само собой вѣчно отставалъ отъ другихъ.

Тотчасъ послѣ того, какъ мы оставили за собою ясно выраженную борозду рѣчного русла, налѣво отъ насъ показалось стадо изъ шести верблюдовъ. Нѣкоторые паслись, другіе отдыхали. Одинъ былъ самецъ, двое дѣтенышей и три самки. Къ удивленію нашему, мы могли подойти къ нимъ почти на 200 шаговъ, наблюдая за всѣми ихъ движеніями; это было тѣмъ легче, что солнце стояло высоко, и воздухъ былъ чистъ. Большой самецъ лежалъ совершенно спокойно около тополя; остальные стояли въ выжидательной позѣ и смотрѣли на насъ съ большимъ вниманіемъ, не проявляя ни малѣйшаго намѣренія обратиться въ бѣгство.

Мы медленно продолжали свой путь, а Исламъ въ это время, забравъ въ обходъ, подкрался къ нимъ на 50 шаговъ. Животныя, однако, почуяли опасность. Самецъ всталъ, и стадо медленною рысью пустилось къ сѣверо-востоку, причемъ имъ предстояло пересѣчь нашъ путь и пробѣжать мимо тамариска, за которымъ притаился Исламъ.

Раздался выстрѣлъ, самецъ сдѣлалъ еще шага три и упалъ. Когда мы приблизились къ нему, онъ былъ уже мертвъ. Пуля попала въ горло, и отверстіе, пробитое ею, было такъ невелико, что мы съ трудомъ нашли его, — изліяніе крови задерживалось густою шерстью.

Эго былъ великолѣпный экземпляръ; но намъ предстоялъ переходъ черезъ пустыню, и нельзя было терять время на сниманье шкуры. Люди удовольствовались тѣмъ, что вырѣзали изъ горбовъ жиръ, который отлично пригодился для сдабриванья рисовой каши. Сняли также съ животнаго порядочное количество шерсти; изъ нея мы потомъ свили веревки, въ которыхъ нуждались.

У этого верблюда горбы были очень сильно развиты. Передній горбъ упирался на семь спинныхъ позвонковъ, задній на шесть. У первыхъ изъ этихъ позвонковъ дуги были сильно развиты, у другихъ же дуги почти не выдавались изъ хребта. Между позвонками были натянуты крѣпкія желтыя жилы, а жировыя отложенія горбовъ связывались съ туловищемъ

только соединительной тканью, такъ что ихъ легко было срѣзать.

Остальную тушу всю бросили, уготовавъ „роскошный дастарханъ волкамъ и лисицамъ“, — какъ выразился Ахметъ-Мергенъ. Первый убитый верблюдъ, съ котораго сняли шкуру, застылъ за ночь такъ, что обратился въ твердую замороженную глыбу. Безъ сомнѣнія, дикіе верблюды долго будутъ обѣгать мѣсть, гдѣ лежали убитые ихъ товарищи.

Мы успѣли пройти не особенно большой конецъ, какъ наткнулись на третье стадо изъ 5 головъ: одного самца, двухъ самокъ и двухъ дѣтенышей. И эти оказались не особенно пугливыми. Они отбѣжали только шаговъ на пятьдесятъ, подпустили насъ къ себѣ довольно близко, послѣ чего опять отбѣжали и такъ до трехъ разъ. Тутъ Исламъ выстрѣлилъ прежде, чѣмъ я успѣлъ остановить его, въ самку. Пуля попала ей въ колѣно правой передней ноги. Она сразу упала, принявъ обычную позу лежащихъ верблюдовъ. Затѣмъ она склонила голову на лѣвый бокъ, открыла пасть, уткнулась мордой въ песокъ и дико заревѣла отъ боли.

Она не смотрѣла на насъ, но мнѣ почувдилось въ ея потухающемъ взорѣ выраженіе ненависти къ мучителямъ ея родичей. Не успѣли воткнуть ей ножъ въ горло, какъ она испустила духъ. Мнѣ совѣстно было за это жестокое, бесполезное убійство, и я строго запретилъ впредь стрѣлять въ дикихъ верблюдовъ.

Итакъ, рассказы пастуховъ о необычайной пугливости дикихъ верблюдовъ не подтвердились. Животныя не проявили также на нашихъ глазахъ ни особенной осторожности, ни быстроты и подпускали насъ къ себѣ очень близко. Застрѣлить же дикаго верблюда оказалось вовсе не трудно: онъ падалъ отъ первой пули, куда-бы она ни попадала: въ спину, шею или ногу. Какъ то обстоятельство, что они не были на сторожѣ, такъ и худаба ихъ, ясно указывали, что и они теперь находились въ періодѣ течки.

Преинтересно и презабавно было наблюдать за нашими тремя верблюдами-самцами. Они замѣчали дикихъ куда раньше, чѣмъ мы, и начинали глухо реветъ, бить хвостомъ по спинѣ, а пѣна такъ и клубилась у нихъ изо рта. При видѣ-же умирающей самки, они совсѣмъ взбѣсались, такъ что пришлось

ихъ привязать; пѣна бѣжала у нихъ изо рта, и они дико вращали свои обыкновенно столь спокойные глаза.

Въ теченіе слѣдующихъ дней мы видѣли еще нѣсколько стадъ, а иногда и одиночекъ. Подъ конецъ, мы такъ привыкли къ этому зрѣлищу, что перестали обращать на него вниманіе. Животныя паслись, поѣдая сухую листву тополей и кусты тамариска; убѣгая-же, они всегда направлялись вглубь пустыни, къ высокимъ барханамъ, на гребни которыхъ взбѣгали съ удивительной легкостью.

Бѣгали они почти такую-же неуклюжею рысью, какъ и домашніе верблюды, такъ-же неграціозно вскидывая на ходу своими длинными ногами. Но у домашнихъ верблюдовъ горбы на бѣгу колеблются и качаются, у дикихъ-же горбы остаются неподвижными и торчатъ прямо кверху. Ревъ дикихъ верблюдовъ по звуку и жалобному тону вполне схожъ съ ревомъ домашнихъ.

Вопросъ о водѣ вдругъ неожиданно разрѣшился. Вечеромъ 13-го мы нашли чистую прѣсную воду уже на глубинѣ 1.53 м. (температура 5. 6°).

14 мы сдѣлали большой переходъ. Песокъ сталъ громоздиться выше, живые тополи и кусты тамариска попадались рѣже, но мертвый лѣсъ въ теченіе всего дня почти не прерывался. Мѣстами твердые побѣлѣвшіе стволы шли такъ часто, что напоминали кресты на кладбищѣ, и мы медленно лавировали между ними. Если верблюды стучались о нихъ вьюками, они разбивались въ дребезги, звеня, точно стекло.

Круглые склоны бархановъ обращены были къ югу и западу. Горизонтъ былъ со всѣхъ сторонъ окаймленъ высокими грозными даванами, среди которыхъ намъ вовсе нежелательно было очутиться. Около каждаго живого тополя виднѣлись остатки верблюжьего помета, а вѣтви и сучья были объѣдены вплоть до такой высоты, до которой могли дотянуться животныя.

О томъ обстоятельстве, что мы все еще шли по старому рѣчному руслу, свидѣтельствовалъ и мертвый лѣсъ и глинистые откосы и гряды, которые попадались между барханами и нѣкогда ясно отмѣчали русло рѣки. Но, чѣмъ дальше мы двигались къ сѣверу, тѣмъ болѣе прежнія неровности поверхности оказывались сглаженными наноснымъ летучимъ пескомъ.

Иногда мы теряли слѣды русла и разъ, увлекшись слѣдами дикихъ верблюдовъ, далеко уклонились къ западу. Пришлось бросить этотъ слѣдъ. На дневномъ привалѣ, счетомъ XXIV со времени нашего выступленія изъ Тавекъ-кэля, мы нашли воду на глубинѣ 1.65 м. Вода оказалась не хуже рѣчной; температура ея равнялась 6.72°.

Случай помогъ намъ найти на глубинѣ 2 сантим. подъ гребнемъ бархана толстый слой снѣга, который былъ втиснутъ въ самый песокъ и шелъ совершенно параллельно поверхности бархана. Это показывало во первыхъ, что и въ этихъ областяхъ иногда выпадаетъ снѣгъ, во вторыхъ, что и зимою здѣсь бываютъ вѣтры, такъ какъ высота бархана увеличилась на 22 сантим. съ тѣхъ поръ, какъ выпалъ этотъ снѣгъ. Это было единственный разъ, что мы видѣли снѣгъ въ пустынѣ Такла-маканъ.

15 февраля мы очутились между барханами, достигавшими даже 30 м. высоты. Подвѣтренная сторона ихъ была обращена къ юго-западу, а высота относилась къ разстоянію между гребнями слѣдующихъ бархановъ среднимъ числомъ, какъ 1:12.8.

Почти весь день тополи и кусты тамариска попадались крайне рѣдко, но къ вечеру мы опять набрали на полоску растительности. Отъ нашего лагеря мы могли насчитать впереди до 42 живыхъ тополей.

На пескѣ былъ виденъ всего одинъ верблюжій слѣдъ, зато заячьихъ и птичьихъ было вдоволь. По близости-же какой-то охотникъ съ Керіи-дарьи поставилъ нѣсколько шестовъ въ видѣ сигнала. По всей вѣроятности, эти охотники дальше къ сѣверу и не заходятъ.

Вечеромъ нашли воду на глубинѣ 1.92 м.; температура воды равнялась 7.51°. Температура воздуха въ 9 ч. вечера равнялась — 9.9°; минимальный термометръ далъ за ночь — 17.5°. Почва оказалась промерзшей до глубины 14 сантим. Содержавшій воду песчаный слой покоился на вязкой глинѣ.

16 февраля. Медленно продолжаемъ подвигаться къ сѣверу. Каждый день точно высчитываемъ пройденное разстояніе, а каждый вечеръ вѣроятное разстояніе, еще отдѣляющее насъ отъ Тарима, къ берегамъ котораго мы такъ стремимся изъ этой опасной пустыни. Утромъ барханы стали пониже, и

мы съ нетерпѣніемъ искали на сѣверномъ горизонтѣ темной линіи, обозначающей лѣсную полосу Тарима.

Оазисъ съ 70-ю свѣжими тополями манилъ насъ отдохнуть, но тутъ Ахметъ-Мергенъ открылъ слѣдъ пантеры и сказалъ, что врядъ ли этотъ звѣрь удаляется отъ воды болѣе, чѣмъ на день пути, мы и продолжали путь, не допуская мысли, чтобы пантера эта могла явиться съ юга, съ Керіи-дарьи.

Между тѣмъ барханы опять достигли 15 м. высоты, ландшафтъ оставался мертвымъ, и только раза два попался на дорогѣ пометъ дикихъ верблюдовъ. Тѣмъ временемъ уже смерклось, и мы расположились лагеремъ около одинокаго тополя, вѣтви котораго скоро были общипаны нашими верблюдами.

Нашъ лагерь около одинокаго тополя въ пустынѣ.

(Съ рисунка автора).

Ослы наши во время перехода по этой части пустыни питались, главнымъ образомъ, пометомъ дикихъ верблюдовъ.

Копать колодезь было слишкомъ поздно, но у насъ еще оставался запасъ воды въ бурдюкахъ. Топливо нашлось, и скоро мы сидѣли въ бесѣдѣ вокругъ весело горѣвшаго костра, подъ открытымъ небомъ, на темной синевѣ котораго ярко сіяли звѣзды.

Люди въ отличномъ настроеніи и возлагаютъ на завтрашній день самыя свѣтлыя надежды. Керимъ-Джанъ убираетъ и кормитъ нашихъ верблюдовъ, Ахметъ и Касимъ, набравъ по близости сухихъ корней и вѣтвей, поддерживаютъ огонь. Исламъ сидитъ на корточкахъ и помѣшываетъ ложкой въ котелкѣ, гдѣ варится плавъ съ лукомъ, изюмомъ, мор-

ковью и жиромъ изъ горбовъ верблюдовъ. Я самъ лежу въ растяжку на войлочномъ коврѣ, попыхиваю трубкой и заносу при свѣтѣ костра замѣтки въ свой дневникъ.

Вокругъ насъ громоздятся барханы. Тополь, ярко освѣщенный огнемъ, стоитъ одинокій, сиротливый, а звѣзды словно фоксируютъ насъ своими острыми взорами и какъ бы раздумываютъ — ужь не обитатели-ли древнихъ городовъ возстали въ нашемъ лицѣ къ новой жизни?

Тихо, пустынно вокругъ. Было-бы прямо жутко, если-бы не трескъ сухого топлива, жадно пожираемаго пламенемъ. Я кажусь самому себѣ какимъ-то конунгомъ въ этой странѣ, куда предпринялъ настоящій походъ. Я и завоевалъ ее. Она принадлежитъ мнѣ. Я первый европеецъ, вступившій въ эту неизвѣстную, забытую область.

17 февраля. Ландшафтъ не мѣняется, песокъ все такъ-же мощенъ и трудно проходимъ. На востокъ и западъ снова показались даваны. Тѣмъ не менѣе время отъ времени встрѣчались тополи. Всѣ они попрежнему оказывались почти на прямой линіи SN, т. е. шли параллельно Хотанъ-и Керіи-дарьѣ, а не Тариму. И ничто не говорило о близости послѣдняго.

Мы сдѣлали привалъ около двухъ тополей, такъ какъ рассчитывали найти здѣсь воду, и дѣйствительно нашли ее на глубинѣ 1.63 м. (температура $+5.4^{\circ}$). Это было тѣмъ болѣе кстати, что запасъ воды у насъ вышелъ еще вчера.

18 февраля. Вода просачивалась такъ медленно, что намъ удалось наполнить всего одинъ толумъ (козій бурдюкъ), съ чѣмъ мы и выступили въ путь. Путь становился все затруднительнѣе. Одинъ даванъ оказался 40 м. высоты. Мы медленно взбирались по уступамъ бархановъ и, наконецъ, достигли вершины. Но даже и съ этой возвышенной точки не было видно ничего, кромѣ бесплоднаго песку. Видъ напоминалъ западную часть пустыни Такла-Маканъ.

Мы были необычайно молчаливы въ этотъ день. Разъ только Ахметъ-Мергенъ разсмѣялся, когда я, указавъ ему внизъ съ вершины одного бархана на циркообразную впадину между рогами бархановъ, спросилъ, не хочетъ-ли онъ скатиться туда, присѣвъ на корточки, и принести оттуда водицы. Исламъ и я побывали въ худшей передѣлкѣ, и наше спокойствіе дѣйствовало на другихъ, которые начали уже было падать духомъ.

Выбрали наиболѣе благопріятное мѣстечко, сдѣлали приваль и принялись рыть колодезь. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ м. песокъ сталъ лишь чуть влажнымъ, и мы бросили рыть. Запасъ воды выпили вечеромъ и утромъ. Верблюды были голодны и принялись за свои сѣдла.

Больше всего ободряло насъ то, что мы въ теченіе дня два раза пересѣкли слѣды лисицы, которая забѣгала въ пустыню и затѣмъ вернулась къ сѣверу. И что ей понадобилось тутъ? Искала здѣсь зайцевъ? Пожалуй, но она могла найти ихъ поближе. Въ томъ-же направленіи пролетѣла ворона. Ахметъ полагалъ, что она летала на запахъ мертвыхъ верблюдовъ и теперь летѣла назадъ, чтобы созвать на пиръ своихъ подругъ. Можетъ быть, но вѣтеръ въ послѣдніе дни дулъ все съ сѣвера.

Итакъ, вода у насъ вышла, и колодезь оставался сухимъ. Что-жь, и здѣсь ожидала насъ такая же ужасная пустыня и горькая участь, какъ въ западной части Такла-маканъ? Нѣтъ, на этотъ разъ надо быть умнѣе. Мы составили совѣтъ и рѣшили продолжать путь къ сѣверу еще въ теченіе одного дня. Лисица не могла забѣжать особенно далеко отъ Тарима; но, вѣдь, лиса хитрый звѣрь, коварный путеводитель, и даваться ей въ обманъ не слѣдовало.

Мы и положили, если не найдемъ воды и завтра, вернуться къ колодцу лагеря XXVII.

Х.

По лѣсамъ Тарима. Курля. Кара-Шаръ.

19 февраля. Послѣ двухчасоваго пути по барханамъ снова завидѣли на сѣверѣ кое-какую растительность. Оказалось, что она состояла, главнымъ образомъ, изъ столь извѣстнаго въ закаспійской области саксаула, на кашгарскомъ нарѣччіи „саксака“, на хотанскомъ „курука“, а по латыни *Anabasis ammodendron*. Саксауль, повидимому, вытѣснилъ тамарискъ, такъ какъ послѣдняго не было видно.

Снова показались слѣды дикихъ верблюдовъ, зайцевъ, ли-

сиць и ящериць. Въ промежуткахъ между нѣкоторыми барханами попадались участки, называемые моими людьми „шоръ“, т. е. влажные глинистые участки, покрытые выцвѣтами соли. Тамъ и сямъ видѣлись занесенные вѣтромъ пожелтѣвшіе листья камыша. Таримъ не могъ быть далеко.

Барханы достигали 8—10 м. высоты. Съ вершины одного голаго давана мы, наконецъ, завидѣли неподалеку небольшую камышевую заросль. Около нея мы и сдѣлали приваль ради верблюдовъ. За ночь они покончили съ этимъ жалкимъ запасомъ. Воду нашли на глубинѣ 1.57 м. ($+4.6^{\circ}$), но она оказалась горько соленой, такъ что даже животныя не стали ея пить.

Ахметъ былъ вполне спокоенъ, такъ какъ и онъ успѣлъ замѣтить, что вблизи рѣкъ колодезная вода всегда бываетъ соленой. Во всякомъ случаѣ, я получилъ отличный подарокъ въ день своего рожденія, такъ какъ колодезь далъ намъ ясное доказательство близости Тарима. Вечеромъ мы тѣмъ не менѣе наполнили этой водой нѣсколько сосудовъ, а утромъ растопили образовавшійся изъ нея ночью ледъ (минимальная ночная температура равнялась -15.6°), и вода получилась менѣе соленая; заварили чай, но всетаки можно было лишь съ трудомъ сдѣлать нѣсколько глотковъ.

20 февраля. Лисица обманула насъ лишь на одинъ день. Уже утромъ высота бархановъ равнялась сначала 5, потомъ 2 м. Разбросаны они были рѣдко, какими-то пятнами на ровной твердой поверхности. Изрѣдка стали попадаться тополи и кусты тамариска, и, наконецъ, вдали обрисовалась темная линия лѣсовъ Тарима.

Какое чудное зрѣлище! Всѣмъ опасностямъ конецъ! Вотъ показались и обычные ясные признаки: ситникъ, слѣды дикихъ кабановъ, свѣжій слѣдъ, оставленный всадникомъ, вѣроятно охотникомъ, пересѣкавшій нашъ путь, слѣдъ босоногого человѣка, должно быть, пастуха. Замѣчательнѣе-же всего было то, что и здѣсь еще видѣлись слѣды дикихъ верблюдовъ. Въ концѣ концовъ, животныя эти, пожалуй, водятся и на югъ отъ Тарима и вдоль всего его южнаго теченія? Рѣшить этотъ вопросъ не берусь.

Поверхность стала ровнѣе, открытѣе и богаче растительностью; барханы становились все рѣже. Затѣмъ, мы перешли

направляющееся къ востоку сухое русло, — вѣроятно, рукава Тарима, наполняющагося водой въ половодье. Въ немъ оставалась замерзшая лужица, къ которой вела недавно протоптанная тропинка. Намъ слѣдовало-бы сдѣлать тутъ привалъ, но мы продолжали путь, такъ какъ были увѣрены, что до Тарима всего часть — другой пути.

Лѣсъ становился чаще, но время отъ времени перемежался полянками. Мы были изумлены тѣмъ, что всѣ тропинки, протоптанныя овцами, шли по направленію къ востоку и западу; большая проѣзжая дорога со слѣдами колесъ отъ арбъ тоже. Часть за часомъ шли мы къ сѣверу. Кругомъ было тихо, не слышалось ни звука. Стало смеркаться, но мы все шли по прежнему направленію. Стемнѣло, а рѣка все не показывалась. Наконецъ, поздно вечеромъ мы прямо таки завязли въ непроходимой чащѣ.

Усталые расположились мы лагеремъ около овечьяго загона, калитка отъ котораго пошла на топливо. Но это уже второй вечеръ мы были безъ воды, и жажда сильно мучила насъ. Люди разбрелись по лѣсу искать воды, но ничего не нашли и, наконецъ, мы рѣшили отложить всякіе поиски до зари.

21 февраля. Таримъ какъ будто убѣгалъ отъ насъ. Цѣлый день искали мы воды и все тщетно, а между тѣмъ слѣдовъ людскихъ и лошадиныхъ попадалось тутъ множество. Мы то пробирались сквозь самую чащу, гдѣ мнѣ приходилось палкой отстранять отъ себя вѣтви и сучья, грозившія исцарапать мнѣ все лицо, то по сочнымъ камышевымъ зарослямъ, то опять по бесплоднымъ сухимъ участкамъ съ рѣдкими травяными кочками и степными растеніями.

Жажда стала такъ донимать насъ, что мы раза два пробовали рыть колодезь, но только даромъ потратили время и трудъ. Въ одной рощицѣ набрали мы на три сатмы, на крышахъ которыхъ былъ сложенъ камышъ. Тутъ-же виднѣлись слѣды людей и коровъ.

Слѣды были совсѣмъ свѣжіе, самое большее вчерашніе. Мы стали кричать, отвѣта не было. Нѣсколько сухихъ бороздъ пересѣкали лѣсъ, но въ нихъ не было ни капли воды, ни одной лужицы. И мы все больше и больше углублялись въ этотъ лѣсъ.

Вдругъ послышался крикъ Исламъ-бая, который шелъ впереди: „Су, су!“ (Вода, вода!). Дѣйствительно въ глубокой,

извилистой бороздѣ находился настоящій прудъ, затянутый толстымъ льдомъ. Мы прибавили шагу и, когда добрались до мѣста, люди немедленно прорубили прорубь, припали къ водѣ и стали пить.

Тутъ-же, въ роцѣ изъ старыхъ великолѣпныхъ тополей, разбили лагерь. Люди соединенными силами устроили два большихъ костра, которые и освѣтили весь лѣсъ.

Теперь все опять было хорошо, но еще лучше стало, когда мы разслышали вдали лай собакъ. Ахметъ и Касимъ поспѣшили въ ту сторону. Возвратились они не скоро, но зато съ тремя людьми, которыхъ мы основательно и по-выспросили. Между прочимъ, они сообщили намъ, что первое русло, которое мы перешли вчера, называлось Ачикъ-дарья (соленая рѣка), а что лѣсная область эта называлась Кара-ташъ. Пастушьихъ стойбищъ здѣсь много; пасется-же здѣсь до 4,000 овецъ, принадлежащихъ баямъ изъ Шахъ-яра.

На слѣдующій день мы продолжали путь съ проводникомъ къ сѣверовостоку и перешли около Тереса черезъ Яркендъ-дарью (Таримъ), имѣвшую здѣсь 156 м. ширины. Ледъ былъ довольно крѣпокъ, но подъ тяжестью верблюдовъ поддавался и трещалъ. Ихъ переводили поэтому по одиночкѣ, и видно было, что они сами опасались провалиться и выкупаться. Чтобы распределить тяжесть на большую поверхность, они инстинктивно вытягивали ноги какъ можно дальше, а голову пригибали къ самому льду, чтобы не разбиться объ ледъ, еслибъ случилось провалиться.

Въ селеніи Чименъ мы снова нашли кровь въ примитивной лачужкѣ. Ахметъ и Касимъ были вознаграждены за свои большія услуги мнѣ и должны были вернуться отсюда по руслу Хотанъ-дарьи въ Тавекъ-кэль. Я привязался къ этимъ славнымъ охотникамъ, и мнѣ прямо тяжело было разстаться съ ними. Но ихъ ожидалъ дома яровой посѣвъ, да и голова у нихъ кружилась при мысли о возрастающемъ день ото дня разстояніи отъ знакомыхъ областей.

Кромѣ платы китайскимъ серебромъ, я отдалъ имъ обоихъ ословъ и далъ продовольствіе на весь обратный путь до Тавекъ-кэля. Я поручилъ имъ также доставить въ Хотанъ шкуру дикаго верблюда, и они честно исполнили порученіе.

Намъ-же теперь нужны были другіе проводники, которые-бы знали лѣса Тарима и запутанное теченіе рѣки.

Вступивъ 23 февраля въ Шахъ-яръ, мы такимъ образомъ закончили 41 дневный переходъ черезъ пустыню Такла-маканъ, во время котораго сдѣлано было много неожиданныхъ открытій. Я до малѣйшихъ деталей занесъ на карту теченіе Кери-дарьи, установилъ фактъ существованія дикихъ верблюдовъ въ пустынѣ къ сѣверу отъ Кери-дарьи, нашелъ полудикое пастушье племя и открылъ развалины двухъ древнихъ городовъ. Если первое мое странствованіе по пустынѣ Такламаканъ было несчастливо, то второе зато представляло цѣлый рядъ удачъ. Въ первое путешествіе мы напрасно искали какихъ либо слѣдовъ древней культуры, зато во второе мы убѣдились, что безчисленные преданія о погребенныхъ въ пустынѣ сокровищахъ и городахъ не совсѣмъ пустыя басни.

* *
* *

Въ Шахъ-ярѣ мнѣ пришелъ въ голову смѣлый планъ: отправиться прямо на Лобъ-норъ вмѣсто того, чтобы возвращаться по знакомой уже намъ Хотанъ-дарьѣ, и, такимъ образомъ, сразу-же выполнить одну изъ главнѣйшихъ задачъ моей программы.

Разумѣется, осуществленію этого плана мѣшало многое. Въ Хотанѣ мнѣ еще и въ голову не приходило сдѣлать такой огромный крюкъ въ 2,000 верстъ, и снаряженіе нашей экспедиціи было рассчитано вообще только на 50-ти дневную экскурсію. Хуже же всего было то, что я не догадался захватить съ собою ни одной карты Лобъ-нора и оставилъ свой китайскій паспортъ въ Хотанѣ.

Къ счастью, амбанъ Хотанскій выдалъ мнѣ мѣстный паспортъ, дѣйствительный въ Хотанской области. Намѣреваясь только пересѣчь пустыню, я было считалъ и этотъ клочокъ бумаги бесполезнымъ, но впоследствии онъ мнѣ очень и очень пригодился. Въ сравненіи съ этими важными пробѣлами недохватки по части одежды и обуви, — у насъ была взята съ собою лишь зимняя, да валенки, — письменныхъ принадлежностей, чаю и табаку можно было считать пустяками.

Но нужда научить извернуться! Я зналъ наизусть карту Лобъ-нора, составленную Пржевальскимъ, да и кромѣ того

старыя карты Лобъ-норской области все равно приходилось подвергнуть основательной провѣркѣ. Рѣшилъ я также избѣгать всякихъ сношеній съ китайскими мандаринами, которымъ могло придти въ голову докучливое желаніе спросить у меня паспортъ. Лѣтнее платье мы могли шить себѣ сами въ Курлѣ и тамъ-же на базарѣ купить себѣ кожаную обувь. Бумагу оказалось возможнымъ приобрести въ Шахъ-ярѣ, правда дрянную, но набросанныя на ней замѣтки и эскизы не потеряли отъ этого своего значенія.

„Кокъ-чай“, или зеленый чай тоже не трудно было достать здѣсь, а въ нуждѣ можно было обойтись и китайскимъ табакомъ, стертымъ съ зловоннымъ масломъ и глиной изъ какой-то горы въ Китаѣ, ради придачи табаку особаго привкуса. Кромѣ того Исламъ купилъ пшеничной муки, рису, хлѣба, яицъ и сахару и возобновилъ выючныя сѣдла верблюдовъ. Отдохнувъ два дня въ Шахъ-ярѣ, мы такимъ образомъ готовы были снова выступить въ походъ.

Но сначала нѣсколько словъ о Шахъ-ярѣ. Маленькій городокъ этотъ орошается водами, текущими съ горъ Тянь-шаня. Музь-артъ-дарья (рѣка ледяного перевала), текущая оттуда къ юго-востоку, дѣлится нѣсколько сѣвернѣе города на два рукава; одинъ изъ нихъ направляется въ Пяснынъ-куль (озеро низменной области), другой течетъ чуть сѣвернѣе города, который и орошается выведенными изъ этого рукава арыками.

Около мѣста раздѣленія рѣки на рукава находится плотина, которая лѣтомъ принуждаетъ полую воду направляться въ озеро, чѣмъ и предупреждается наводненіе; зато, когда вода въ рѣкѣ спадаетъ до минимума, затворы открываютъ, и вода изъ озера течетъ къ городу на пользу окрестнымъ селеніямъ и полямъ.

Шахъ-яръ (терраса царя) управляется бекомъ, двумя минъ-баши и нѣсколькими юзъ-баши. Первый изъ названныхъ, Темиръ-бекъ—„желѣзный предводитель“, заговорилъ было со мною свысока, такъ какъ у меня не было паспорта, пытался помѣшать мнѣ продолжать путь и запретилъ подвластнымъ ему жителямъ служить мнѣ проводниками. Мы, однако, перехитрили его, благодаря магической силѣ китайскаго серебра.

Въ окрестностяхъ города воздѣлываются рисъ, пшеница,

маишь, ячмень, растутъ абрикосы, персики, виноградъ, яблоки, груши, дыни; разводятся также хлопчатникъ и въ небольшомъ количествѣ шелкъ. Главнѣйшими предметами торговли являются, однако, овцы, кожи и шерсть, отправляемая водою въ Акъ-су. На базарѣ есть лавки двухъ китайскихъ и пяти западно-туркестанскихъ купцовъ. Приѣзжаютъ сюда купцы и изъ Кашгара, изъ Акъ-су и Хотана. „Ханка“ или домъ молитвы, два медресе и нѣсколько караванъ-сараявъ — единственныя зданія, выдающіяся изъ кучи вѣчныхъ низенькихъ глиняныхъ сакль.

Не стану утруждать читателя подробнымъ описаніемъ нашего путешествія по лѣсамъ Тарима. Но, чтобы дать хоть бѣглый очеркъ этой области, приведу нѣсколько эпизодовъ изъ этого путешествія.

26-го караванъ нашъ изъ трехъ верблюдовъ и 4 людей оставилъ Шахъ-яръ. Когда воздѣланныя окрестности города остались позади насъ, мы вступили въ обширную степную полосу, гдѣ въ изобиліи попадались стада съ пастухами. Сначала мы направились къ юго-востоку и достигли Тарима, называемаго здѣсь Угенъ-дарьей. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней мы держали путь прямо на востокъ, между названной рѣкой и Инчке-дарьей.

27-го февраля мы шли то лѣсомъ, то открытыми луговинами, покрытыми пастушьими стойбищами, направляясь къ лѣсной области Толбарбаши (начало мѣстопробыванія тигровъ). Здѣсь мы заночевали около пастушьей „сатмы“. Одинъ изъ пастуховъ сообщилъ намъ, что Ачикъ-дарья, называется здѣсь Арка-дарья (Дальняя рѣка), что она не пересыхаетъ даже лѣтомъ, течетъ на нѣсколько дней пути къ востоку и, наконецъ, изсыкаетъ въ пескахъ.

По его рассказамъ, къ югу отъ этой рѣки не рѣдко показываются дикіе верблюды, а далеко въ глубинѣ пустыни находятся развалины города, котораго никто не видалъ, но о которомъ ходятъ рассказы. Называется онъ Шаръ-и-кѣтекъ, т. е. „городъ въ мертвомъ лѣсу“. Называютъ его также Шаръ-и-катахъ; названіе это встрѣчается и въ пустынѣ между Яркендъ-дарьей и Кашгаръ-дарьей.

Относительно главной рѣки пастухъ сообщилъ, что въ іюнѣ прибылъ воды въ ней огромна. Вода ежедневно прибы-

ваетъ въ теченіе 20-ти дней, пока ширина рѣки не достигнетъ трехсотъ саженей, а глубина высоты тополя, т. е. приблизительно 15 м. Такая высокая вода держится въ теченіе мѣсяца, послѣ чего начинаетъ спадать, сначала медленно, потомъ все быстрѣе, до самаго ноября, когда рѣка замерзаетъ.

Ледъ держится три съ половиною мѣсяца, и теперь какъ разъ ждали, что дней черезъ 10 по льду нельзя будетъ переходить. Замерзаніе рѣки начинается съ нижнихъ слоевъ воды, а вскрытіе наоборотъ съ верхнихъ. Въ началѣ мая наблюдается самый низкій уровень воды въ рѣкѣ.

28 феврала. Начиная съ Ачикъ-дарьи, мы ежедневно видѣли множество дикихъ гусей, но около мѣста дневной нашей стоянки, „Тюпе-тюшди“, заброшенной „сатмы“ на лѣсной полянѣ, мы наблюдали ихъ въ необыкновенномъ количествѣ. Чуть не каждую минуту, надъ нашими головами пролетала по направленію къ востоку, должно быть, на Лобъ-норъ, стая въ тридцать, пятьдесятъ гусей.

Временами пролетали и небольшія стаи изъ четырехъ-пяти гусей, — вѣроятно, отставшіе. Пока солнце стояло высоко, и птицы летѣли такъ высоко, что въ небѣ виднѣлись лишь маленькія черныя точки, но послѣ заката онѣ большею частью летѣли на высотѣ всего нѣсколькихъ десятковъ метровъ, часто кружились около вершинъ тополей и иногда тихонько перекикивались, словно совѣщаясь насчетъ удобнаго ночлега. Нѣкоторыя стаи, впрочемъ, и ночью держались на значительной высотѣ. Летѣвшія низко, видно, сдѣлали болѣе продолжительный перелетъ, чѣмъ другія, и намѣревались усѣсться на ночной отдыхъ.

Право, можно подивиться этимъ птицамъ, которыя такъ хорошо знаютъ географію мѣстности, какъ будто обладаютъ самыми лучшими картами и приборами. Онѣ всегда летятъ въ рядъ и по одной и той-же линіи, мимо тѣхъ-же самыхъ тополей и къ той-же самой цѣли. Заслышавъ ихъ крикъ издалека, можно съ увѣренностью указать, у какой вѣтви покажется передовой гусь.

Чутье мѣстности развито у дикихъ гусей прямо поразительно. Безъ сомнѣнія, они руководятся въ пути безчисленными примѣтами и задолго передъ тѣмъ, какъ сѣсть, начинаютъ уже спускаться съ высоты, чуя близость отдыха.

Разъ въ годъ они совершаютъ перелетъ изъ Индіи въ Сибирь и обратно; такой путь взялъ-бы у человѣка цѣлый годъ и стоилъ-бы большихъ трудовъ.

Для орнитолога было-бы интересной задачей изучить торные воздушные пути дикихъ гусей и другихъ перелетныхъ птицъ; карта этихъ путей представила-бы огромный интересъ.

Въ области бассейна Тарима они, безъ сомнѣнія, руководятся теченіемъ рѣки, а озеро Лобъ-норъ является перво-степеннымъ сборнымъ пунктомъ, гдѣ скрещивается много путей и гдѣ дикіе гуси, утки, и массы болотныхъ птицъ, останавливаются на нѣкоторое время для отдыха. Но какъ перелетаютъ онѣ черезъ высокія горы, черезъ колоссальныя нагорья Тибета? Мы въ этихъ областяхъ видѣли дикихъ гусей всего раза два. Напротивъ, черезъ долину Сары-коль и озера Рангъ-куль и Чакмактынгъ-куль ведутъ, повидимому, важные пролетные пути.

Что-же до области, въ которой мы теперь находились, то здѣсь пролегалъ изстари извѣстный маршрутъ перелетныхъ птицъ — вдоль меридіана Кучи до Тарима и дальше вдоль этой рѣки къ Лобъ-нору.

Вся эта область вообще называется Угенъ. Но каждая „сатма“ съ прилегающимъ къ ней лѣснымъ участкомъ и пастбищами носитъ свое особое названіе.

Обыкновенный типъ жилищъ туземцевъ — глиняныя сакли съ плоской кровлей. Но для лѣта здѣшніе жители мастеряютъ себѣ легкіе шалаши съ выдающейся крышей на столбахъ. Въ лѣсахъ и степяхъ эти пастушескія племена ведутъ такую-же кочевую жизнь, какъ и пастушескія племена, живущія по Хотанъ- и Керіи-дарьѣ. Но здѣшніе жители далеко не такъ гостепріимны и добродушны, какъ тѣ, и часто относились къ намъ съ большимъ недовѣріемъ. Дворы охранялись полудюжиной дикихъ, злющихъ псовъ.

Съ каждымъ днемъ мы все больше знакомились съ этой сложной рѣчной системой и ея характеромъ. Главная рѣка не вездѣ течетъ по одному руслу, но, извиваясь по лѣсу, часто дѣлится на рукава. Около Дунъ-сальмы Яркендъ-дарья называется еще Юмалакъ-дарьей (Круглая рѣка), а лѣвый рукавъ ея Угенъ-дарьей. Названія вообще крайне спутаны; та-же

самая рѣка въ различныхъ областяхъ носить и различныя названія, и безъ помощи моего крайне точнаго и подробнаго маршрута, едва-ли можно было-бы разобраться въ нихъ. Но я еще буду имѣть случай вернуться къ этой интересной гидрографической задачѣ.

Пробираться сквозь лѣсныя чащи и заросли камыша, достигавшаго 3 метр. высоты, было дѣломъ не легкимъ. Но, къ счастью, у насъ былъ надежный проводникъ Исламъ-ахунъ изъ Шахъ-яра.

2 марта мы разбили лагерь на берегу Угенъ-дарьи, которая является здѣсь совсѣмъ ничтожною узенькою рѣчонкою, а на слѣдующій вечеръ опять около Инчке-дарьи, свободныя ото льда свѣтло-синія воды которой плавно струились по глубокому, узкому руслу.

5 марта мы остановились въ лѣсу Чонъ-тукай (Большой лѣсъ), чтобы дать отдыхъ верблюдамъ, купить барана и произвести астрономическія наблюденія. Инчке-дарья называется здѣсь Чайанъ; ширина ея равнялась 8 м., а глубина $1\frac{1}{2}$ м.

6 марта мы направили путь къ сѣверовостоку въ сопровожденіи одного пастуха изъ Чонъ-тукая. Лѣсъ порѣдѣлъ и перешелъ въ рѣдкій кустарникъ; кусты тамариска и саксаула росли на буграхъ, остовомъ которымъ служатъ корни растений. Тамъ и сямъ выступали маленькіе барханы, и еще до конца дневного перехода мы опять очутились среди песчаной пустыни.

Этотъ клочекъ пустыни, который идетъ по сосѣдству съ Конче-дарьей и суживается по направленію къ области, находящейся къ югу отъ Кучи, не носитъ особаго названія, но извѣстенъ по просту подъ названіемъ Кумъ (песокъ) или Чѣль (пустынная равнина). И здѣсь, какъ намъ говорили, находятся развалины древнихъ городовъ, но указанія были, по обыкновенію, очень неопредѣленны, и всѣ наши находки свелись къ лезвію каменнаго ножа, да черепкамъ обожженной глиняной посуды.

Мы набрали въ „толумъ“ воды и разбили стоянку въ старомъ, высохшемъ рѣчномъ руслѣ, по берегамъ котораго высились барханы въ 6—8 м. высоты. Это русло съ его поперечными извилинами, направлявшимися, главнымъ образомъ, къ востоку, служило нѣкогда истокомъ нѣкоторыхъ изъ рѣкъ,

оставленныхъ нами теперь позади, и представляло новое доказательство сильной измѣнчивости теченія водъ въ этихъ равнинахъ.

На слѣдующій день мы прошли остальной конецъ пустыни и вступили опять въ частый тополевыи лѣсъ. Здѣсь намъ предстояло перейти черезъ рукавъ Чарчакъ, шириною въ 9 м., и глубиною въ 3 м. Черезъ него былъ переброшенъ мостъ изъ колеблющихся бревенъ, возвышавшихся надъ водной поверхностью на 3 метра.

Два большихъ верблюда перешли, какъ всегда, спокойно и увѣренно, хотя мостъ такъ и плясалъ подъ ними. Но самый молодой, который вообще доставлялъ не мало хлопотъ, ни за что не хотѣлъ вступить на мостъ. Уперся, какъ столбъ, и ни дерганье веревки, продѣтой въ носъ, ни палки, обрабатывавшія его бока, не могли заставить его сдвинуться съ мѣста. Пришлось пуститься съ нимъ въ обходъ и перейти черезъ рѣку около Айюбъ-серкера, по болѣе надежному мосту, черезъ который упрямый верблюдъ и перебрался въ два неуклюжихъ прыжка.

10 марта мы, наконецъ, прибыли въ Курлю. Наши три верблюда, привыкшіе къ безмолвію и тишинѣ пустынныхъ областей, были просто перепуганы шумомъ и гамомъ, наполнившимъ узкія улицы. Цѣлая толпа мальчишекъ съ крикомъ и хохотомъ слѣдовала за нами по пятамъ и, повидимому, очень забавлялась, глядя на меня. Я торчалъ на спинѣ высокаго верблюда и, безъ сомнѣнія, представлялъ довольно комичную фигуру.

На базарѣ нашлось таки нѣсколько купцовъ изъ русскаго Туркестана. Аксакалъ ихъ, Куль-Магометъ изъ Маргелана, принялъ меня съ изысканною учтивостью и предоставилъ въ мое распоряженіе два большихъ помѣщенія, которыя, однако, пришлось дѣлить съ полчищемъ крысъ, топавшихъ по ночамъ вокругъ моего ложа.

Китайцы не достаиваютъ Курлю назначеніемъ особаго амбана, и она подчинена въ административномъ отношеніи Кара-шару; здѣсь стоитъ только „лянцза“ (гарнизонъ въ 250 ч.) подъ начальствомъ Ли-далоя. Даже новая телеграфная линія изъ Пекина въ Капшгаръ (черезъ Лянъ-чжо-фу, Урумчи, Кара-шаръ и Акъ-су) минуетъ городокъ.

Зато Курля лежитъ на большомъ торговомъ и караванномъ трактѣ, связывающемъ Пекинъ съ западными провинціями, и видитъ проѣздомъ много знатныхъ, богатыхъ китайцевъ. Для меня интересъ города сосредоточивался на томъ обстоятельстве, что онъ расположенъ на рѣкѣ Конче- или Курля-дарьѣ, вытекающей изъ самаго большаго озера внутренней Азіи, Баграшъ-куля, въ сравненіи съ которымъ Лобъ-норъ лишь затхлое болото.

11 марта я измѣрилъ притокъ воды въ Конче-дарьѣ; онъ равнялся 71.7 куб. метр. въ секунду. Меня удивило, что бревенчатый мостъ, перекинутый въ городѣ черезъ рѣку, почти касается поверхности воды. Теперь было какъ разъ начало весны, когда всѣ рѣки Восточнаго Туркестана обыкновенно сильно мелѣютъ, а нѣкоторыя даже и совсѣмъ пересыхаютъ.

Я полагалъ, что и Курля-даря подчинялась тѣмъ же условіямъ, т. е., что въ концѣ лѣта здѣсь наступало половодье. Но тогда рѣка должна была снести этотъ мостъ, какъ соломинку, и такимъ образомъ сообщеніе по этому важному торговому пути прервалось-бы. Это было немислимо.

Мнѣ, однако, объяснили, что уровень воды въ рѣкѣ *всегда* остается почти одинаковымъ, повышаясь или понижаясь противъ нормы всего пальца на два.

Если прибавить къ этому, что рѣка эта, въ противоположность другимъ рѣкамъ, несетъ прозрачную и чистую, какъ хрусталь, воду, чуднаго синяго цвѣта, то является предположеніе что она находится въ какихъ то особенныхъ отношеніяхъ къ Баграшъ-кулю. Если не считать временныхъ случайныхъ и ничтожныхъ атмосферныхъ осадковъ, попадающихъ иногда въ формѣ дождя въ это озеро, оно принимаетъ воду только изъ одного притока, зато огромныхъ размѣровъ: въ него вливается водная артерія долины Юлдусъ, рѣка, называемаяся по монгольски Хайды или Хайдыкъ-голь; магометане-же зовутъ ее Кара-шаръ-дарьязы.

Эта рѣка отличается тѣми-же свойствами, какъ и всѣ рѣки Восточнаго Туркестана: лѣтомъ несетъ огромныя массы воды мутной отъ ила, осенью и весной принимаетъ средніе размѣры, зимою-же наименьшіе и, какъ и озеро, сковывается толстымъ льдомъ.

Представлявшаяся мнѣ гидрографическая загадка сма-